

О. А. Семихатова • Как я стала ленинградкой • ВОСПОМИНАНИЯ

О. А. Семихатова

Как я стала ленинградкой

ВОСПОМИНАНИЯ

О. А. Семихатова

Как я стала
ленинградкой

ВОСПОМИНАНИЯ

Санкт-Петербург
2015

В воспоминаниях Ольги Александровны Семихатовой, охватывающих период с 20-х по 50-е годы XX в., рассказано о детстве в Москве, учебе на биофаке МГУ в первые годы войны, о жизни в эвакуации в Средней Азии и нелегкой работе на высокогорной Биостанции на Памире, о дальнейшей жизни в Москве в военные и послевоенные годы и о переезде в Ленинград для работы в Ботаническом институте Академии наук.

Книга, написанная ярко и живо, на основе подробных дневников, которые автор вела многие годы, очень интересна не только для биологов и историков, но и для широкого круга читателей, не равнодушных к прошлому нашей страны. Как пишет автор, «важно то, что преодоление всех тягот военного времени и дальнейших жизненных испытаний базировалось на воспитании в семье, а оно в настоящее время сильно изменилось. В прошлом, я уверена, есть многое, что следовало бы помнить, ценить и перенять».

Ольга Александровна Семихатова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВСТУПЛЕНИЕ	14
ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ	
НАЧАЛО ПУТИ	17
Раннее детство.	17
Начальная школа	23
На даче летом	28
Отрочество.	34
Первые годы в МГУ.	38
ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ	
ВОЙНА	43
Первый трудфронт	43
В Заречье.	45
Сентябрь – октябрь 1941 года в Москве.	48
Эвакуация	50
Ташкент – САГУ	51
ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ	
НАЧАЛО ПАМИРА	57
Появление Заленского	57
Дорога в Чечекты	59
Первое лето на Биостанции	62
Военные гости.	72
Осень.	77
Дорога в Хорог	80
В Ботаническом саду	83
«Поэма о картошке»	85
Ноябрь 1942 года	95
ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
ПАМИРСКАЯ ЗИМОВКА	99
Декабрь 1942 года.	99
Январь 1943 года	104
Февраль 1943 года.	106
Март 1943 года	109
Поездка за известкой	112
Апрель 1943 года	116
Май 1943 года	119

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ	
ВТОРОЕ ЛЕТО В ЧЕЧЕКТАХ123
Июнь 1943 года123
Июль 1943 года125
Август 1943 года127
ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ	
МОСКВА, УНИВЕРСИТЕТ131
Дорога домой131
Москва, 1944–1948 годы135
Мои дела дома136
Вновь студентка МГУ138
Друзья довоенного времени142
О кафедре147
ТЕТРАДЬ СЕДЬМАЯ	
ТУНГОВАЯ ЭПОПЕЯ151
Москва – Тбилиси – Махарадзе151
Джиханджурский совхоз152
Начало работы156
Окружение моей жизни158
Кадорский совхоз164
Безымянка166
Тунги Краснова169
Итоги и перспективы172
ТЕТРАДЬ ВОСЬМАЯ	
АСПИРАНТУРА174
Работа над диссертацией174
Друзья памирские181
ТЕТРАДЬ ВОСЬМАЯ	
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЧЕЧЕКТЫ191
Лето 1949 года191
Памирские физики194
Лето 1950 года199
ТЕТРАДЬ ДЕВЯТАЯ	
ДЕЛАЮСЬ БИНОВКОЙ.202
Весна в Ленинграде202
Защита диссертации206
Закрепление пройденного пути208
Вместо заключения210

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не каждый человек может написать мемуары, хотя многие прожили долгую и, зачастую, насыщенную жизнь, и так же, как и Ольга Александровна Семихатова, были «свидетелями» бурного и беспокойного XX века, вместившего эпохальные события как для всего мира, так и для нашей страны. Чтобы писать и, главное, иметь заинтересованного и внимательного читателя, нужно обладать рядом качеств, иначе мемуары, пусть даже написанные, превратятся в формальный перечень пережитых событий, не будучи связанными единой крепкой нитью.

Одно из этих качеств – цельность и незаурядность натуры, стойкая жизненная позиция, прямота и ясность жизненного пути, необычайная преданность выбранному делу. Другое – умение писать. Просто, не вычурно, без лишнего пафоса, уютно и как-то «по-домашнему», легким и немного старомодным языком, так что кажется, что текст сам просится в глаза и уши и хочется читать еще. Это тем более приятно и удивительно, когда знаешь, что О. А., выдающийся ученый, всю жизнь писала научные статьи и невольно ждешь и в «светском» сочинении сухого академического стиля с выводами и доказательствами. Ничуть не бывало! Текст невесом и прозрачен, он очень теплый и притягивающий своей искренностью, в нем нет попыток навязать свое мнение или идею, каким-либо образом приукрасить себя. И несмотря на это, это текст очень крепкий и цельный, поскольку написан человеком с благородной и чуткой душой и замечательным, редким характером, в кото-

ром преобладают привитые с детства человеческие ценности.

Такие воспоминания очень дорого стоят, поскольку путь такого человека, его реакции, поступки, общение с людьми, оценки, обычные действия в самых разных ситуациях несут огромную пользу нам – младшим поколениям. Мы, младшие, бываем разброшены, непоследовательны, часто не знаем, чего хотим от жизни и смутно представляем ее цели, нам не хватает стойкости и жизнелюбия. У нас нет того самого «стержня», свойственного людям «старой закалки», который позволяет выбирать прямую дорогу и интуитивно избегать окольных, ненужных троп. Поэтому из таких воспоминаний, с виду бесхитростных и не изобилующих сногшибательными и трагическими событиями, извлекаешь огромные уроки, они заставляют задуматься и во многом пересмотреть свою жизнь и отношение к ней, учат, как смело, стойко и добросовестно справляться с проблемами «по мере их поступления», как доброжелательно, терпимо и отзывчиво общаться с людьми, как любить жизнь во всех ее проявлениях.

Уроки извлекаешь не только из воспоминаний, но и из непосредственного общения с ОАС – так её по сей день называют в лаборатории. Каждый раз, навещая её в квартире старого дома в Ботаническом саду, становится немного стыдно за себя: всегда получается, что именно она, человек, которому недавно исполнилось 94 года, выступает в роли утешителя, что именно она дает тебе заряд бодрости, вдохновения, спасающий от уныния и груза мелких неприятностей. Такая способность поддерживать, подбодрить, выслушать с самым искренним, неподдельным интересом, чутко и мудро отреагировать, дать добрый, дельный совет – поистине

восхищает. Когда ее спрашиваешь по телефону о самочувствии, она говорит «по паспорту», а на самом деле лишь редкие единицы со схожими паспортными данными могут похвастаться такой силой духа, самодисциплиной, ясностью ума, работоспособностью и таким живым интересом к жизни и ко всем людям, которым посчастливилось находиться в ее окружении. С какой завидной стойкостью справляется она с неизбежными сюрпризами возраста! Завидной для нас, 60-летних, норовящих кряхтеть и жаловаться по пустякам. Не говоря уж просто о действии ее личного обаяния – ОАС красивая, очаровательная женщина, ничуть не утратившая этих качеств с возрастом, со своим уникальным, кокетливо-озорным и вместе с тем строгим стилем.

Ниже приводится краткая биография Ольги Александровны, касающаяся в основном ее пути в науке, но это лишь сухая канва, в которую вмещается неизмеримо большее – долгая яркая жизнь, полная событий, переживаний, достижений, любви, страсти к науке.

О. А. Семихатова родилась в Москве 25 июля 1921 года в семье преподавателя Московской Сельскохозяйственной академии, впоследствии названной именем Тимирязева. Десятилетку она окончила в 1939 году и поступила без экзаменов как отличница в Московский университет на биофак, еще не имея представления, какой раздел биологии выбрать как специальность. Когда осенью 1942 года в московских ВУЗах, включая университет, началась эвакуация, семья выехала с Гидрогеологическим институтом (отделившимся от С/Х Академии) в Ташкент, где О. А. поступила в Среднеазиатский университет (САГУ) на 3-й курс кафедры биохимии, руководимой А. В. Благовещенским. Летом 1942 года как студентка МГУ и в течение учеб-

ного года (1942–43) в САГУ О. А. участвовала в трех разных трудфронтах. Несмотря на то, что программы университетов несколько отличались, О. А. сдавала экзамены на «хорошо» и «отлично» и весной 1942 года при распределении студентов на летнюю практику была рекомендована А. В. Благовещенским для работы в качестве лаборанта на памирскую Биологическую станцию таджикского филиала АН, расположенную на Восточном Памире в долине Чечекты (3600 м над ур. моря). Там она под руководством О. В. Заленского освоила метод Рихтера определения фотосинтеза и занималась определением его интенсивности у интродуцируемых на полях Биостанции ячменей, а потом как студентка получила задание А. В. Благовещенского определять активность фермента каталазы у памирских аборигенных растений. Для более полного изучения вегетационных изменений метаболизма интродуцентов на памирской Биостанции первый раз планировалась зимовка физиологов. О. А. попросила включить ее в число зимовщиков.

Условия зимовки самые примитивные: свет – керосиновая лампа, тепло – печки и в виде дров одревесневшие части кустов терескена, вода – в зимние месяцы топить из снега. Зимовщиков 5 человек, 2 лошади и 2 собаки. Киргизы-рабочие жили тут же на Биостанции. Работа О. А. – анализы содержания углеводов в листьях ячменя и аборигенных растений и трехкратные метеонаблюдения. У всех дежурство на кухне в очередь. Связь – военная почта (с перерывами), рассказы военных, заезжающих на Биостанцию или дежурящих, и поездки на бричке или попутной машине в Мургаб.

В дневнике, который О. А. вела, написано, что зимовщики ощущали гнетущее действие зимы и что за-

пасы продуктов питания были недостаточны и к весне зимовщики недоедали. Однако судя по воспоминаниям, зимовка в целом оставила незабываемое и светлое впечатление.

Осенью 1943 года по вызову МГУ О. А. вернулась в Москву и поступила на 4-й курс биофака на кафедру физиологии растений, руководимую Д. А. Сабининым. Успешно сдавая экзамены и зачеты, получила Ленинскую стипендию. Темой дипломной работы был анализ роста и развития тунга, интродуцированного в ряде совхозов Северного Кавказа. Окончив курс, О. А. поступила в аспирантуру к профессору Сабинину и окончила ее в сентябре 1948 года. Из несколько возможных мест работы О. А. выбрала Восточный Памир, куда в 1949 году для работы на Биостанции Президентом АН было направлено 2 единицы, формально принадлежащие Ботаническому институту им. В. Л. Комарова в Ленинграде. На Памире в течение 6 сезонов О. А. исследовала дыхание растений, его интенсивность и зависимость от температуры. В 1952 году в БИНе была организована лаборатория экологической физиологии с целью исследования фотосинтеза и дыхания растений методом меченых атомов. Ею руководил О. В. Заленский, освоивший этот метод на Памирской биостанции. О. А. стала первым сотрудником этой лаборатории и проработала в ней до 1996 года, а в 1952–58 годах заведовала ею. Следует подчеркнуть, что в этой лаборатории во всех ее исследованиях особое внимание уделялось как освоению и усовершенствованию новейших методов, так и критическому анализу уже широко используемых. Этому были посвящены 4 книги ОАС (3 из них в соавторстве).

Другой особенностью лаборатории Заленского была тесная связь ее сотрудников с другими исследователями разных городов и стран. При этом взаимосвязь была не только с физиологами других лабораторий, но и с ботаниками других направлений, которая выливалась в общие обзорные доклады, эксперименты и экспедиции. О. А. и ее помощники проводили опыты по дыханию изолированных митохондрий совместно с сотрудниками кафедры физиологии в ЛГУ. Экофизиологические исследования дыхания растений пустынь сотрудниками кафедры физиологии растений Ташкентского университета были фактически инициированы О. А. В результате среднеазиатские пустынные растения стали занимать первое место среди пустынь мира по степени изученности дыхания их растений. Тесная связь у «дыхательщиков» Ленинграда была также с физиологами Хибинского Ботанического сада. Близко совпадали интересы О. А. и сотрудников Новосибирского Ботанического сада.

Формальный статус О. А. изменялся в соответствии с развитием исследований: должность старшего научного сотрудника была присвоена ей в 1973 году, главного научного сотрудника – в 1983, звание профессора – в 1986, заслуженного деятеля науки – в 1997. В годы перестройки (с 1988 по 2003 годы) О. А. получала особое пособие – «Государственную стипендию выдающимся ученым».

Около 200 публикаций О. А. включали как описания результатов экспериментальной работы, так и общественно-научные статьи, рецензии, исторические обзоры изучения дыхания. Большую долю составляли критический анализ и описание новейших методов, ко-

торым посвящены и книги, а также современный обзор состояния разных аспектов изучения дыхания.

Публикации результатов, полученных новейшими методами в мало исследованных местообитаниях растений, сделали лабораторию О.В. Заленского и его сотрудников хорошо известными как в России, так и за её пределами. Лабораторию стали посещать ведущие исследователи экологической физиологии разных стран, а ее сотрудников приглашать с докладами. Постепенно эти «иностранные связи», начинаясь с деловых встреч и обмена оттисками, переходили в дружеские отношения. О.А. была на конференциях в Англии, Канаде, семинарах в Югославии и Чехословакии, со специальными лекциями в Германии по дыханию растений гор, Севера и засоленных территорий.

Полученные О.А. и ее сотрудниками результаты отражены наиболее полно в ее докторской диссертации (1973 г.), в Костычевском чтении (1970 г.), а также в обзорной статье «60 лет исследований темнового дыхания растений в лаборатории Заленского» (2012 г.).

Педагогическая работа О.А. касалась как студентов, так и, в большей степени, соискателей кандидатской и докторской степеней, как отечественных, так и иностранных (более 10 человек: Ташкент, Новосибирск, Кировск, Югославия, Албания, Индия). Студентам О.А. в течение двух семестров (1980–81 гг.) читала курс экологии дыхания в ЛГУ. Кроме того, учила определению дыхания манометрическим методом (тогда новейшим) на манометрических аппаратах лаборатории. Таких стажеров из разных городов было несколько одновременно. Эта практика прекратилась, когда в 1965 году вышла книга О.А. Семихатовой и М.Г. Чулановской, посвященная методу манометрии. Кроме того,

в соавторстве с профессором Т.В. Чирковой в 2001 году было опубликовано пособие по дыханию растений.

Общественно-научная работа О. А. – это участие в ученых советах (БИН, ЛГУ), секретарство, а затем (с 1978 по 1997 гг.) руководство секцией экологической физиологии Всесоюзного ботанического общества, публикации, посвященные прошедшим совещаниям, юбилеям и памяти сотрудников и друзей, многочисленные рецензии и участие в редколлегиях журналов (Ботанический журнал, Физиология растений, Общая биология, Plant physiology). «Чисто» общественная работа О. А. – это участие в разных институтских комиссиях (жилищной, премиальной и др.).

Формально ОАС «вышла на пенсию», то есть перестала быть официальным сотрудником лаборатории, в 1996 году, но многие годы после этого почти ежедневно приходила в институт и продолжала активно и плодотворно работать – писала обзорные статьи, обсчитывала и публиковала свои еще не напечатанные и не обработанные данные по дыханию растений Севера, участвовала в лабораторных семинарах и обсуждениях. Появление ее фигуры – высокой, подтянутой, изящной – всегда подымало настроение и заставляло в свою очередь собраться и настроиться на более деловую, высокую и жизнелюбивую ноту. Ум ее, привыкший творить и мыслить, не может находиться в бездействии, и в частности поэтому, написав свою последнюю научную статью, опубликованную в Ботаническом журнале в декабре 2013 года, она по просьбе друзей и родных взялась за воспоминания. К сожалению, они заканчиваются 52-м годом, а хотелось бы дальше, больше! ОАС в своем «Вступлении» объясняет это тем, что к этому времени ее жизнь «определилась и в бытовом,

и в трудовом отношении, и кончилось время сильных испытаний и поиска себя». Может быть, жизнь и «определилась», но она продолжается, и эти 60 с лишком лет шла и идет полным ходом, и главная героиня этой жизни – человек редкого душевного и нравственного склада, деликатного и вместе твердого, отзывчивого и требовательного. Ведь там было и есть так много – и годы заведования, и отношения с людьми, успехи, неудачи, поездки, огромный труд, личная жизнь наконец... Поэтому мы были бы очень рады продолжению – неважно, будут ли в нем захватывающие истории, испытания, описания трудных времен страны – важны реакции, чувства, мироощущение человека, во многом превосходящего нас, младших, а значит, несущие для нас бесценные уроки.

ВСТУПЛЕНИЕ

Писать эти мемуары меня побудило несколько причин. Во-первых, то, что мной уже было описано наше детство для книжек, посвященных моему старшему брату Коле. Во-вторых, многие друзья просили меня написать про себя и свою жизнь и, главное, почему я ленинградка, хотя родилась и училась в Москве. И третье: теперь, много лет спустя, все чаще сталкиваешься с тем, что молодежь, и не очень молодежь, не имеет никакого понятия о том важнейшем периоде жизни нашей страны – военном времени. А у меня сохранились дневники тех лет, позволявшие его описать на основе тех фактов и того представления о них, которое не только сохранилось в памяти, но и имеет документальную основу.

Теперь, много лет спустя, многое из прошлого страны и собственной жизни переосмыслено. Дневники давали возможность, если писать, то стараться воспроизводить тогдашнее мировоззрение и оценки своих и чужих поступков.

Но были мотивы, препятствующие «погружению в прошлое». Это то, что еще не была опубликована

часть результатов наших исследований до сих пор мало изученного процесса дыхания растений Севера. В основном это были данные, полученные группой «дыхательщиков» лаборатории экологической физиологии Ботанического института АН им. Комарова, руководимой О.В. Заленским. Они касались особенностей реакции на температуру интенсивности дыхания и ее связи с содержанием азота листьев растений о-ва Врангеля и значительно дополняли немногочисленные данные, полученные разными авторами в нескольких точках Севера. И тогда (в конце XX столетия) я занялась анализом и публикацией наших результатов, то есть «зов будущего» оказался сильнее, чем «зов прошлого».

Однако осознание значимости прошлого все же отразилось в моей работе того времени: в 2012 году мы опубликовали обзор нашей работы по дыханию за 60 лет, но в области нашей научной деятельности, а не жизни, воспоминания о которой я начала писать лишь в 2014 году, когда в Ботаническом журнале вышла моя последняя статья. Что получилось – предоставляю на суд читателей. Здесь надо только объяснить, почему эти воспоминания начинаются с периода младенчества, а кончаются 1952-м годом. Причина в том, что к этому времени моя жизнь определилась и в бытовом, и в трудовом отношении, и кончилось время сильных испытаний и поиска себя. К тому же и в жизни страны тогда тоже установилось послевоенное время.

То, что в эти воспоминания включены разделы, посвященные раннему детству и отрочеству, а также предвоенным годам в МГУ, имеет два объяснения. О детстве, как я уже говорила, я писала раньше для книг, посвященных моему старшему брату Коле – генеральному конструктору НПО автоматики в Сверд-

ловске (теперь Екатеринбург). Мне надо было лишь немного прибавить о себе. Но важно было то, что преодоление всех тягот военного времени и дальнейших жизненных испытаний базировалось на воспитании в семье, а оно в настоящее время сильно изменилось. В прошлом, я уверена, есть многое, что следовало бы помнить, ценить и перенять. И, наконец, я не могу закончить это вступление, не выразив сердечную благодарность своим друзьям, без которых я бы ничего не написала: Ольге Юдиной, Ольге Кирпичниковой, Елене Зубковой, Нине Литвиновой - они словом и делом, в жизни и труде, помогали и помогают мне. Поблагодарить я хочу и тех, кто, интересуясь моими воспоминаниями, просто звонил мне, чтобы узнать, как идут дела с писанием. Особо я хочу сказать огромное спасибо Ольге Кирпичниковой, взявшей на себя труд довести мое писание от состояния пачки рукописных страниц до издания.

СПАСИБО!!!

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

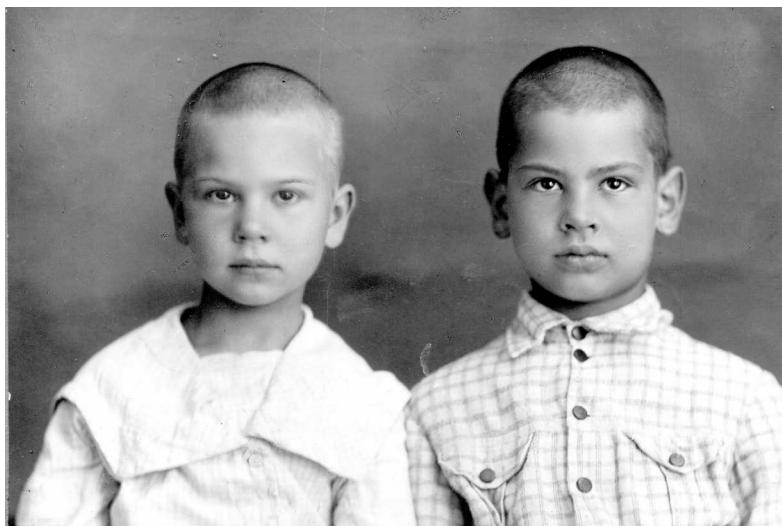
НАЧАЛО ПУТИ

Раннее детство

Я родилась в Москве 25 июля 1921 года. Мои родители были геологами, точнее папа – гидрогеолог, а мама – палеонтолог. Мы жили в районе, который теперь называется Тимирязевским по имени Сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева. Тогда это было далеко от собственно города Москва, куда в 20-х годах ходил паровичок, затем трамвай. Мы жили в довольно большой деревянной даче, разделенной кое-как на квартиры, которые занимали преподаватели и сотрудники с/х академии. Вокруг дачи был большой участок с деревьями, искусственным прудом, горкой и лугом, так что детям было где гулять и развиваться. Я росла со старшим (на 2,5 года) братом Колей. Быт наш был прост и размерен, у нас было много свободного времени для игр дома и в саду.

Дома было все просто: стояли два (потом три) стеллажа с книгами, письменный и обеденный столы, кем-то из знакомых одолженный книжный шкаф и что-

то под названием умывальник, водопровода не было. Кроме того, помню что-то вроде низенького диванчика и два грубоватых предмета большого размера с интригующими детей названиями: «гардероб» – для одежды взрослых и «рыдван» – система полок с фанерованными дверцами для камней с «палеонтологией» – ископаемых раковин брахиопод, которых изучала наша мама. Во второй комнате были только кровати, сундук и какое-то вместилище для наших игрушек, в котором Коля соблюдал большой порядок. Позже над его кроватью появилась полочка для книг, а в первой комнате – красивый, как мне казалось, умывальник, заменивший таз с кувшином. Отапливались обе комнаты голландской печью с цветными изразцами и большой топкой, которая закрывалась двумя дверцами, каждая с красивыми ручками. Топили ее большими поленьями, но согревала комнаты она не очень хорошо. Я помню, что зимой меня одевали, поставив на табуретку напротив раскрытой топки. Это, наверное, одно из самых первых моих воспоминаний детства. Второе тоже касалось возраста около года. Мама уехала в Ленинград, я ночью проснулась, и папа никак не мог меня успокоить. Чтобы мой рев не разбудил Колю, папа вынес меня во вторую комнату и поставил на обеденный стол, на котором лежала вышитая тетей Маней широкая красивая дорожка. Желтые вышитые на ней цветы и мои маленькие ножки прямо на них, на столе, где мы едим, поразили меня, как теперь ясно, на всю жизнь. Будучи взрослой, я попросила тетю Маню вышить мне такую же дорожку и она до сих пор хранится у меня. Третье воспоминание – это как Коля прогнал соседскую козу, которая бодала меня, наверное, желая меня повалить.

О. А. Семихатова со старшим братом Колей

С самых ранних лет нас выпускали одних на участок при доме. Рядом были пруд и горка, с которой было хорошо кататься на санках и лыжах. В те годы зимы были снежные, а Коля был строитель по духу, мы с ним лепили крепости из снега, горки, рыли в сугробах пещеры и залезали в них – прятались. В немногие свободные часы родители ходили с нами на прогулки на «Лесную дачу» и в поле. А когда в природе было что-то особенное – сильный снег или проливной дождь, молнии, туман или лунное затмение – папа выводил нас в любой час наблюдать и объяснял происходящее.

Дома у нас было немного игрушек. Почти всегда мы играли вместе, Коля сооружал что-нибудь из найденных железок и кубиков. Потом появился конструктор. Мы рано научились играть в «дурака» в карты и в «блошки» с помощью пуговиц. Дома долго сохранялись раскрашенные нами листы бумаги – это мы чертили, подражая родителям, занятым геологическими карта-

ми, планы каких-то участков с постройками и садом. Один такой план, помню, занимал несколько двойных листов бумаги и назывался «Бандерлелкин сад». Нашими друзьями были жившие в том же доме Димка и Тоти – наша двоюродная сестра, дочь дяди Бори. Мы играли с ними в подвижные игры с элементами соревнования (выиграл – проиграл). Мы с Тоти были почти одноклассниками, но воспринимались по-разному: она была типичной девочкой, а меня долгое время одевали в то, из чего вырос брат, я подражала ему и в манерах. Однажды к нашему дому забрели два мальчишка, которые мне не понравились, и я их поколотила, когда они стали «задираться», не желая уходить. Поколотила так крепко, что они пошли жаловаться моей маме. Но она их устыдила, показав меня – девчонку без шапки и пальто.

Но хватит про детство! Еще только два слова: когда мы не слушались, слишком шалили или вообще безобразничали, всегда наказывали – шлепками – только Колю, но он никогда не плакал, а я за него вопила на всю околицу.

Учиться мы, конечно, сначала Коля, начали дома у частной учительницы, в школах тогда была бригадная методика. Очень много занимались с нами родители, в основном – мама. Она вникала в наши интересы, расспрашивала или слушала наши рассказы о том, что происходило, когда мы были на улице. Пока мы оба не научились читать, мама нам много читала. В соответствии с возрастом это были и Пушкин, и Киплинг, и Жюль Верн и др. Под влиянием Наутилуса, которого переводя с листа французский текст, пересказывала нам мама, я в 7 лет написала целую тетрадку приключений корабля-амфибии в форме яйца и с названием «Яйцо на море». Моей любимой была переводная кни-

га о жизни ездовых собак на Аляске, которая была написана от имени собаки. Были у нас и хорошо иллюстрированные «взрослые» книги о природе, животных, растениях. Например, была книга об Арктике, о ее льдах, о северном сиянии, полярных днях и ночах. Мы ее так «зачитали», что пришлось эту почти рассыпавшуюся книгу обернуть в толстую белую бумагу. Коля сделал это очень аккуратно и – как название – написал на оберточной бумаге «Вещи в воздухе и на земле на Северном полюсе».

Уделял нам внимание и папа, он был очень добрым человеком, многим помогал в жизни и в учебе. Я особенно чувствовала его доброту, когда, огорчая родителей, часто болела. Но особая ласка к нам, детям, не была принята. Поцелуй – это большая редкость, несколько чаще – от папы. Мама свою любовь и поддержку умела выражать иначе – похлопывала нас по плечу и говорила «спокойной ночи», когда укладывала спать, а позднее ободряюще хлопала по спине, когда отправляла в школу на контрольную работу или экзамен. Нельзя сказать, что наш быт был суровый – нам было хорошо и уютно дома. Но родители были всегда очень заняты. Я не помню, чтобы у нас бывали гости с засто-
льем, хотя нередко приезжали сестра мамы и брат отца.

Мои воспоминания о нашем детстве в Тимирязевке касаются больше зимнего времени, потому что как только я подросла, родители стали брать нас с собой туда, где они проводили геологические исследования. «Подбрасывали» нас хозяйке дома, в котором снимали комнату как базу, или брали с собой в геологические маршруты. Году в 28-м (или в 29-м) мы жили в станице Кременской в нижнем течении Дона. Мы познакомились с сельским бытом, учились ездить верхом на лошади,

любили залезать на стог сена на заднем дворе. Иногда Коля ездил с хозяином на бахчу за арбузами. Вернувшись, здесь же на дворе хозяин колол арбуз о колесо – зрелый арбуз при этом распадался на половинки. Хороший арбуз отдавали нам, неважным (плохих не бывало) тут же угощали лошадей. Когда родители брали нас с собой в маршруты, мы, проехав вместе с ними какое-то расстояние на телеге, оставались во временном лагере вместе с возницей, ели сваренный им кулеш из пшена и картошки, потом спали под телегой, прячась от солнца, а к вечеру веселые и довольные вместе с уставшими родителями возвращались на базу. Теперь это слово, «телега», может вызвать вопрос или даже недоумение. Тогда геологи передвигались только на лошадях, может быть это и обусловило доскональное знание нашим папой расположения подземных вод Европейской части России.

Надо вспомнить наших дошкольных учителей. Первым был Колин учитель английского языка – мистер Холберст. Это был англичанин, мужчина средних лет, оказавшийся в России, когда был матросом, и так оценивший (или переоценивший) русскую водку, что упал с моста на Невском проспекте и сломал ногу. Он не вернулся в Англию, а стал преподавать русским детям английский язык. С ним связано одно из моих ярких воспоминаний. Мне было 4 года, в нашей длинной комнате стояла елка. На рождество был приглашен м-р Холберст, его угостили, и он стал на ломаном русском языке рассказывать что-то из своей морской жизни. Хромая, он расхаживал по нашей длинной комнате, был полумрак, я не все понимала в его речи, но создавалось четкое ощущение, что мы – на корабле и море качает нас. До сих пор вижу эту картину.

Довольно скоро англичанина сменила настоящая учительница, подготавливавшая Колю к школе, вернее вместо первых классов школы, которые были еще с бригадным методом учебы. Ее звали Варвара Александровна. Она с Колей садилась за его столик, я была в этой же комнате и, как предполагали старшие, играла со своими игрушками, но в основном слушала урок, стараясь понять все интересное, новое. От такой умственной нагрузки или еще отчего-то я стала плохо спать, во сне кричала, видела очень яркие сны. Мама не позволяла мне слушать, но вместо того, чтобы уйти, я пряталась под кровать и слушала уроки. По совету нашего доктора мама стала уводить меня гулять. Доктора тоже были частные. Наш Федор Федорович Шуберт жил тут же на Ивановской улице и лечил всех здешних детей. Я много болела.

Тогда и на всю жизнь я познакомилась со сверстницей из соседнего дома Верой Квятковской (Кравчук).

Начальная школа

В 1929 году мы пошли в школу – я во второй, а Коля в четвертый. О первых школьных годах я помню мало. Школа занимала два небольших дома. Классов не хватало, так что когда первачки уходили на физкультуру, их помещение занимал второй класс. Эта смена сопровождалась некоторым баловством и озорством. Помню, что на переменах бывало весело и некоторые девочки плясали. В таком веселье участвовала и Вера Квятковская. Я была только зрительницей, часто болела, потому пропускала много уроков. Рожденная в голодные годы, я переносила все неизбежные детские болезни тяжело, с осложнениями. Только четвертый класс, как

и весь тот год, запомнился, потому что наша жизнь, как и жизнь всей страны, сильно изменилась. Во-первых, наши родители, устав от жизни в коммуналке, вступили в какой-то дачный кооператив и приобрели недостроенный дом в поселке Лось (теперь там даже не окраина, а просто город Москва). К этому шагу их подвинуло и то, что летом нельзя было ехать в деревню, т.к. там проходила коллективизация. Уже в 1929 году мы слышали пронзительные крики женщин на сельских сходках. Лето 1930 года мы провели в одном из пригородов Курска. Там нас «пасла» знакомая, она с радостью воспользовалась возможностью выехать с маленькой дочкой на какое-то время из Москвы. Она учила нас английскому языку. Мама появлялась редко, и мы вели себя не идеально, дерзили нашей англичанке, не слушались, плохо учились, иногда из специально засушенных листьев липы скручивали «козьи ножки», папиросы, и курили. Правда, длилось это недолго: в мою самокрутку вместе с листьями попала сороконожка и она, не будь дура, когда я зажгла кончик, выбежала мне в рот. Это произвело такое впечатление на нас обоих, что ни я, ни Коля больше никогда не курили.

Осенью мы пошли не в Тимирязевскую, а в местную школу – я в четвертый, а Коля – в шестой класс. По ряду обстоятельств мы с Колей задержались на даче практически до зимы. Этот недостроенный дачный домик внутри был как полторы большие комнаты с печью посередине и окнами со всех сторон, завешенными маленькими бризбизками. В моем четвертом классе уроки заканчивались раньше, чем в Колином шестом, и я приходила домой еще при дневном свете, ела, как правило, пшеничную кашу, которую варила нам живущая в пристройке с кухней слабоумная тихая женщи-

на. Она топила печи, готовила еду и стирала, но совсем не разговаривала с нами. Еще был небольшой лохматый песик. Я делала уроки, сидя на табуретке, конечно впритык к печке. Время было беспокойное, на улицах грабили, в дома залезали, и одной в пустой комнате с большим числом окон мне было очень неудобно. Когда пес рывком кидался к какому-нибудь из окон, я перетаскивала свою табуретку на противоположную этому окну сторону печки. И так раза 2 – 3. Когда приходил домой Коля, пес мог лаять куда хотел, я не реагировала – защитник (11 лет) дома. Поздно вечером приезжал папа или его друг Нелюбов, чтобы переночевать с нами и уехать рано утром на работу, а нередко мы, предупрежденные заранее, ночевали одни.

Но речь о школе. Она была на другом конце поселка Лось. Учениками были как дети, постоянно живущие в поселке, так и хулиганистые и вшивые мальчишки из недалеко расположенной коммуны. В нашем классе они главенствовали, девочки были на переменках бесправны – стояли вдоль стенок коридора (зала не было, а классы проветривали). К крайним из ряда эти мальчишки «приставали» – старались захватить за шею. Через два дня после появления меня как новенькой одному из попытавшегося пристать ко мне я здорово вдарила. Кроме того, стало известно, что мой брат учится в старшем классе. Девочки стали для защиты ставить меня крайней в их ряду на переменках.

Из учителей я помню нашу классную руководительницу. Она умела держать дисциплину так, что можно было учиться. Бузотеров она просто выгоняла из класса. А еще – учителя музыки. Пожилой интеллигентный человек, он играл нам на пианино, учил петь, объяснял музыку. «Шпанистые» ребята просто не хо-

дили на его уроки, а те из них, которые ходили – вели себя хорошо. Увезли нас в Тимирязевку поздней осенью или зимой, мы вернулись в свои классы.

Пятый и шестой класс я помню лучше, появились разные учителя, интересные предметы: биология, химия, геометрия, на математике – много устного счета, которым я увлекалась. Происходит некий скачок: мы уже не дети, а подростки, у нас есть собственные интересы, чтение и серьезное отношение к урокам. Колю перевели в городскую школу, он ездил в город, стал более занят и серьезен. А у меня появился новый крошечный братик Миша, к которому я очень привязалась и делала все, что могла, что доверяла мама. Я увлеклась чтением, повзрослела так, что стала понимать, что не все мальчишки одинаковы и один из них мне понравился. У нас с ним появились общие интересы, дух соревнования в учебе. Седьмой класс – это опять другое: новое здание школы, куда надо идти около 40 минут или ехать на трамвае, и совсем другие учителя. В седьмом классе я очень серьезно заболела менингитом и пропустила все второе полугодие. После длительной и тяжелой болезни (две недели я была без сознания), выздоровев, я оказалась в совсем другом доме и в другом окружении. Тимирязевская академия построила для своих сотрудников пятиэтажный кирпичный дом на Красностуденческом проезде (№28), папе дали в этом доме трехкомнатную квартиру со всеми удобствами на первом этаже. Только плита и колонка в ванной комнате топились дровами.

Конечно, и ребячье окружение было иным. После болезни лечившие меня врачи сказали маме, что лучше не пускать меня в школу, догонять пропущенное потом, а пока эту весну и лето мне надо больше двигать-

ся, больше бывать на воздухе и забыть о болезни. (Для последнего требовалось, чтобы у меня отросли волосы, постриженные в больнице наголо.) Выполняя такую программу, я только в первую часть дня, фактически позднее утро, немного занималась или читала, а потом была на улице. К этому времени пяти- и шестиклассники уже приходили из школы и кучковались здесь где-нибудь на природе, которой тогда в Тимирязевке было много между и около домов. Я познакомилась, прежде всего, с очень милой девочкой, года на три меня моложе – Таточкой Балашовой. Дочь школьных учителей, она привыкла к самостоятельности. Внешне она привлекала явной грацией движений и разным цветом глаз. Мы с ней дружим до сих пор. С мальчишками я подружилась, просто включившись в их активные игры – лапту, салки и т.д. А однажды, устав бегать, мы сели на какое-то бревно и я рассказала им то, что недавно читала, для них тоже интересное. После этого стало правилом, что я им рассказывала то, что помню или на 80% выдумываю. Они называли меня «старшой», а я их – «Святополком». Наибольшими любителями моих рассказов из 4–5 мальчишек были Володя и Боря. Иногда к нам присоединялись слушать более старшие (на 2–3 года) и более хулиганистые ребята. Однажды мы (Тата, я и 2 уже названных мальчика из «Святополка») гадали – вертели блюдечко. И, как положено, делали это в полутьме, забравшись на чердак нашего 5-этажного дома. Были и другие забавы (загадки и т.д. или разговоры на возникшую у кого-нибудь из «Святополков» тему). Просуществовал «Святополк» до конца июня, когда моя семья поехала на дачу в Лось. Осенью я пошла в школу. Пропустив часть 6-го класса, я должна была догонять пропущенное, ребята тоже повзрослели.

Встречаясь, мы радостно улыбались друг другу, а Тачка стала в моей семье «нашей девочкой».

На даче летом

Приобретенный в строительном кооперативе дом был не совсем достроен. Родители ограничились лишь тем, что привели его в более или менее жилой вид: сделали одну перегородку, так что отапливающая дом печь осталась посередине комнаты. Во второй части дома была кухня с плитой и небольшая комната без печки. Мы приехали на эту дачу в начале лета. Чтобы произвести эти минимальные работы и сделать забор вокруг участка, появился плотник. Коля быстро научился у плотника владеть всеми основными плотничскими инструментами и помогал чем мог в строительстве. В следующем году (1931) мы уже жили на даче все лето. Надо было привести в порядок участок с песчаной почвой, засыпанной опилками. Это была наша общая задача: расчистить и удобрить почву. Для этого Коля сколотил тачку и с этой тачкой мы ездили по поселку и собирали там лучшее удобрение – конский навоз. В результате уже на следующий год появились грядки. Было решено посадить на них клубнику, хорошо растущую в соседней деревне, где и посадочный материал – «усы» – можно было легко добыть. Родители мало понимали в сельском хозяйстве и, конечно, были правы, что нам интереснее вырастить клубнику, а не лук. А цветы мы разводили все вместе.

Когда у нас появился маленький братик Миша, он стал требовать внимания к себе и затруднял наши «садовые» работы. Когда он немного подрос, мы и его стали брать с собой за навозом, посадив ребятенка в ту

же тачку, подстелив что-нибудь, и – на «добычу». Ездить было далеко, и мы иногда двигались бегом, особенно под горку. Однажды при этом у тачки вылетело колесо, и все ее содержимое, а также сидевший на нем Миша и везший тачку Коля оказались на земле. Этот опасный случай окончился, к счастью, благополучно, Миша даже не заорал, мы подняли его, отряхнули. Вернувшись домой, выстирали и высушили его одежду до приезда с работы мамы (она ездила на работу не каждый день).

А еще мы развели кур. Время было тяжелое и, хотя наш папа получал профессорский паек, основной едой у нас была пшенная каша. Для кур мы отвели часть участка, построили курятник (кажется, все же его строил плотник), ограду. Кур держали многие жители поселка. Не помню, как и почему получилось, что у нас появились не обычные куры, а породистые несушки большого размера и красивого желтого цвета, их яйца были крупными. Наши куры неслись, и это было подспорьем к столу. Мы никогда не ели своих кур. Петух извещал нас, когда надо просыпаться, когда пить чай или готовиться ко сну. Кормили мы кур чем попало, главным образом, травой, иногда покупали овес. А еще появился ежик, он сам пришел к нам на участок; вскоре мы выяснили, что он питается лягушками. Нас он не боялся и мы и его «усыновили» – кормили лягушатами, которых ловили на близком болоте. Зимой мы взяли его с собой в Тимирязевку. Но в комнатах он ночью ходил и очень громко стучал ногами, а потом решил, что пора ложиться спать на зиму и, чтобы сделать гнездо, стал обгрызать корешки книг на нижних полках. Папа этого не потерпел и сделал ежу теплое гнездо под нашей террасой. В Тимирязевку

зевке нам на лестницу однажды подбросили белого щенка с черным ухом. Конечно, мы его притащили домой и назвали Капитаном. Папа не хотел брать щенка в дом, но когда в первое же утро у нас дома этот маленький белый пёсик притащил папе к кровати туфлю – большую, чем он сам, папа полюбил его и даже утеплить место его спанья – пол у нас был холодный. А весной его взяли на дачу. С этими домашними питомцами на протяжении времени происходило много всякого. Щенок вырос в среднего размера собаку, по внешности и характеру смесь фокстерьера и лайки. Он стал прекрасным сторожем с громким лаем и умением каким-то образом взбегать вверх по забору, отпугивал недоброжелателей от дома. Гоняя кошек, он, разбежавшись, взбегал по стволу дерева на 1–1,5 метра в высоту. Его все любили, включая мучавшего его Мишу. Но однажды мы его обидели. После дождливого периода мы с друзьями пошли гулять в лес. Нужно было перейти мостик (просто несколько досок) через канаву, в которой так сильно поднялся уровень воды, что почти заливал доски, а на воде – сплошной ковер ряски. И Капитан, обожавший участвовать в наших прогулках, оступися, вернее просто не знал что такое ряска, и наступил на покрытую ряской воду. Представляете, каким зеленым вылез из воды наш белоснежный пес! И мы все засмеялись. Он так обиделся, что убежал домой, спрятался в кустах и не вышел ужинать ни сам, ни на наш зов. Мне пришлось лезть к нему с едой и ласковыми словами, чтобы он нас простил.

О. А. Семихатова с младшим братом Мишей и Капитаном

А с ёжиком произошел другого рода случай, он описан в книге Д. В. Наливкина «Первые женщины-геологи» (1979г., стр.170–180). На ночь мы помещали ежика в большой ящик в кухне, гулять выпускали днем, хотя это нарушало свойственный ежику ритм жизни. И вот однажды мама как всегда утром пошла на кухню первая и вдруг вскрикнула совсем не своим голосом. Мы все кинулись на кухню – мама стояла на табуретке и с ужасом смотрела на ежикин ящик: наш ежик оказался ежихой, она только что родила шесть ежат и по одному пыталась затащить их в угол

ящичка, в «нору» из опилок и глины. Мама решила, что это мыши, из всех животных она боялась только мышей (однажды мама ухватила за рога идущую бо-дать нас корову). Ежата действительно были похожи на мышей и размером, и цветом, только на их спинках было несколько рядов черных волосиков (будущих колючек). Ежиха спрятала своих детей в свой «дом» из опилок – нору, и мы их увидели только, когда у них были уже настоящие колючки. Чтобы их выкормить и дать подрасти, нам пришлось ходить на болото за лягушатами с двумя банками. Малыши-ежики быстро научились ловить лягушат, высыпаемых в их ящик. Вскоре всех их вместе с мамой-ежихой мы отнесли в лес. Одним словом, жизнь у нас была с приключениями. Не надо думать, что мы только трудились. Отнюдь: мы успевали все – подружившись с соседями-сверстниками, играли с ними в лапту и волейбол, катались на лодках по пруду, ходили на прогулки в лес за озеро и, конечно, по вечерам и в пасмурные дни читали. А еще – дулись в карты в подкидного дурака и даже научились по самоучителю играть на гитаре. Это у Коли получалось лучше, чем у меня, хотя, приезжая к нам в Тимирязевку, наша тетя (младшая сестра мамы) учила меня музыке. Слуха у меня не обнаружилось, но мне нравилось играть даже гаммы. На даче у нас была особенная пожилая соседка, которая жила в хорошем старом доме; среди старинной мебели было пианино, она иногда позволяла мне приходить, чтобы поиграть, и ее огромный старый сенбернар как-то сразу полюбил меня и стал пропускать в калитку без ее приказа. Я плохо играла, но даже старалась что-то сочинять в этом необычном, всегда полутемном окружении, вызывавшем какое-то особое настроение.

Шли годы, Миша подрос, на участке нашей дачи уже не было серьезных и (или) интересных нам дел. Поселок Лось разрастался, новые дачи настроили, население выросло со всеми вытекающими из этого последствиями. В отдельной второй, пристроенной части нашего дома стала жить очень приятная супружеская пара, они были хозяевами Капитана зимой и могли быть хранителями дачи, когда мы уезжали. И мы поехали на время отпуска родителей на Валдай, вернее на озеро Волго. Я не помню – одно лето мы были там или два. Я была уже в том возрасте, когда главным занятием стало чтение. Из впечатлений тех лет и времени у меня остались, кроме удовольствия плавать на лодке по большому озеру с красивыми берегами, лесной пожар и попытка папы приучить меня слушать, понимать и любить симфоническую музыку. За несколько километров от деревни, в которой мы останавливались, был шахтерский поселок. В него как-то приехал с гастролями симфонический оркестр из Ленинграда, тогда такие просветительские поездки поощрялись. В программе была четвертая симфония Чайковского, и папа повел меня туда. Это был первый раз, когда я прослушала симфонию и ... мало что поняла.

А еще был пожар. Я уже раньше была напугана, когда на улице, где мы жили в Тимирязевке, горел дом. Я тогда была в школе и вообразила, что горит наш дом. Со мной случилось что-то вроде шока. Лесной пожар – это другое. Грандиозное, зловещее явление. В том, как по траве ползет огонь и вдруг взрывается очень высокая елка, есть что-то жуткое. Мы были близко, но вне опасности – на берегу и с лодкой, а главное, с Колей.

К первому сентября мы возвращались в Тимирязевку: у папы начинались лекции, у нас – школа,

у Коли – последний, у меня – восьмой класс. Это уже не детство.

Отрочество

Попробую описать, как я помню, этот переходный к студенчеству период жизни и первые годы в университете. О седьмом – восьмом – десятом классах писать трудно. Это возраст формирования уже не характера, а вкусов своих собственных и воспитанных родителями, школой, средой. Эти годы – с седьмого класса, я училась первый раз в специально построенном школьном здании, а не в кое-как приспособленном доме бывшего жилья. Это тоже важно. Учителя в значительной мере были новыми. Появились и новые предметы, и более трудные разделы математики. В результате школа и учеба стали занимать больше времени. Отношения между повзрослевшими парнями и девочками тоже стали иными, более серьезными, появились разные формы выражения первой, школьной любви. Седьмой класс был только подходом к старшим – восьмому и девятому.

Начну писать сначала про учителей старших классов. Они были разные – опытная пожилая учительница литературы, умевшая достичь того, что основная часть класса читала не только «программные» произведения классиков, но и все их основные романы и рассказы. Читали и обсуждали на уроках, причем не столько как ответы на вопросы учителя, но и вопросы учеников, их дополняющих. Противоположностью была географичка, женщина средних лет. Она плохо учила, плохо владела русским языком, совсем не умела чем-то заинтересовать класс. На ее уроках мы делали

что хотели, а еще собирали слова, которые она произносила с неверным ударением, и почти гласно называли ее: «Попытка молодежи на Филиппийских островах образовать Поволожье». После девятого класса мы ее выжили из школы, а учительницу литературы, наперекор нашему мнению, заменили «более современным образованным молодым дяденькой». А общим, если не любимцем, но властителем дум был молодой математик. Почему – сказать трудно. Сейчас мне кажется, что это потому, что он стремился преподавать так, чтобы было интересно и ему самому, другими словами, он жил во время урока и с учениками у него был полный контакт. Некоторые девочки влюблялись в него и поэтому старались одолевать математику. Мне нравилась алгебра и я, как правило, решала больше задач, чем было задано. С геометрией мне было трудно.

Из каких-либо особых случаев, связанных с учебкой, я помню два. Однажды, кажется в десятом классе, была ответственная контрольная по математике. Варианты задач были разные в разных рядах учеников. Было известно, что задание трудное. Я довольно быстро все решила и сообщила ответ моему приятелю, с которым я дружила с шестого класса, Алику (он был первым учеником по математике). Методику таких передач знают все школьники. Он ответил: «Неверно, сдавай листик, разберись». А меня не столько уверенность, сколько самолюбие, наверное, заставило не послушаться, и я сдала листок учителю. Он тоже спросил, не хочу ли я еще раз проверить, я отказалась. И оказалось, что я одна из всех с тем же вариантом задачи решила правильно. Это разбирали на следующем уроке математики, в итоге ребята, решавшие этот вариант, отметок не получили: там была нелепая формулировка.

Второй «случай» я устроила сама на уроке литературы. Наш новый преподаватель был объективно плох. Он требовал, чтобы мы знали наизусть, что о каком писателе сказали Сталин или Ленин и чтобы мы отвечали на его вопросы тем, что сказали они. Мне это было легко благодаря моей хорошей памяти, но казалось более чем глупым. И я заключила со своими двумя товарищами пари, что нарушу это требование «училки» и приведу другой пример, не тот, что он ждет. Это было, когда мы проходили «Поднятую целину» Шолохова. Он вызвал меня ответить, где автор описанием природы подчеркивал переживание героя. На уроке он приводил такой пример. Зная текст, я была поставлена в трудное положение – другого такого места в повести не было. А я его тут же выдумала, проиллюстрировав хорошо известным текстом с переживанием героя. Говорила хорошо и четко. «Училка» задумался и – поставил пятерку, таким образом, выдал себя, что не знает текст, а я «впиарила» в глазах друзей.

Кроме школы на наши взгляды и вкусы, конечно, большое влияние имело то, что можно назвать жизнью страны. У нас очень рано появилось радио, папа внимательно читал газеты и хорошо разбирался в окружающем. «СМИ» того времени основное внимание обращали на успехи страны, индустриализации, новые стройки и, конечно, северные экспедиции. Подробно говорилось о кораблях, зимовщиках, перелетах пилотов и т.д. В семье мы все это живо обсуждали, смотрели карты, «ловили» специальные передачи по радио. Трудности тридцатых годов мы переживали как и все. А тяжелые и трагические события – аресты родных и знакомых и др. от нас, во всяком случае, от меня, мама считала нужным скрывать. В книгах, посвящен-

ных Коле, мною описано, как ответил мне папа на прямой вопрос об этом: он объяснил мне, что означает слово «диктатура».

В отношении воспитания вкуса (или культуры?) для меня большую роль играло посещение театров, куда меня сначала водили родители, а потом сама приобщилась. Первый раз в Большой театр меня повел папа, когда я была в шестом или седьмом классе – на оперу «Руслан и Людмила». Чаще меня брала с собой мама – и на оперы, и особенно на сольные концерты певцов в Большой зал Консерватории. Мы слушали и обсуждали всех знаменитых тогда певцов. Коля и папа тоже ходили с нами, но они оба были сильнее заняты. Позже я стала ходить с подругами (в первые студенческие годы). Программу спектаклей в Художественном театре я видела всю. Другие драматические театры тоже много посещала. Но все это в некотором системном порядке, не за счет других удовольствий, учения и обязанностей. Когда Миша подрос, я водила его в театры. Как мне сейчас кажется, основное влияние на меня все-таки оказывали книги. Читала я, увлекшись, даже ночью, что строго запрещалось, и потому – под одеялом, когда мама спит. Конечно, всех классиков, из них, наверное, больше всего Тургенева и, конечно, Пушкина. Мама любила стихи, и мы с ней иногда спорили (это тоже элемент воспитания) по поводу того, кто лучше: Пушкин или Лермонтов, Козловский или Лемешев. Обсуждали такие разные романы, в частности – Гончарова.

Когда мы жили на даче, к нам приезжала учительница английского языка. Я быстро научилась как-то говорить, а главное – читать. Этим чтением руководила учительница, склонная к английскому сентиментализму. Именно благодаря изучению языка с детства и по-

стоянному чтению потом, я, уже взрослая, получила комплимент от англичанина, приехавшего в лабораторию, где я работала, и говорила с ним и о науке, и о Ленинграде: он спросил меня, сколько лет я прожила в Англии. Конечно, это был именно комплимент, но я считаю его самым главным из всех, полученных мной за что-либо на протяжении жизни. Прошел десятый класс с повторениями того, что пройдено. Возникают вопросы – куда идти учиться дальше.

Первые годы в МГУ

У меня не было предпочтения какого-либо предмета. Я хорошо училась, но первой ученицей, по мнению класса и, наверное, учителей я не была. Окончила школу с красным дипломом. Встал вопрос – куда поступать учиться дальше. Мой братик Миша был живой и драчливый парнишка, и мне часто приходилось лечить его синяки, порезы и ссадины. Это как бы влекло меня к медицине, но мама говорила, что с моим плохим здоровьем (родилась в 1921 году в голодной тогда Москве) врачом быть не следует. По советам родителей и старших друзей я поступила на биологический факультет университета, так как биофак давал особенно широкое образование в естествознании, а выбор более узкой специальности надо было делать только на третьем курсе. Необходимо подчеркнуть, что абитуриенты относились к университету с глубоким уважением, с волнением входили на его территорию (речь идет о старом университете), плиточный металлический пол в вестибюле главного здания – я помню его до сих пор – невольно заставлял идти тихо.

Старое здание МГУ на Моховой улице

Итак, я пошла на биофак. Медалистов тогда принимали без экзаменов после собеседования с деканом. Меня приняли в университет. Главное здание было на Моховой, а биофак располагался в двух зданиях: на улице Герцена с входом со двора – Ботанический корпус, и Зоологический корпус на 300 метров дальше с парадным входом с улицы Герцена с музеем и буфетом. В зависимости от темы лекции и занятия проходили то в одном, то в другом здании. Описать студенческую жизнь трудно, ее нужно пережить. Вкратце: на курсе быстро выделилась группа активных студентов, которые стали известны на факультете, из них выбрали комсоргов, профоргов и старост групп, курс состоял из пяти групп, сформированных деканатом. Появились новые друзья, у меня – тихая красивая Люся Глащинская. Лекторы и преподаватели сразу разделились на любимых, которых внимательно слушали, и «скучных», лекции которых хотелось (и не

только) прогулять. Посещение лекций и практических занятий было обязательным. Мне нравился профессор Зенкевич (беспозвоночные), умевший чувствовать аудиторию и прерывавший скучнейшее описание пищеварительной системы червя рассказом об интересном случае из практики или даже шуткой. Еще нравился преподаватель физики, тоже чувствовавший студенческую аудиторию; меньше нравился любимец многих студентов профессор Смирнов, энтомолог, обладавший настоящим красноречием, которое меня злило. Это был конец 30-х годов, анатомию человека нам преподавали особенно глубоко, с демонстрациями отдельных органов человека, водили в «анатомичку», а профессор Гремяцкий позволял на зачетах подглядывать в записи лекций, чтобы правильно назвать ту или иную кость или мышцу. К этому профессору и к этому предмету мы все относились очень серьезно. Разные кафедры, конечно, различались по хорошо известным студентам «реноме». Соответственно и специализировались в связи с этим.

Сессии я сдавала хорошо, хотя часто болела и некоторые предметы сдавала уже в каникулы.

Умнели мы, студенты, далеко не сразу, поэтому на первых курсах с нами случались разные казусы. Два их них, может быть, стоит здесь привести, т.к. они свидетельствуют, что я и тогда интересовалась психологией и подчас оценивала людей с этих позиций. В дальнейшем, уже во взрослой жизни, мне нередко говорили, что я быстро разбираюсь в людях. Первый казус касался преподавателя практикума по беспозвоночным – Абрикосова. Он, кажется, был доцентом и учил нас хорошо, но был манерным и свои объяснения практического задания сопровождал жестами. Мы, студенты,

иногда развлекались, повторяя его слова и жесты, их сопровождавшие. И вот однажды он открыл дверь в аудиторию и оказался лицом к лицу со мной, передразнивающей его слова о каком-то «черве-сосальщике» с соответствующим жестом. Ни он, ни я не сказали ничего, но на зачете он пропустил передо мной всех с фамилией на «с», а вызвав меня, сказал: «Вы возьмете сосальщика». Это была месть, я была готова к ней и все выучила, но получила за ответ не пять, а четыре.

Второй казус был с физиком. Мы, биологи, не любили физику, но понимали, что она нам нужна, да и преподаватель нам нравился. Я часто болела и ряд практических занятий отработывала по вечерам. В тот раз это было что-то с оптическими приборами, которые стояли в темной комнате с отдельными «отсеками» для каждого. Кроме меня отработывал задание по оптике парень с нашего курса, довольно слабый. Он без конца ходил по этой длинной комнате от своего второго «гнезда» ко мне на шестое «гнездо» и надоел мне. И вот, уткнувшись носом в «глазок» прибора, я слышу вновь мужские шаги и ругаюсь: «Ну что ты шляешься, не даешь работать!» А вместо ответа – тишина, я поднимаю глаза, а за мной стоит наш преподаватель. Я так растерялась, что даже не извинилась. Он понял, посмотрел мою тетрадь и сказал: «Некоторые измерения надо бы повторить». И ушел. На зачете я боялась возможности попасть к нему (был второй преподаватель), но так получилось, что попала к нему. Он взял первый попавшийся билет, протянул мне, за ответ поставил мне пятерку, хотя от смущения я даже заикалась и повторялась, несмотря на то, что знала вопрос. Вот этого человека я помню и уважаю, хотя никогда больше не видела, а Абрикосову как человеку ставлю два!

После второго курса нас отправили на практику, на базу университета под Звенигородом. Это дивное место на берегу Москвы-реки, практика была чудесной – вставали до зари, чтобы услышать просыпание птиц, имена и особенности которых объяснял нам руководитель, или наоборот, слушать вечернюю песню соловья и наблюдать деловые перелеты с куста на куст «поздно ложившихся спать» синиц. Все это продолжалось несколько дней – настало 22 июня 1941 года.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

ВОЙНА

Первый трудфронт

Мы, молодежь, осознали, что началась война, когда с практики были вызваны мужчины в связи с мобилизацией. Остаться в Звенигороде было бессмысленно и невозможно – не было ни дела, ни питания. В те несколько дней до того, как за нами приехали из университета, мы смотрели на сполохи огня со стороны Москвы, думали о своих родных. Чтобы узнать последние известия, надо было идти до места, где было радио. Помню – я отправилась туда. Москву бомбили. На обратной дороге те несколько километров, которые нужно было пройти, чтобы услышать радио, я шла вдоль реки. Уже смеркалось, волнение и полный кавардак в душе, вызванные войной, привели к тому, что я увидела приведение: над небольшой бухточкой передо мной поднялась вытянутая белая фигура женщины.

Когда мы появились на факультете, нас мобилизовали помогать убирать сено одному крупному совхозу, снабжавшему Москву молоком. Совхоз «Красная пой-

ма» имел прекрасные сенокосы в пойме реки Оки. Нас поселили прямо на пойме в больших шалашах из сена. Траву косили косилками, которые везли трактора, а мы должны были переворачивать свежескошенное сено и копнить подсохшее. Среди девушек первого и второго курса биофака более или менее знакомой с лошадьми оказалась одна я и потому я вызвалась на роль возницы, т.к. от спанья на недосушенном сене у меня сделался радикулит. В обязанности возницы входило получить в управлении совхоза лошадь с телегой, воду и порцию еды на обед трактористам и развезти это каждому из них. Найти их на огромной пойме можно было только по звуку трактора. Казалось бы, все просто, но это надо было сделать до перерыва на обед. Они четко соблюдали время обеда и выключали мотор ровно в 12 часов. А тогда – как найти тракториста? Травы на пойме была такой высокой, что подчас скрывала косилку с небольшим трактором. Опоздаешь – влетало мне. Кроме того, мне нельзя было дребезжать своими бетонами близко от тех мест, где паслись царицы коровника – рекордсменки по удою. А через месяц с небольшим эти рекордсменки отправились вместе с плебеями пешком в эвакуацию.

К нам на пойму однажды сел небольшой самолет (это описано в воспоминаниях Ю.Л. Цельникер, ГФОС, Москва, 2008 г). Я это видела, но была со своей бричкой далеко. Рассказы девчат об этом были разными. Самолет долго кружил над местом их работы. А я решила, что это летчик предупреждает девочек о том, что он садится, чтобы они успели надеть свои сарафаны (работали девчата в трусах и лифчиках).

Я очень беспокоилась о маме и Мише. Наш папа был в Средней Азии, куда его вызвали на какую-то

экспертизу по водоснабжению, Коля – студент энергетического института – рыл окопы под Смоленском. Когда я уехала, мама и Миша были в Москве. Узнав, что одна из моих сокурсниц едет в Москву, я отпросилась на несколько дней, и мы поехали вместе. Это был пассажирский пригородный состав, ехало довольно много народа. Под Коломной случилась паника: над поездом в небе появился самолет, поезд остановился, люди вскочили с мест, в дверях сразу образовалась давка, кто-то начал пытаться разбить окно. Поднялся пассажир в военной форме, громко крикнул: «Стоять!» и выстрелил в потолок из револьвера. Все замерли, он сказал: «Без паники, подождем, может быть, поедем дальше». Так и получилось – самолет скрылся, успевшие выйти вернулись, поезд пошел и мы благополучно поехали дальше.

В Заречье

Дома меня ждало письмо от мамы. Она писала, что уехала вместе со школой, в которой учился Миша, живут они в селе Касимове на берегу реки Оки. Мама просила меня приехать, потому что они оба с Мишей заболели. Значит – надо ехать. Отвозили их туда на пароходе. Как попасть туда на поезде, я не имела ни малейшего понятия. Поехала на пристань узнавать обстановку. За полдня активного пребывания там, спрашивая везде и всех, я выяснила, что вечером отходит пароход с грузом, плывут они по ночам, а днем стоят у лесистых берегов. Я нашла этот пароход и выяснила, что легально на него нельзя попасть, а «зайцем» забраться в безлюдную носовую часть парохода – возможно, и что там, среди больших бухт каната и еще чего-то, даже можно

спрятаться. Я решила попробовать этот путь. Удалось. Итак, мое первое самостоятельное путешествие оказалось нелегальным и несколько рискованным. Однако все сложилось удачно. Ночью пароход поплыл, город скрылся из вида, я стала искать место, где было бы можно поспать. Меня обнаружил мужчина средних лет в какой-то «пароходной» форме. Я рассказала ему всю правду – куда я плыву и зачем, где пряталась, и что не знаю, где мне сходить в Касимове. Он предложил мне переночевать в его комнате, т.к. он – главный механик и должен быть в машинном отделении, а утром, когда пароход остановится у берега, он меня разбудит. Кроме того, он сказал, что мне не нужно выходить в Касимове, т.к. они не будут там стоять, а подойдут к причалу того места, которое близко от нужного мне поселка. Не задумываясь, я приняла его предложение и так крепко спала всю ночь, что проснулась не от отпирания двери, а от звука уже в комнате – кто-то что-то подбирал с пола. Когда я «вскинулась» и поняла, что это главный механик, он сказал: «Ты так крепко спала, что мне было жалко тебя будить, но все же деньги надо прятать надежнее». Оказалось, что деньги выпали из незастегнутого мешочка у меня на груди и валялись на полу. Он поднял их, протянул мне со словами: «А теперь тикай, мне спать надо». Я поблагодарила его и больше не видела.

До эвако-школы я добралась без труда от указанного им места остановки парохода. Там выяснилось, что Миша уже выздоровел, что у них был просто понос, а не дизентерия, про которую мама помнила всю жизнь. Они устроились в отгороженной части большой комнаты у жителей этого поселка. Начальство школы поставило меня на паек и назначило воспитателем отряда самых старших мальчишек. Их было человек 12,

один или два даже из седьмого класса. Моей обязанностью было следить за поведением во время еды три раза в день, стараться бороться с их вшами и занимать их какими-нибудь делами или рассказами. Группа была смешанной – несколько обычных «Тимирязевских» ребят и трое шпанистых, игравших роль главарей, обижавших одного явно недоразвитого, полноватого и болезненного подростка. Я воспитывала их своеобразно – называла дураками и недоумками тех, кто на соседних огородах добывал еду, хотя безопаснее было бы (не поймают и не нажалуются хозяева огородов) делать это на другом берегу Оки, ведь плавать ребята умели. А еще говорила «главарю», что раз ребята его слушаются, пусть бы он последил, чтобы другие не обижали «толстяка». Это подействовало.

Отряд московской эвако-школы, 1941 год

«Шпанистые» сразу стали испытывать меня: задавали загадки и шарады, которые имели неприличный смысл. Но я не зря росла со старшим братом и его

друзьями: хотя они эти «штучки» не употребляли, но знали, знала и я, и давала ребятам приличный ответ, на что они разочарованно смеялись. Однажды задали вопрос, не имевший такого ответа, и я с размаху дала говорившему кулаком по уху. Как ни странно, это повысило мой авторитет и дурацкие вопросы закончились. С мамой и с Мишей я общалась мало.

К первому сентября меня отчислили из вожатых и разрешили уехать в Москву, так как было известно, что в университете начнутся занятия. Я уехала уже не «зайцем», а имея каюту, и первого сентября пришла на занятия в университете.

Сентябрь – октябрь 1941 года в Москве

Начался короткий тревожный период, запомнившийся отдельными событиями и дома, и на биофаке. Дома главным было то, что вернулся папа. Он не одобрил мамино решение и дальше жить с Мишей в эвакуации вместе со школой и сумел привезти их домой. И второе: оказавшиеся за линией фронта студенты Энергетического института, рывшие окопы под Смоленском, по одиночке вышли к своим, и Коля в ободранной одежде, обросший появился дома. Москву бомбили. Во время воздушной тревоги мы сидели в центре квартиры и в ванной комнате, в убежище в подвал не ходили. Дом, конечно же, во всем переменялся. Однажды немецкий самолет (они отличались по звуку) пролетел низко прямо над нашим домом и сбросил бомбу в дубках рядом. Она к счастью не взорвалась, во всяком случае, кроме того что разлетелась грязь, ничего не произошло.

В университете шли занятия, сначала по расписанию. Была бригада студентов, дежуривших в разных

точках территории университета, главным образом на крышах корпусов. Ужасным было попадание бомбы в здание математического факультета. С этим страшным событием у меня связано воспоминание то ли легенды, то ли фактов. Дело в том, что местом дежурства Люси Глащинской была крыша именно этого здания. Все дежурившие в разных местах сбежали и плакали, уверенные в том, что она погибла. А вскоре она пришла сама в разорванной одежде, контуженная. По легенде она спустилась с крыши на взрывной волне. А в составленном ее детьми альбоме уже после ее смерти приведены слова, что в этот день, в виде исключения, она дежурила во дворе. Но во дворе дома, в который попала бомба, вероятно, было больше шансов быть убитой.

Из тех дней, когда были лекции и мы еще учились, самое большое впечатление произвело появление среди новых для нас преподавателей профессора Дмитрия Анатольевича Сабина. Живость, логика построения лекции, иллюстрации тех материалов (на доске), которые приводили к конечному выводу с новым знанием – оторваться ни на минуту было нельзя – потеряешь смысл, все время надо было думать и следить за логикой излагаемых знаний.

Вскоре университет стал готовиться к эвакуации, порядок учебы нарушался, я перестала регулярно приезжать на биофак из-за событий дома и сбоев трамвайного сообщения. Настроение у людей мрачнело. Помню, как наша соседка по дому с ужасом сказала, что немцы взяли Смоленск, и нашу реакцию на это сообщение – Коля был там.

А потом было 16-е октября!!! Разнеслись сведения о фашистских танках в Подмосковье. Многих охватила паника: люди уезжали из Москвы всеми возможными

способами, уходили пешком с детьми и с вещами. Я пошла навстречу папе – он шел пешком домой из института, мы встретились на дороге вдоль ограды Лесной дачи, он шел с еще двумя Тимирязевцами. Ни раньше, ни позже – никогда я не видела у папы такого расстроенного лица...

Эвакуация

Мы поехали в эвакуацию в конце ноября вместе с папиным институтом. Грузились на Белорусском вокзале в товарный вагон (для 12 лошадей) с нарами в два этажа и буржуйкой посередине. Мы все пятеро – Коля ехал с нами догонять свой, уехавший ранее, Энергетический институт – заняли верхние нары по ходу поезда. У меня, крайней к стенке, было небольшое оконце, можно было видеть левые (по ходу поезда) пути и пейзажи, совершенно новые в третьей четверти поездки. Ехали мы почти месяц, он кратко описан в книге о Коле (П. Саенко. «Николай Семихатов», Екатеринбург, 2012). Добавлю только некоторые прозаические детали и одно деяние Ангела-хранителя моих родителей, которое состояло в том, что на остановке, когда мы с Колей варили кашу, родители думали, что Миша был с нами и не очень беспокоились, когда поезд пошел, а ни его, ни нас нет. Миша был около состава, но не у «своей» теплушки, его подобрали обитатели другой, той, что была ближе к концу поезда. Он пришел «домой» на следующей остановке, много раньше, чем мы догнали «свой» состав.

Насчет прозы: выйти из теплушки, несмотря на наличие какой-то лесенки, могли только достаточно спортивные ее обитатели, которых, естественно, в составе профессоров было мало, так что выходили

только на настоящих станциях, где есть перрон. Это, естественно, меньше затрудняло мужчин (дверь легко приоткрывалась), но было в теплушке и ведро. А насчет еды – сначала было что-то с собой, потом что-то удавалось купить у местных жителей, приносивших то, что было, на станцию.

В нашем длинном пути в Среднюю Азию, в Ташкент, только несколько перегонов близ Мичуринска были близко к линии фронта и доступны фашистской авиации. Естественно, мы все об этом знали, но миновали этот участок ночью и вполне благополучно.

Ташкент – САГУ

В Ташкенте всех нас разместили в большой зале какого-то учреждения. Мы прожили там недолго. С помощью местных геологов за приемлемую плату нашли в хорошем районе Ташкента отдельную комнату с правом пользоваться кухней. Папиному институту дали помещение, и он стал нормально работать. Маму местный геологический институт встретил с распростертыми объятиями и принял в свой штат. Коля поехал дальше, в свой институт, где его пятый курс уже занимался (скоро Коля ушел в армию добровольцем). Мишу устроили в школу, где он был не единственным эвакуированным, он легко ассимилировался. Я собиралась ехать в Ашхабад, куда переехал Московский университет, но меня все уговаривали продолжить учение в Среднеазиатском университете – САГУ, в котором было хорошее реноме у профессоров и преподавателей. Папа был нездоров (язва желудка), мама работала, было очевидно, что надо оставаться. Но последнюю каплю убеждений дало (не скрою) то, что, уже бродя по коридору САГУ в поисках

деканата биофака, я узнала, что в одной из комнат здесь временно обосновались некоторые ботаники МГУ, догоняющие свой университет. Войдя в эту комнату, я увидела Льва Александровича Курсанова, в наших глазах – живое воплощение внешности и поведения Профессора – читающего газету сидя на краешке стула, на спинке которого висело какое-то белье.

На биофаке в САГУ была кафедра биохимии, руководимая известным профессором А.В. Благовещенским. Когда я пришла на эту кафедру и обратилась к профессору, он тоже посоветовал не уезжать из Ташкента и вместе с еще двумя студентками, эвакуированными в Ташкент, заниматься у него на кафедре на 3-м курсе. Так я оказалась в САГУ. На кафедре А.В. мне понравилось. Был строгий порядок. Одна из местных студенток взяла надо мной шефство и очень помогала ориентироваться в городском и в университетском пространствах, это была Галина Александровна Цепкова (1920–2012), с которой мы потом дружили всю жизнь.

Профессор А. В. Благовещенский, заведующий кафедрой биохимии в Среднеазиатском университете

На протяжении этого учебного года студентов мобилизовали на трудфронт. И все же мы учились. На кафедре осваивали методы определения углеводов и белков. Помню, что с белками у Гали не ладилось, она что-то разбила и очень переживала, что скажет профессор, а он только и сказал: «Но это же стеклянное». С практикумом нам помогала ассистентка Анечка Кологривова, мы с ней потом очень подружились, а занятия вела очень приятная женщина-доцент. Благовещенский отличался большой четкостью и приучил нас приходить точно к 10 часам. Он снимал калоши и пальто, входил к нам, здоровался и рассказывал сводку информбюро о положении на фронте, спрашивал – как у нас дела, а потом уходил к себе в кабинет. Здесь, наверное, следует упомянуть о том, что А.В. работал не только в САГУ, где получал паек, но еще и в сельхозинституте. Там А.В. тоже давали еду, которую он приносил нам, трем эвакуированным, мне и двум девочкам из Украины.

Из лекторов, конечно, неизгладимое впечатление произвел на нас ботаник Павел Александрович Баранов. Молодой, в белоснежной рубашке, он будто врывается в аудиторию и очень выразительно читал лекции. Мы видели его и на трудфронте среди начальства. Мне же были интересны лекции по физиологии человека, которые я практически все пропустила, т.к. они начались в первом семестре. Но нас в МГУ так хорошо научили анатомии, что я без особого труда сдала все на «отлично». Забыла фамилию одного профессора, но помню его внешность и то, что он ругал всех тех ученых и называл их «псевдоучеными», кто не разделял учения классиков по основным вопросам биологии. А.В. во втором полугодии 3-го курса читал нам лекции о ферментах и предупредил, что летняя практика будет посвящена ферментам.

Мобилизаций на трудфронте было две. Первая осенью на строительстве будущего Ташкентского канала. Там работа студентов – 90% девчат – заключалась в том, чтобы носилками выносить нарытую экскаватором землю. Для этого надо загрузить носилки, вытащить их с глубины метра 4 на «берег» и там в определенном месте ссыпать в кучу. Работа конечно трудная. Но нас хорошо кормили. Одновременно со студентами привели на место работы несколько лошадей. Парень-узбек, следящий за этими лошадьми, дразнил нас девчонок, что может показать «какой конь завтра кушать будешь». Действительно, нас кормили кониной – разным сытным варевом три раза в день. Причем начальство следило за тем, чтобы давали большие порции. Так Павел Александрович Баранов, который был на нашем участке каким-то партийным чиновом, заметил, что у меня маленькая миска и я прошу добавку, а ее не всегда возможно получить. При поездке в Ташкент он позвонил моей маме, чтобы она передала большую миску для меня. Конечно, мы уставали, зато спали крепко. Мы спали в большом сарае. На толстый слой гузонака (это «солома» хлопчатника) стелили одеяло, вторым закрывались сами. Подушки – сверток наших личных вещей. Я спала вместе с Галей Цепковой на одном одеяле. У нее развился радикулит, были боли, но она работала. Как доказательство нашего крепкого сна такой случай. Я просыпаюсь и тру себе бок, говоря: «У меня тоже радикулит, вот тут больно что-то». Галя убирала на день наше одеяло и вдруг расхохоталась. Оказалось, что подо мной в гузонаке лежал кетмень (мотыга), как раз где у меня «радикулит». А я и не просыпалась.

Второй – весенний – трудфронт был много хуже. Студентов мобилизовали для того, чтобы они соби-

рали со стеблей молодой пшеницы накинувшихся на нее клещей – паразитов «черепашки». Мобилизовали и сельское население. Причем можно было самому собирать эту черепашку или вывести на поле 10 кур – они ее склевывают. Я видела одного узбека – он сидел на тропинке через поле, рядом был привязанный петух, а по пшеничному полю бродили разного цвета куры. Нас увезли далеко в какое-то предгорье. Жить так же – в сараях на гузонаке. Но харча практически не было никакого: какие-то травы сваренные с крупами. У меня от этого варева на третий день заболел живот, начался жуткий понос. У нашей группы не было никакой связи с начальством. Кого-то руководительница послала в соседнюю группу – может быть от них можно вызвать машину. «Плановая» машина должна была приехать к нам через 5 дней. Не знаю, что было бы, если бы наша начальница группы доцент САГУ не взялась лечить меня каким-то жестоким, но, как оказалось, эффективным способом. Она повела меня в гору. Я была уже слабой и шла плохо, но она жестко, то лаской, то строгим приказом заставляла меня идти. Мне казалось, что я шага ступить не могу, не могу встать сама. Но она заставила меня в полном смысле слова через силу сделать еще около 10 шагов, а потом сказала: «Дыши и отдыхай». Спускаться через какое-то время в трудных местах она помогала. Кое-как я дотащилась, чтобы лечь и заснуть. Это был еще день. Проснулась я поздно утром, когда уже все ушли на поле – и я была здорова, живот не болел, хотелось есть. Кто-то положил около лица, пока я спала, кусочек сахара. Я с благодарностью в душе его сосала и еще немного поспала. На следующий день пришла вызванная машина и меня отвезли домой. Здесь я за несколько дней пришла в норму.

В Ташкенте мы пережили первое в своей жизни землетрясение, оно было силой всего в 3–4 балла, но произвело на нас сильное впечатление: земля – наша опора – колыхнется!!! А еще в Ташкенте я, можно сказать, поняла симфоническую музыку, или приобщилась к ней. Служащим давали билеты на концерты, мама отдала мне свой билет на 7-ю симфонию Шостаковича. С тех пор я полюбила его произведения и вообще симфоническую музыку.

Кроме того, мы учились на медсестер и дежурили в мединституте. Тут я опозорилась – надо было сделать компресс человеку, заболевшему воспалением легких. Больными были в основном эвакуированные, истощенные слабые люди, а я, ставя компресс, так туго забинтовала ему грудную клетку, что он посинел и стал задыхаться. Я крикнула, подбежавший врач ланцетом разрезал мою бинтовку, все обошлось благополучно. Но меня в наказание послали на следующее дежурство в палату с гнойными больными. Это был ужас, но на мое счастье в приемном покое сестры-практикантки падали в обморок от вида крови и увечий, а я не боялась этого и заканчивала свою практику там, в приемном покое. Курсы медсестер я все-таки не закончила и военнообязанной не стала – не сдала какой-то предмет, кажется, гинекологию.

Осталась в памяти дорога из больницы домой после вечерних дежурств. Нужно было идти по большим освещенным мощеным улицам до центра и от центра до нашего переулка, тоже по одной из главных аллей города. В те годы русским девушкам это было небезопасно, поэтому я шла по сети узких переулков узбекской части города, среди огороженных заборами дворов, без освещения, там иногда лаяли собаки, но было безлюдно и безопасно.

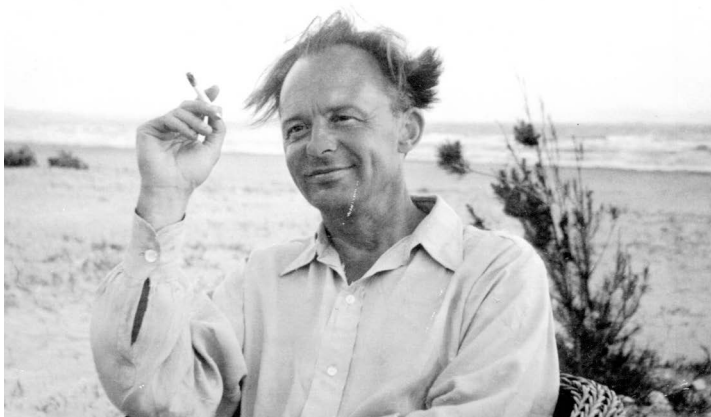
ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

НАЧАЛО ПАМИРА

Появление Заленского

Весной встал вопрос о летней практике. Проходить ее можно было или здесь же на кафедре или ехать на природу недалеко в горы в стационар Университета. Но тут на кафедру Благовещенского пришел Олег Вячеславович Заленский. Ему нужен был лаборант на летний сезон на Памирскую биологическую станцию, и он надеялся, что найдет такого помощника из студентов-биохимиков старших курсов. Восточный Памир – это высокогорная страна, граничащая с Китаем и Афганистаном. Его широкие долины на высоте 4 тысяч метров над уровнем моря окружены высокими горами – пяти- и шеститысячниками. Климат там континентальный с резкими перепадами температуры в течение суток, малой влажностью воздуха и пониженным давлением. Высокая солнечная радиация сочетается с сильным ветром, осадков мало, снег испаряется при появлении солнца. Нередки заморозки, летом до нуля градусов. Памирская станция была основана

П.А. Барановым и И.А. Райковой в 1936 году. Задачей станции было проведение исследований, необходимых для сельскохозяйственного освоения долин Восточного Памира. О.В. Заленский работал на станции с 1939 года и изучал интенсивность фотосинтеза опытных и дикорастущих на этой высоте растений.

Олег Вячеславович Заленский

А.В. Благовещенский рекомендовал из пяти студентов 3 курса (2-х эвакуированных и 3-х местных) москвичку, т.е. меня. Это поддержала и Илария Алексеевна Райкова, видевшая меня на трудфронте. Для того чтобы спросить мое согласие, назначили на кафедре свидание Олега Вячеславовича со мной. Хорошо помню эту встречу: мы шли из главного здания САГУ, где были занятия, мы – это я и Галя Цепкова. Она – интересная, хорошо одетая, адаптированная к ташкентской температуре слишком высокой для меня даже весной, и я – худая, длинная в зеленом платье, красная и потная от волнения – ведь я шла соглашаться, родители

одобрили мое решение. (Потом, когда мы подружились и сработались, узнали друг друга, мы дразнили Олега Вячеславовича, что, увидев нашу пару, он взмолился, чтобы Семихатовой оказалась Галя, а не я.)

Дорога в Чечекты

Итак, когда окончились занятия в университете, я поехала на Восточный Памир вместе с Иларией Алексеевной и Анастасией Петровной Стешенко, с которой в дальнейшем пути наших жизней сблизилась. Как ни странно, но я не помню и в дневнике не записано, ехали с нами еще одна студентка САГУ – довольно оригинальное существо по имени Микаэла Мика. На Памире мы жили с ней в одной комнате, но я помню только, что я ей и помогала, но и часто ее ругала.

Памирский тракт начинался в городе Ош. Оттуда мы выехали 4 июля 1942 года. На какой машине мы ехали – не помню, но точно помню, что на грузовой, устроившись более или менее удобно в кузове. Дорога была и опасной, и красивой, и интересной. Сначала подъем не чувствуется, меняется только растительность, едем вдоль реки, но вскоре поднимаемся к перевалу Чигирчик (через отроги Алайского хребта, 2405 м. над уровнем моря). Спуск с него идет быстро, красивые берега реки, обросшие высокими кустами облепихи. Дорога вдоль реки удивительна: один берег реки пологий, а второй – круто обрывающийся, обнажающий породу неопикуемых разных тонов красного цвета. По форме мне казалось, будто мы видим ряд стоящих к нам задом огромных слонов, прижавшихся друг к другу. Писать не надо – картина Георгия Владимировича Аркадьева передает это удивительное образование размыва рекой

горной породы. На этом пути видны горы конусообразной формы – это четыре брата – они очень схожи между собой.

Восточный Памир. Дорога в Чечекты

Потом более высокий перевал уже через сам Алайский хребет. Дорога на него вьется по серпантину, то и дело повороты, и видно сверху, где мы уже проехали. Это уже высоко (3615 м. над уровнем моря), и это чувствуется – холодно и какое-то «неудобство» в организме. Быстрый спуск и мы в Алайской долине, перед нами снега Заалайского хребта, кругом зелено, пасется скот, но, сходя с машины для краткой передышки, слегка задыхаешься. Долина широкая, тянется справа и слева от реки Кызыл-Су. Нам предстоит «взобраться» по северному склону Заалайского хребта до перевала Кызыл-Арт. Это уже 4282 м. высоты, подъем крутой, нам кажется, что машина идет с натугой. За хребтом Ак-Су прямая противоположность зеленой Алайской долине – пустыня Маргансу, или «пустыня смертей». Если сказать непрофессионально – то это «сверх-пу-

стыня». Редкие жалкие растения, легкая почва, сильные ветры поднимают пыль, по долине часто «бродят» смерчи. Нам повезло с ними вдвойне: во-первых, мы видели, как крутились два смерча – один высоченный, другой рядом – маленький; во-вторых – важнее – они были далеко от нас. До последнего, самого высокого перевала (4656 м.) нам предстояло ехать довольно долго вблизи самого большого на Восточном Памире озера Кара-Куль. Подъем на Ак-Байтал наверное не только машине был тяжел. Кругом только горы, да еще торчит какое-то древнее сооружение, вероятно могильник, но зато уже близко. Спустившись, надо проехать по тракту 50 километров, переехать реку Ак-Су и спуститься к Биостанции. Ее огоньки ночью видны с тракта.

На протяжении 395 километров дороги было несколько остановок у застав, автостанций (одна – Суфи-Курчан), райисполкомов. Но о них у меня ничего не осталось в памяти на фоне необычайной природы Памира. На всем пути со мной только один раз было то, что называется «не по себе» – я как-то испугалась. Нечаянно заснув (это влияние высотного фактора), я внезапно проснулась: машина стоит и все, включая шофера, спят, а кругом неприветливый пейзаж (не помню, где это было). Оказалось все просто – водитель должен был немного отдохнуть – и все, вскоре мы поехали. Стеша спросила: «Чего ты испугалась?» На этих страницах я попыталась изложить то, что на пути к Биостанции произвело на меня неизгладимое впечатление. Описать это нереально, я смогла только назвать. Необходимо отметить, что организовать свои впечатления в связи с их последовательностью по мере продвижения по Памирскому тракту, как это написано, мне помогли карты и чужие публикации.

Первое лето на Биостанции

Нас встретили несколько женщин разного возраста и два киргизских парнишки – Опсомат и другой, немного старше и солиднее – Джумамаат. О.В. Заленский был в отъезде, приехал позднее с завхозом Михаилом. Из женщин – старшая – Зоя Петровна, мать О.В., следующая по возрасту – Ольга Николаевна Сорокина, генетик, работала в ВИРе у Г.Д. Карпетченко, затем Евгения Григорьевна Кириллова и Валентина Михайловна Свешникова – жена О.В., тоже физиолог. В плюс к ним – маленькая дочка Жени трех лет. От всех них – нам приветствия, улыбки, помощь в выгрузке нас и вещей. Биостанция представляла собой два домика с окнами на долину с одной стороны и на горы – с другой. Напротив домиков со стороны гор – кухня-столовая, отдельно стоящая конюшня. Нас расселили таким образом: меня с Микой в правом домике, где живут в разных комнатах Женя с дочкой и Ольга Николаевна. Четвертая комната в этом домике – лаборатория. Сестру Женя пригласила жить к себе, остальные размещаются в левом, более длинном жилище. Нас, приехавших, конечно, напоили, накормили и всячески приласкали.

Вид Памирской биостанции в военные годы

Чтобы описать нашу жизнь, надо разделить ее на отдельные части. Первым будет быт, т.е. условия всех основных дел, составляющих жизнь. Еду готовили по очереди дежурные, время трапез определено. Продукты получают в Мургабе, куда для этого надо кому-нибудь ехать с бричкой. Недалеко есть кибитки киргизов, у которых покупают молоко, каймак и баранов. Воду летом обеспечивает речка Чечектинка, текущая с гор недалеко от правого домика. Бытовой мусор сжигают или зарывают. Печь на кухне и в жилых комнатах топят терескеном (одревесневшие части надземных побегов и корневищ), их привозят на верблюдах. Другие «удобства» жизни вместо специальных построек – окружающие пологие горы и «подручные средства» у женщин для холодных ночей. Все просто, трудно и, конечно, своеобразно. Особенно трудно в первое время, пока не акклиматизируешься к недостатку кислорода, низкому давлению, сильному ветру, жгучему солнцу и холоду – в соответствии с сезоном и временем суток. Длительность акклиматизации – индивидуальна. У меня голова была «плохая» три дня, более одного ведра воды я не смогла носить даже осенью.

Нам – только что приехавшим, было особенно важно узнать про то, какова связь Биостанции с Большой Землей. Радио практически не было. Сведения о войне нам поставляли те, кто приезжал из Мургаба или с заставы, где радио было. Письма, телеграммы и посылки шли через Ош и Мургаб, получали мы их сами при поездках в Мургаб и (или) через военную почту в определенные дни.

Второе, определяющее нашу жизнь, это цель приезда – работа. О том, что будет моей работой, мне объяснил О.В. – надо помогать ему в исследовании га-

зообмена растений в условиях, которые П.А. Баранов назвал «крайними для жизни растений». Газообмен – это фотосинтез, поглощение углекислоты из воздуха, восстановление его с помощью энергии солнца до основных компонентов биомассы в клетках растений; дыхание – это газообмен в темноте с выделением углекислоты, образование в клетках в результате окисления ассимилятов, т.е. продуктов фотосинтеза. Метод, используемый в этих целях в те годы, был трудоемок и сложен, т.к. аппаратура включала большие емкости для воды (аспираторы), которые надо было поднимать на подставку выше метровой высоты, также хрупкие стеклянные поглотители.

Суть изучения газообмена заключалась в определении изменений содержания углекислоты в воздухе, пропущенном через камеру с освещенными (или затемненными для определения дыхания) листьями растений. Чтобы выявить особенности газообмена растений Памира, следовало определять газообмен в разных внешних условиях температуры и освещенности. Для этого проводили очень трудоемкие опыты, т.е. по 3–5 измерений в день (сутки). Кроме того, мне, как студентке на практике (платной) было дано Андреем Васильевичем задание: определять активность фермента каталазы – это чисто химическая работа, совсем отличная от определений газообмена. В начале работы мы определяли газообмен у специально выращиваемых перспективных для Памира сортов ячменя. Для всего перечисленного нужна была дистиллированная вода – был специальный куб, который нужно было все время топить. Этой трудной работе можно было обучить киргизку и потом только наблюдать за ней.

О. В. Заленский определяет фотосинтез
методом Рихтера
Памирская биостанция, 1942 год

Несколько слов о том, как я жила в быту и в работе. Адаптация к климату, как уже отмечено, у меня произошла за 3–4 дня, как и у большинства приезжающих. В быту меня смущало дежу́рство. Я не умела и не любила готовить еду, да еще на печке, но увидев, что обычная пища очень простая, я освоилась, а Зоя Петровна подсказывала мне, что и как сделать лучше.

По работе первые дни мне были трудны потому, что приученная на практике в МГУ все делать самостоятельно, я не умела помогать. Но О.В. сам мне облегчал это, поручая делать то, чему я уже научилась. Определение фотосинтеза методом Рихтера (тогда – новейшим) включало несколько процедур: принести воды и наполнить аспираторы, установить их на стенде, начать дистиллировать воду, мыть все поглотители, наполнять их баритом определенного объема и концентрации и после экспозиции титровать его и вычислять (CO_2), когда измеряли суточные ходы фотосинтеза.

Производить эти процедуры нужно было с очень раннего утра 3–5 раз в день. Как правило, мы работали вдвоем, но вскоре значительную часть определений я проводила одна, т.к. О.В. должен был принимать нередких гостей – начальников, писать бумаги и ездить в Мургаб по разным вопросам. А в середине июля О.В. получил вызов в Сталинабад для обсуждения работ на Биостанции.

Трудные в физическом отношении моменты опытов (поднять аспиратор, принести воды) мне иногда помогали осуществлять Джумамат или тот, кто был свободен в тот момент, когда это было нужно. Определения суточных ходов, конечно, очень утомительно, но я, к счастью, умела заснуть даже на короткое время и пользовалась этим. Работать мне было очень интересно, хотелось сделать как можно больше и лучше, расстраивалась, если опыт не получался. Помню, как я переживала то, что в одном из первых самостоятельных опытов разбила поглотитель. Боялась, что скажет О.В., но он в ответ на то, что я ему сказала, ответил: «Но он же стеклянный» и никогда не вспоминал, что у нас стало на один поглотитель меньше. Иногда приходилось останавливать работу, потому что респиратор давал течь, приходилось ехать в Мургаб и отдавать респиратор в ремонт. Меня расстраивало, когда в одном из опытов «суточного хода» титрования показывали вместо поглощения углекислоты ее выделение. Но О.В. наоборот, этим особенно заинтересовался и выделение CO_2 на свету стало одним из целевых направлений его работы. Опыты по дыханию чаще не получались, т.к. трудно было точно определить процесс малой интенсивности. Каталазой я занялась только в июле, объектами были в основном дикорастущие виды растений.

Еще два слова о болезнях. Конечно, временами бывали более или менее серьезные недомогания у всех. У меня часто болел живот, это мое слабое место из-за дизентерии в шестилетнем возрасте. Конечно, бывали простуды. Мику мы отвозили в госпиталь в Мургаб из-за ревматической атаки. К врачам госпиталя мы обращались, если были нужны советы, обычно мы просто отлеживались несколько дней. В общем, и старые, и молодые были молодцами.

Приведенные материальные характеристики нашего быта нужно дополнить тем, что можно назвать духом или атмосферой коллектива. Этот дух зависит от членов самого коллектива и от его окружения. Следует подчеркнуть, что оценка этих составляющих в значительной степени субъективна, поэтому я изложу не память о них, а то, что написано в дневнике, т.е. оценку мной того времени. Начну с коллектива. Он почти полностью женский и каждая женщина мне интересна: рассказы старших о прошлом, о науке и о людях науки обогащают. В коллективе дух был определен взаимными интересами по работе, поэтому была взаимопомощь, необходимая в трудных условиях высокогорий, и даже в какой-то мере доброта. Мы – младшие, уважали прошлое. Но многое мне не нравилось и раздражало. Во-первых, Илария Алексеевна, можно сказать, не была настоящим директором. На станции не чувствовалось хозяина. В науке помогал О.В., но в хозяйство он не вмешивался. Завхоз – противный и явно вороватый, был полностью свободен, не было должного надзора как в хозяйстве людей, так и лошадей, рабочие киргизы воровали все, что едят люди и лошади. Я это яснее увидела и поняла после моего пребывания в Хороге. А у старших дам сильно чувствовалось то, что я

приписывала возрасту. Большой процент молодежи, конечно, включая Валентину Михайловну и в некоторых аспектах Женю, давал окраску веселости, но в жизненных мелочах был бессилён. Прямо говоря, Илария Алексеевна проявляла мелочность и явно относилась (по классификации моей тети Мани, папиной сестры) к «дайкам» даже до степени скупости. А Зоя Петровна всегда и во всем была права и ее мнение – это главное. Все эти качества проявлялись чаще за столом или при решении хозяйственных вопросов и вызывали соответствующие (не лучшие) реакции других, иногда даже последствия. Не привыкшая к семейным ссорам, я, наверное, слишком переживала такие моменты. А вот О.В. умел не реагировать и благотворно действовал на женское общество. Сама я могла нагрубить старшим, но, как правило, потом извинялась. Со Стешей мы потом всю жизнь были дружны. Мику я часто ругала не очень выбирая слова – уж очень она была грязнулей и растяпой, хотя, по сути, она – милое и беспомощное создание, добрая и уж совсем не вредная. Нередко я ей помогала с дежурством, чтобы еда была подана хотя бы более или менее вовремя.

На дух небольшого замкнутого общества особенно сильно влияет контакт с его окружением, поэтому это требует подробного описания. Но сначала еще про нас самих – как мы проводили досуг – время отдыха.

Как отдыхали? Во-первых, конечно, это книги. На Биостанции было много книг – беллетристики и научных статей, монографий. Их привозили сами памирцы, отправляясь работать на Биостанцию, в частности, конечно, и О.В. и Валентина Михайловна. Разумеется, мы читали. Во-вторых – прогулки. Если хотелось побыть одной, я ходила гулять! Идти вверх по Чечектинке

и собирать цветы или подниматься на Мукорку, откуда видны и долина, и Биостанция. Суровая красота высокогорной пустыни Восточного Памира не всем понятна. Но тем, кто понимает, кому она дошла до души, тот верен ей на всю жизнь. У меня в дневнике много описаний природы, например: «Встала рано, чтобы провести суточный ход. Утро чудесное, воздух по-осеннему сырой, но свежий, идет мелкий сухой дождь. В горах выпал снег и его нижняя граница ясно и резко очерченная, прикрыта пеленой тумана. Низкие свинцовые тучи» (27.08.1942). Или: «Из-за горы с востока вылезла круглая луна. В ее лучах Ак-Байтал засверкал, засеребрился, тяжелые тени побежали по долинам, делая горы еще грандиознее, нагромождение пластов – еще хаотичнее» (31.07.1942).

Очень приятный досуг устраивал нам О.В. обычно по вечерам. Он знал поэзию, любил стихи поэтов Серебряного века (которые я, конечно, практически не знала) и любил их читать. Мы собирались у них в комнате, устраивались удобнее, закутываясь, т.к. по вечерам прохладно. О.В. читал Ахматову по-ахматовски, распевно, низким голосом, любил Гумилева. Разгоняла нас З.П., говоря, что пора спать. Стешу иногда чем-то занимала Илария Алексеевна. Слушателем бывала и я одна, когда заканчивался суточный ход фотосинтеза и я не настолько уставала, чтобы сразу лечь спать. Еще был патефон и некоторое количество пластинок с хорошей музыкой (разной). Мы очень любили наш патефон, и когда он ломался, возили чинить его в Мургаб. Занимаясь неизбежной починкой одежды, часто просто слушали рассказы старших о науке, путешествиях, о прошлом или просто болтали «шерочка с машерочкой». Когда же мы не уставали и хотелось чего-то активного,

мы – я и Стеша – ездили верхом, выпросив разрешение прокатиться на лошадях пограничников, нередко бывавших на Биостанции, иногда ездили с пограничниками поить их лошадей, но обычно просто катались в долине. Из таких забав помню одну рискованную. Мы поехали в долину и погнали своих лошадей рысью, Стешин конь разбежался и понес. Я увидела, что Стеша потеряла управление конем, и помчалась им наперерез, чтобы «увести» ее коня за моим. Это не получилось, но к счастью, кони были голодны и понеслись к Биостанции, но своим путем, так что проскакали по Жениным грядкам. Нам крепко влетело от старших, и на следующий день мы постарались привести грядки в порядок, насколько это было возможно.

Еще следует упомянуть, что задерживаясь в Мургабе из-за частой волокиты с получением продуктов, для лечения зубов или просто из-за отсутствия попутных машин, мы ходили в клуб смотреть кино. В Мургаб привозили разные фильмы – и про войну, и старые, уже знакомые. В клубе бывали танцы, я не танцевала, а Стеша была на них очень востребованной кавалером. Однажды кино приехало на Биостанцию вместе с теми мургабцами, с которыми мы уже были знакомы (о них – ниже). Было очень необычно – в комнате О.В. электрический свет, все так ярко. В другой раз за нами специально приехал сам комендант приглашать нас – в Мургаб приехал ансамбль танца. Клуб был полон, но мы – как гости – сидели близко. Нам всем практически все очень понравилось, и мы удивлялись, как можно так зажигательно плясать на Памире. Домой в Чечекты нас отвезли на комендантском пикапе.

Часть нашего досуга была связана с приездом гостей. В том году Памир посетило много лиц разного

чина из Хорога, Ташкента, Сталинабада (теперь – Душанбе) и даже из Москвы, они приезжали и на Биостанцию. Самой главной из них была женщина – узбечка, командировка которой на Памир была подписана Сталиным. С ней, как и с другими, ходили по полям, заходили в лабораторию О.В., и Илария Алексеевна объясняла задачи Биостанции, говорила о нуждах работы и жизни сотрудников. Она произвела на всех впечатление умной, деловой женщины. Обычно нам обещали помочь, и надо было писать специальную бумагу, чем занимался О.В. В августе на Биостанцию уже специально приехал ученый секретарь Института Биологии таджикского филиала Академии наук СССР – Семен Иванович Плешко. Потом он делал доклад о работе Биостанции в Хороге и в Сталинабаде. На Биостанции было заседание (с протоколом), посвященное обсуждению планов будущего года. Это все люди, связанные с нашей работой. Со штатским начальством Мургаба у нас быстро устанавливались дружеские отношения. Среди начальников главным был Иван Иванович Гончаров, партсекретарем был Абдулин, над колхозами Восточного Памира – Каримов; они заезжали к нам и мимоходом, и специально. Имея дело с ближайшими колхозами, Каримов живал у нас по несколько дней. Характер отношений с секретарем можно иллюстрировать так. Как-то вскоре после нашего приезда он сказал, что знает, как установить, умную ли «лабораторию» (т.е. меня) получил О.В. из Ташкента – просто сыграть в «подкидного дурака». Дело было после работы: он с Олегом и я с Ольгой Николаевной при зрителях сели дуться в карты. Под смех, прибаутки и шутки мы с О.Н. проигрывали все партии, З.П. стояла за спиной О.В., мы выигрывали только когда она уходила. Несмотря

на такой результат, когда мы со Стешей ездили за продуктами и столкнулись с волокитой, именно он нам реально помог больше всех и сурово «поговорил» с волокитчиками. Гончарова мы за прекрасное мужественное сложение прозвали «Дубом» и даже дразнили Валю за то, что он к ней благосклонен. Бывали мы у него и в кабинете с кожаными креслами, и дома. Из связанных со мной «инцидентов» хорошо помню, что в какой-то из его приездов его сопровождающие привезли к нам Петьку, его любимого коня. На таком коне лестно прокатиться, и я спросила у «Дуба» разрешения. Он ответил: «Не усидишь». А я важничала, что хорошо держусь. Присутствующие заключили пари: «Дуб» сказал, что его конь терпит в седле только его, но подержал мне стремя – попробуй, мол. Когда я села и взяла уздечку, конь стал прядать ушами, потопал на месте и вдруг взвился задом, конечно, я не удержалась.

Присутствовавшие зрители отнеслись к этому по-разному: старшие дамы ругали меня за самоуверенность, а младшие были рады выиграть пари и что-нибудь получить от меня, раз проиграла, и благодарили «Дуба», что он разрешил, хотя достаточно было «повести бровью» и ничего забавного бы не было.

Военные гости

Чаще и разнообразнее по составу были гости-военные, как командиры, так и рядовые бойцы. Они различались возрастом (от 18-ти до 21–22-х) и сроком призыва. У нас они появлялись или проездом – кто в Мургаб, кто на свою заставу после наряда, или на специальное ночное дежурство на Биостанции. Мы всех поили чаем и добавляли к их еде что-нибудь наше, если могли.

Когда в мое дежурство приезжали бойцы-первогодки, то нередко, выпив чаю и поев, они выражали явное желание не уходить из кухни и еще поговорить со мной. Я оставалась с ними и слушала их рассказы, обычно о доме, о родных. Они явно еще не привыкли к службе, к Памиру и тосковали по дому. Я поправляла их речь (некоторые говорили неправильно), задавала вопросы или что-нибудь рассказывала о Памире. Когда мы встречались с кем-то из них в Мургабе, они радостно здоровались и если могли, провожали туда, куда я шла и несли мои вещи, если они были. Более взрослые бойцы различались между собой по характеру и уровню культуры. Младших выравнивала их молодость. Отношения со старшими бойцами были такие же, как с командирами и определялись их личностными свойствами. Некоторые, например, Володя Иванов, радист Ранг-Кульской заставы, уже в прошлые годы были знакомы с Женей, Валею и О.В. Конечно, прежде всего мы познакомились и сразу подружились с комендантом – хозяином и командиром всех и вся на Восточном Памире, майором Мирошником. Он вскоре сменялся и привез знакомиться заменяющего его коменданта – Кузнецова. С ним мы тоже сразу подружились, он даже привозил к нам своих дочек, малышек 6–8 лет. Приезжая в Мургаб, мы навещали его дома, где его приветливая жена всегда угощала нас чем-то вкусным, а девочки бежали нам навстречу с веселым визгом. При наших поездках в Мургаб большую помощь нам оказывал главный ветеринар Чернышов и его жена. Это был очень своеобразный и интересный человек с большим чувством юмора и знаниями в разных областях. Их жилище отличалось от большинства мургабских большим размером, у них даже была отдельная комна-

та, в которой ночевали гости. Мы все очень сдружились с Чернышовыми, всегда их навещали и часто у них ночевали, если задерживались в Мургабе.

Для приезжающих на Биостанцию молодых военных знакомство с новыми, отличающимися от мургабских, молодыми женщинами было, конечно, событием в их сугубо мужской среде. Для нас тоже необычным было знакомство с целой армией мужчин, среди которых попадались и симпатичные, и интересные. Мужчины старались быть со всеми галантными кавалерами, а женщины волей или неволей начинали кокетничать. Но взгляды и даже мелкие движения быстро выдают, кто кому нравится. Потом, после работы в «дамской» беседе появлялось определение «твой».

Это слово «твой» никого ни к чему не обязывало, кроме улыбки при встрече. Вместе с тем оно давало повод для взаимных поддразниваний, намеков, шуток, то есть создавало веселый тон с соревнованием в остроумии «нападающих» и «защищающихся». В этом, конечно, большую роль играл О.В. и с успехом участвовали старшие дамы. Отношения между самим «твоим» и той, кому он «принадлежал», могли изменяться во времени или оставаться на уровне взаимных улыбок и женского кокетства, мужского внимания и поисков возможностей почаще приезжать на Биостанцию или нам – в Мургаб. Нередко они развивались в приятную человеческую дружбу. Так, например, Валя умела весело и мило кокетничать с майором Алексеенко. Ее начали поддразнивать, но очень скоро «твой» превратился в ее и нашего общего друга, мы познакомились и с его женой. А когда он ездил по делам в Ташкент, Валя, я и И.А. просили его передать нашим родным небольшие посылочки и письма. Были и общие любимцы, из них

главный – Измаил, шофер комендантского пикапа. Со всем молодой мальчишка, с примесью восточной красоты, скромный, застенчивый – быстро краснеющий, всегда готовый чем-то помочь. Мне, как и всем, он нравился, но я не очень знала, о чем с ним говорить.

В своих воспоминаниях я упоминаю лишь нескольких военных, тех, с кем виделась чаще и кто был симпатичнее и милее. На самом деле «твоих» было больше и у Вали, и у Стеша, может быть, и у Жени. Мои воспоминания – это не документальная запись, а то, что я помню или записано в дневнике.

Но были и серьезные увлечения. Так Стеше сделал предложение комиссар одной из Памирских застав. Несмотря на Шешин отказ, он надеялся, что в будущем она будет благосклоннее. За него ратовали его друзья при встрече со Шешей. Она вообще пользовалась большим успехом. Что касается меня, то, по словам женщин, мной интересовались врачи – начальник военного госпиталя Третьяков, вернее, его приятель, главный военный ветеринар Сергеев. С Третьяковым как с врачом мы были знакомы, с Сергеевым познакомились в июле в связи с полноводьем Ак-Су. К нам ночью постучался незнакомый промокший капитан – их машина застряла при переезде реки. Он решил идти на Биостанцию (в одном окне еще был огонек), другие пошли пешком в Мургаб. О.В. и Валя кое-как его переодели, напоили чаем и после разговоров уложили спать. На следующий день, к обеду, за ним приехал Измаил на своем пикапе. Так что нам было время познакомиться. Однажды для продолжения знакомства эти врачи придумали шутку, я думаю, не без участия Чернышева, у которого мы – я и Шеша – ночевали, задержавшись в Мургабе из-за получения продуктов. Они переоделись в дру-

гую форму и прикинулись начальниками ночных постов Мургаба. Поздно вечером, когда мы еще не спали, они постучались к Чернышеву, объявив, что пришли «проверить документы двух женщин, о которых было доложено, что они неизвестно откуда появились в Мургабе». Никаких документов у нас, конечно, не оказалось, а Чернышев сказал, что он нас не знает – просто пришли, попросились ночевать, и его жена впустила. «Врачи» требовали, чтобы мы шли для выяснения личности в комендатуру. Одним словом, смеху было много, и этот случай позволил мне развить способность говорить остроумные веселые глупости. Мы потом встречались нечасто: они оба всегда были очень заняты. Но если встречались, дружеские беседы были приятными и нередко смешными.

Совершенно другие отношения у меня сложились с приехавшим в Мургаб майором Лукашевичем. К нам в гости его привез Мирошник. Об этом майоре надо написать подробнее.

Я познакомилась с ним, войдя в свою лабораторию, где он беседовал с Зоей Петровной – рассказывал ей что-то о прошлом Памира. Я включилась в разговор. На вид он был старше «наших» майоров, культурнее их. Когда все собрались на ужин, Мирошник представил его словами, что он гость не из Мургаба, а от всего Восточного Памира. Его имя Леонид Гаврилович. За столом мы сидели рядом и переговаривались. В общей беседе выяснилось, что в 20-е годы он был в отряде, занимавшемся тонкой и трудной работой установления в районах кочевого населения Памира непроходимой границы Китая и России. И, как сказал Мирошник, он сумел завоевать уважение горных киргизов – как оставшихся на нашей стороне, так и за границей.

Когда мы встретились в Мургабе, он назвал меня «Оля-доченька» и на «ты», в дальнейшем так ко мне и обращался и был очень внимателен, действительно, как к дочери. Он хвалил меня или говорил «так делать не надо», а я спрашивала его совета, когда возникали вопросы.

Одно появление Лукашевича на Биостанции следует описать отдельно. Его привезли к нам ночью и совсем больного. Зоя Петровна за ним ухаживала, потом приехал Измаил и увез его на своем пикапе. Суть этого случая была такова: при испытании над Памиром какого-то типа самолетов пилот одного из трех ошибся и сел недалеко от границы, но в Китае. Военное начальство, чтобы не делать из этого международного события, попробовало решить проблему путем дружеской встречи в Китае с уважаемым там человеком. Привезли Лукашевича и как-то переправили его через границу, предварительно распространив слух о его приезде. Самолет улетел, а Лукашевича в Китае так привечали, угощали и, главное, поили, что он совсем изнемог. Вот к нам его и привезли «приходить в себя», вырвав как-то из дружеских объятий.

Когда я вернулась из поездки в Хорог за картошкой, он уже уехал с Памира. Уже после войны мы с Валеи узнали, что он погиб на фронте, кажется, в боях на Курской Дуге.

Осень

Время шло. Я нервничала: несмотря на то, что работала по максимуму, сделано, мне казалось, мало из-за всегда неизбежных срывов и поломок оборудования. Но О.В., вернувшись из своей поездки, остался доволен

сделанным. Он приехал 9 августа, и атмосфера в нашем коллективе сразу стала веселей и интересней. А плодово-овощные подарки из Хорогского Ботанического сада украсили наши трапезы. Совсем иное действие произвел приезд Павла Александровича Баранова (Почека – это «бытовое» прозвище П.А., а И.А. – Ларунчик), примерно в середине сентября. При нем очень изменилась И.А.: стала кудахтать по мелочам («все лучшее – Почеку») и еще чаще ссорилась поэтому с З.П. А главное, началась какая-то неразбериха в работе: внедрением ячменя у нас занималась Ольга Николаевна, а И.А. сочла, что это тема Почека. Слава богу, меня эти вопросы не касались, но О.В. был в центре их. Они все вместе ездили в Мадыяны, часто с мургабским начальством – Абдулиным или Каратаевым. Там предполагалось устроить подсобное хозяйство, а кто будет его вести – тоже вопрос, по которому О.Н. и Почек были не согласны.

Павел Александрович Баранов (Почек)

Между тем наступала осень. Вода в Чечектинке почти иссякла, и уже никто не мог пострадать, переезжая Ак-Су, как наши «утопленники» – Сергеев и потом Кузнецов – в середине июля. Чтобы поить своих лошадей, приезжавшие бойцы ездили даже к Мургабке. Для такой конной прогулки приглашали меня.

Ночами становилось холодно, надо было расселиться по комнатам, где есть печки, убирать овощи, запастись корм лошадям – и масса других хоз. забот. Всерьез встал вопрос о зимовке. О.В. в Сталинабаде получил на зимовку добро, и надо было утвердить у начальства в Мургабе, кто конкретно будет зимовать, и что особенно важно – договориться о том, что зимовщикам нужно запастись. На фоне этих дел и разговоров я задумывалась о себе. И захотела зимовать! Обсудила это с О.В., он внимательно говорил о плюсах и минусах зимовки для меня, не уговаривал, но отметил, как важны физиологу наблюдения за растениями поздней осенью и зимой. Мургабские власти мою кандидатуру одобрили, и у меня в дневнике появилась крупная надпись: «Ура! Я зимую». Но, конечно, были у меня и сомнения, правильно ли я поступаю. Все «за» зимовки и ее положительные последствия для науки опубликованы («Ботанический журнал», 2012г. Т. 97, №3, стр. 1127–1132). Но касается ли это именно меня, тогда мне было неясно. Сейчас задача – вспомнить и описать то, что было тогда.

Сначала о подходе к зимовке, то есть окончании экспериментов и событиях до отъезда тех, кто собирался уезжать. «Зимовщики» – это двое Заленских, О.Н. Сорокина, Женя Кириллова с Ирой и я. Еще летом О.В. говорил, что в награду за хорошую работу я поеду в Хорогский Ботанический сад – посмотреть другой

Памир. Но то тракт Мургаб – Хорог перекрывал обвал, то О.В. сам уезжал, так и настала осень. И было решено, что я поеду в Хорог, но уже не отдыхать, а за картошкой для зимовки. Ольга Николаевна и завхоз Михаил были против – О.Н. считала, что девчонка 21 года да еще на вид и по жизненному опыту моложе своих лет – не тот человек, кто должен «выбивать» картошку, а Михаил хотел ехать сам, имея свои интересы в Хороге. Такого мнения, как выяснилась потом, были многие, но поехала-то я!

Дорога в Хорог

Итак, 4 октября 1942 года я отправилась в Хорог. Оформив пропуск в Мургабе, стала искать машину. Нашла, шофер согласился взять меня, еще пассажирами были какой-то дядька, одетый как житель севера, и милиционер, который занял кабину и на мои намеки и прямые «едкие» слова не отреагировал и места в кабине не уступил. Мы тронулись довольно рано, но на первом же подъеме мотор застучал и пришлось вернуться для ремонта. Отправились на следующее утро, появилась еще пассажирка. Опять та же история – и опять назад в Мургаб. Нашлась другая машина в Хорог, и мы все пересели в нее. Шофер взял с меня 200 рублей.

Скоро Мургаб остался внизу. Подъем на высокий перевал вьется по серпантину с очень крутыми поворотами. Дорога обложена по краю обрыва побеленными камнями, видны проломы между ними от свалившихся машин. На перевале холодно, ноги мерзнут даже в валенках. Потом спуск, и довольно быстро мы оказались в Аличурской долине, где попали в снегопад. Остановились поесть в ближнем кишлаке, ели каймак и айран.

Ночевать остались в кибитке УПД. Эта кибитка была ужасающе грязная, в ней уже спали 3 человека. Щербатый милиционер действовал очень оперативно: принес бензина – засветил фонарь, натаскал терескена и затопил печь – стало тепло. С помощью кошмы соорудил спальное место на полу, где мы и выспались все вповалку. Дорожный рабочий, русский, позвал нас к себе в кибитку, напоил чаем.

Взошло солнце, потеплело. Наконец дорога пошла вниз. Этот спуск произвел на меня удивительное впечатление: белые горы растут, возвышаются, внизу видны белые домики, дышать легко и вообще как-то радостно – будто летишь куда-то!

Приехали в Джеланды. Тут недалеко горячие источники – «ванны» со стенками из торфа. Вода пузырится, поднимается пар, а кругом снег и холод. У источника я, как и все, помылась. Переоделись в менее теплое. Повариха приготовила обед для служащих УПД, ворча, что картофель долго не разваривается – все еще высота! Они ругались, что политрук живет здесь и купается уже 2 недели, оформляя это как командировку. Вкусно поев, мы поехали и вскоре оказались в долине реки Гунт. Какая прелесть: кусты, деревья, попадаются березы и все это расцвечено чудесными красками осени. И очень красивы таджики. Гунт ревет, а скоро – еще грохот Чартымского водопада.

Уже стемнело, когда мы приехали в Дебосты. Вдруг из-за поворота – ряд ярко освещенных трехэтажных домов – Хорогская ГЭС. Надо думать, где сходить, но у меня в голове нету ясности в том, Нижний или Верхний Хорог мне нужен. Решила сойти в Верхнем. Быстро сгрузили мои вещи и уехали. Меня окружили мальчишки-таджики, ни слова не говорящие по-рус-

ски. Но все же поняли и отвели меня к кибитке, где жили русские. Меня встретили просто и приветливо, согласились взять до завтра мои вещи и сказали, что почта в Нижнем Хороге – мой ориентир для поиска жилья Валериана Валериановича Гурского. В полушубке, с портфелем с деньгами и документами я отправилась туда пешком. Темно, но идти спокойно. Только в одном месте я испугалась: очень крутой поворот дороги, шагнешь прямо – и в реку. Нашла почту и напротив – жилище Вал. Вал. Я постучалась, он попросил немножко подождать и впустил меня в темную комнату, где виднелись кровать и стол.

Зажгли коптилку. Хозяин очень взволновался и суетился, но покормить меня ему было нечем, кроме помидора. Он был уже немолод и внешне производил впечатление бобыля, перенесшего что-то тяжелое в жизни. Мы немного поговорили, причем он сказал, что наши чечектинцы «сообразили тоже – девчущку послать за картошкой». Он уступил мне свою кровать, а сам лег на полу, сказав, что сам не сможет уснуть: «Такая стрекоза его взволновала».

Утром он объяснил мне дорогу на дашт в Ботанический сад, и я, прослушав сводку по радио, отправилась в путь.

На этом пути я сделала такую глупость, которую считаю до сих пор самой большой в своей жизни. Я решила перейти Гунт не по мосту, до которого надо было еще идти, а по временному переходу – запони: доски над водой и лестница на высокий берег. Тут я чуть не утопила в Гунте портфель с деньгами, сорвавшийся у меня с петли на шее, когда я лезла по лестнице. Как я его поймала уже на лету, можно объяснить только с помощью Ангела-хранителя!

В Ботаническом саду

Подъем на дашт, на котором расположен Ботанический сад, от берега Гунта – крутой и довольно длинный. Когда я добралась до Сада, меня встретил Семен Иванович Плешко и, как я догадалась, Анатолий Валерианович Гурский. Мне он сразу понравился (больше чем его брат). Они отвели меня в столовую, угостили дыней и познакомили с чудесной женщиной Лялей, женой Анатолия Валериановича, и ботаниками Рахиль Львовной Перловой и Георгием Николаевичем Непли. Потом Плешко повел меня смотреть сад. А после обеда я с конем и очень красивым таджиком ходила за вещами, оставленными в Хороге. После очень интересной для меня беседы за ужином мне постелили на починенной Валерианом Валериановичем раскладушке в углу его комнаты.

Хорог. Аллея Ботанического сада

Следующий день, воскресенье, мы с Семеном Ивановичем Плешко посвятили окрестностям Сада – дошли до родника, который считается у таджиков священным. Конечно, все это место святое: кристально чистая вода вытекает из горы, и ее серебряное журчание – единственный звук красивого осеннего дня. После обеда мы лазали по горам насколько хватило сил. Там прекрасно виден Гунт внизу и дашт с Ботаническим садом. Семен Иванович здесь стал совсем иным, чем был в Чечектах: сбросил свои заботы и наслаждался видами, как и я, к тому же стал очень внимателен ко мне.

Собрав все, что мне нужно было для картошки, вечером я задумалась о своих впечатлениях за эти три дня. Ну, конечно, красота Западного Памира. Но главное это то, чего нет у нас на Биостанции. Мужское общество – главенство мужчин, а женщины тихие, дружные и на втором плане. Гурский – хозяин, ему до всего есть дело, до самой мелочи – от дынь к столу до лошадей, собак и склада. Все хозяйство в полном порядке: лошади толстые, собаки сытые, на складе порядок и чистота. Кроме того, беседы этих трех дней дали мне много нового об истории изучения памирских растений, многое о Вавилоне. А еще о нас чечектинцах и о том, что мы сделали или не сделали. Первое: нехорошо, что послали за картошкой неопытную девочку. Второе: нехорошо, что не прислали с ней барана (мясо – большая ценность на Западном Памире) и продовольственной карточки, поставив ее в положение нахлебницы.

Узнала мнение Гурского об О.В., оно записано в дневнике: «Олег отличается талантливостью и хорошей научной подготовкой, но обладает редким гонором и барством», а также о себе – что «недостаточно активна, но в общем девочка ничего».

Из наблюдений в дороге я поняла, что и здесь, в Хороге есть полужульническая частная торговля, и личные интересы отдельных местных, и даже разгильдяйство. Ну а красоту Сада и всего дашта я старалась описать в дневнике, но читая, перед глазами эту красоту не вижу – забыла, хотя написано хорошо.

«Поэма о картошке»

В понедельник Анатолий Валерианович, Семен Иванович и я отправились в Хорог каждый по своим делам. Оказалось, что мой картофельный вопрос не такой простой, как казался на Биостанции. С первых же шагов началась какая-то бюрократическая чехарда: один посылал меня к другому, тот к третьему и т.д., так что за день круг закрылся – послали к первому. Только когда Плешко сам обратился к более высокому начальству, дело сдвинулось: договорились, что нам дадут картошку в определенном колхозе. Правда, в далеком: надо ехать до кишлака Ривак (35 км), а потом идти в колхоз пешком. Выехать туда я смогла только через день, так как должна была быть на областном заседании с докладом Плешко о Биостанции. Биостанцию очень ругали за то, что от нее нет никакой сельхозпродукции. Семен Иванович говорил об истории создания Станции, старался выпятить успехи в выращивании ячменя и закончил упованием на более молодое начальство Станции и на ее коллектив.

Итак, только 17 октября я пошла в Хорог искать машину до Ривака. Семен Иванович проводил меня до моста, донес мои вещи и на прощанье обнял – он улетал в Сталинабад. Как-то раз в разговоре он сказал, что я – «располагающая». А о нем я этого сказать не могла: мне

не нравилась какая-то его нерешительность во всем, отсутствие «искры» в характере этого хорошего и доброго selfmademan'a.

Машину нашла, шофер согласился довезти до Ривака, но только завтра, рано утром. Я пришла рано, и пока заправляли и чем-то грузили машину, посмотрела, как живут здесь таджики – неплохо. До Ривака добрались быстро, шофер меня ссадил около моста, показал дорогу к моему колхозу и уехал. Оставив мешки для картошки в сторожке у моста, отправилась вглубь долины к нужному мне колхозу. В кишлаке женщины, укладывавшие сено особыми пирамидами на крышах кибиток, направили меня в Управление. Меня окружили женщины и ребяташки, переговариваясь на своем языке. Оказалось, все начальство колхоза уехало в Хорог, надо ждать их возвращения. Значит, здесь ночевать. Где? В ближайшем доме дверь мне показалась казенной, я постучалась и вошла. В пустой комнате с печкой-буржуйкой стояла кровать и стол со стопкой книг, за которым неподвижно сидела русская девушка. Выяснилось, что она учительница. Она не отреагировала ни на мое появление, ни на набивших всю комнату сопровождавших меня таджиков. Я поздоровалась, спросила ее имя, она ответила – Тася. На мои вопросы – односложные фразы, к моему рассказу, кто я – ни вопросов, ни интереса. Какие-то потухшие глаза и застывшее лицо. Неужели до такого опустошения ее довел образ жизни, одиночество?

Темнело, в комнате только коптилка. Из соседних кибиток доносится музыка. Я угостила Тасю дыней и предложила пойти послушать музыку – она согласилась. В кибитке собралась молодежь, играли на чем-то

похожем на мандолину. Наш приход, вернее, мой, их взбудоражил, даже танцевали. Интересно!

О. А. Семихатова, 21 год, Хорог. Поездка за картошкой

На ночь я устроилась у Таси на полу: залезла в свой спальный мешок. Но уснуть не удалось – блохи! Встали очень рано. На завтрак – недоваренная картошка и молоко. За себя я заплатила, Тасю кормит хозяйка-таджичка. Она пошла в школу, я – в Управление. Там никого – еще рано. Подошедший таджик сказал, что никто не приехал, секретарь должен быть во вторую половину дня. Я решила, что пока схожу в Ривак и в ближнем от него колхозе попытаюсь купить морковь и лук. На полдороге встретила двух мужчин, один русский. Это оказались строители запони на реке Ривак. Они пригласили меня к «себе» – на склад стройматериалов, но на чистом полу за бревнами две аккуратно свернутые постели. Угостили холодной затирухой из гороховой

муки – обычное питание таджиков, очень невкусное, и ширчаем. Это крепкий горячий чай с молоком, салом и солью. Вкус странный, но не неприятный, и очень бодрит. Потом они показали мне более короткий чем через Ривак путь к колхозу, куда я шла. Но сходила я туда напрасно: никого из начальства нет, все уехали в Хорог. Вернулась я в свой Сурж, и опять – в Управление. Там был секретарь, я показала ему свою бумагу о картошке и получила очень для меня неприятные сведения: должна быть подпись уполномоченной Памирторга Камильшоевой, а без нее раис (председатель) вряд ли продаст картофель. А эта особа как раз в их районе, но к ним уже не придет. Кто-то из присутствующих понял наш разговор и сказал, что эта Камильшоева вчера была в колхозе Мунд. Что делать? Решила отдохнуть и идти туда, это 4 км. Пришла в кишлак, и опять все то же: окружили ребята и 1–2 женщины, язык не понимают, меня рассматривают. Но слово «учитель» поняли и повели к нему. Таджик, комната с белыми стенами, на них карты, на столе пачка тетрадей и книги, часть русских. О том, что искомое начальство в колхозе было, он знал, что уехало – тоже знал, но вот куда – ему неизвестно. По-русски говорит хорошо. Угостил меня вкусной лепешкой, уговаривал подождать скорого ужина и ночевать у него. Я колебалась (от голода!), но благо-разумно отправилась ночевать к Тасе. Когда дошла до песчаной части дороги, где идти трудно, стемнело и дорогу стало плохо видно. Но луна-умница вскоре взошла и все осветила. Я с трудом нашла Тасин дом – там все то же. Она оставила мне на ужин немного картошки, молока и ячменную лепешку. Я подарила хозяйкам мыло и карандаш, они смилостивились и дали еще молока. Увы, блохи не наелись и всю ночь меня терзали.

А день опять – бессмысленное ожидание. Раис приехал во второй половине дня. Картошки мне не дали! Что же делать? Домой!? Собралась, простилась с Тасей, дошла до тракта и села ждать попутную машину в Хорог. Машины идут, каждую слышно потом и видно после поворота дороги. Но они мчатся дальше, не обращая никакого внимания на меня. Сколько я сидела так, не знаю. Злилась, отчаивалась, даже плакала. Главным образом от голода: Тасина хозяйка дала мне на завтрак только молока, да я сохранила кусок хорогской лепешки. Сдуру я даже потащилась с вещами вдоль дороги пешком. И вдруг машина, немного проехав вперед, остановилась: шоферу нужно было посадить здесь седока. Я уговорила его довезти меня до Хорога!

В Хороге он выгрузил меня у военкомата. Я решила дотащить вещи до жилища Валериана Валериановича, подняла мешки, огляделась и... на бревнышке сидит Ляля, ждет Анатолия Валериановича. И тут усталость навалилась на меня, в глазах появились слезы. Пришел Анатолий Валерианович, взглянул на меня и сказал, что я осунулась и постарела на 5 лет.

На даште меня накормили досыта, а потом я долго мыла свое искусанное блохами тело. О, какое счастье – чистой лечь в чистую постель! А завтра воскресенье – можно подольше поспать.

Узнала, что вчера в Хорог пришла машина кварцевиков, привезли для Гурских барана от чечектинцев, уезжают обратно в понедельник утром. С ними надо отправить дары Сада – овощи и фрукты. Я старалась помочь Гурскому отобрать и упаковать их. А потом все, что надо было отправить в Чечекты, собрала и вместе с Шакаром (работником Сада) и навьюченным конем отправилась в Хорог. Загрузить все это надо рано, так

что ночевать я осталась внизу в «халупе» Валериана Валериановича.

Проснулась очень рано – боялась, что утром не найду среди кибиток таджиков ту, в которой Шакар оставил наш груз. Но нашла, еще в полутьме все погрузили, и они поехали. А я вернулась, чтобы доспать и идти в Памирторг к 10 часам. Там пришлось ждать, когда явится тот, кто дал недействующую бумажку вместо ордера. Пустой результат моей поездки его не удивил: он сказал то же, что и раис колхоза: нужна подпись этой Кабильшоевой, и я должна ее найти. Мои попытки убедить его, что это невозможно, если бы даже у меня был конь, оказались тщетными. Он начал меня ругать, что я капризничаю и т.д. – громко и грубо.

Я посоветовалась, как мне быть, с Вал. Вал. и пошла к главному партийному начальству. Объяснила ему всю ситуацию, он позвонил по телефону, поговорил, конечно, по-таджикски, и велел мне идти обратно к тому же чину. Тот встретил ворчливо, послал к другому, а тот к третьему. Два последних меня уверяли, что картошку дадут, чтобы я не беспокоилась. Им, по-видимому, тоже позвонили. Обещали, что в недалеком колхозе, а ордер дадут завтра на специальном «картофельном» заседании. Заверили! Но я уже не очень-то верила.

На следующий день шел дождь, но теплый. Я промокла, но на заседании высохла. Оно, как ни странно, проходило деловито и спокойно. Сначала дали ордер нашей комендатуре, затем мне – внушительный, с разными надписями – в колхоз на даште над Сучаном, 22 км по трассе. Но ехать его реализовать надо было вместе с этой Кабильшоевой, она должна приехать. Вот так! И ордер не помог – снова надо ждать. Я каждый день

ходила в Хорог и пыталась найти, кто может заменить эту «гадкую» тетку. Наверное, всем надоела. Гурский успокаивал, что картошку дадут, так как я никому не сделала никакого вреда, только шуму устроила много.

Бродя по картофельным инстанциям, я не раз встречала там трех, явно приезжих мужчин. На третий день «ожидания картошки» я пришла в комнату, где они сидели. Я стала разговаривать с чиновником, к которому пришла, нарочно громче обычного, и один из приезжих спросил, в чем мое дело. Я показала бумаги и объяснила ситуацию. Они тихо поговорили между собой и сказали, что едут в Сучан, где могут уладить все дело. Один сказал, чтобы я ехала с ними, второй – что в легковушке нет места и нужно ловить попутку, третий – чтобы я здесь ждала их возвращения. Я поняла, что этот толстый третий у них старшой и решила их ждать, надеясь, что недолго. Время шло!

Они вернулись на второй день. Толстый сказал, что все в порядке, только дадут не полторы тонны, а одну, и я могу ехать в Сучан и оттуда в колхоз к райсу. Не успело у меня похолодеть в душе, что мне опять что-то и кого-то искать, как Толстый подозвал паренька (которого я видела с ними) и сказал, что он будет во всем мне помогать. Этот паренек из Сучана и возвращается домой ночевать. Мы договорились с ним, что я приеду в Сучан к 10 часам и встречу с ним. Он рассказал, где его кибитка. От радости я готова была на все!

Ура! Я завтра увижу свою картошку!

На следующий день – уже 30 октября, я поехала верхом в Сучан, конечно, страшно волнуясь, что не найду кибитку паренька. Но все получилось очень хорошо. Он сам вышел меня встретить на тракт, и мы влезли с ним наверх к колхозу, где он отвел меня домой к рай-

су и «сдал» его жене, а сам пошел искать самого раиса и вскоре пришел вместе с ним. Мы поугощали друг друга, поели и пошли в сарай к картошке!

Вошли. Немного картошки рассыпано по полу, а остальная в мешках – характерных мешках военных. Я удивилась, но ничего не сказала. А раис подошедшим мужчинам-рабочим велел пересыпать картошку из этих в мои мешки и переносить в весовую, женщинам – собирать в мои мешки картошку с пола и помогать мне зашивать наполненные. Сам он с рабочими – у весов. Конечно же, набежало много зрителей: ребята разных лет и даже взрослые.

Меня и мою одежду (брюки) они комментировали на своем языке вперемежку с руганью и смехом, а мальчишки норовили украсть как можно больше картошки. За этим приходилось следить. Моих мешков не хватило, пришлось пустить в ход взятый на всякий случай спальный мешок, что вызвало массу смеха.

Наконец, закончили – одна тонна. До приезда за ней с машиной раис дал мне замок от небольшой халупы, что была ближе к спуску на тракт, велел рабочим перенести туда мешки и ушел. Тут произошел маленький инцидент. Усталые грузчики сели на мешки передохнуть, а зрители – еще и новые пришли – окружили меня, рассматривая и хохоча. Работники молчали и не несли мешки к халупе. Когда один из зрителей протянул руку к моим брюкам, я, несмотря на усталость, взбесилась и так грозно рявкнула не разбирая какими словами, что они вмиг присмирели, мужчины взяли мешки и понесли их. Но куда? Нет, не к себе домой, а в склад-халупу! Так как тащили все, а не только трое, что пришли с раисом, все перенесли очень быстро. Я заперла дверь, заплатила троим и стала спускаться вниз, где

меня ждал мой конь. И мы с ним отправились в Хорог – и на дашт.

Верхом по тракту в темноте я еще не ездила и потому боялась, что конь испугается света фар и обгоняющих его машин. Поэтому, услышав дальний шум машины, слезала с коня и, держа его под уздцы, ставила у самой стенки дороги – у подъема в гору. Но это оказалось напрасным: коняга был опытнее меня. Меня тревожила необходимость в темноте перевести коня по подвесному мосту. Обычно коня через мост переводят мужчины, крепко держа его за узду. Мне коня не удержать, так что приходилось надеяться, что мой приучен и не боится «качки» под ногами. Когда мы подъехали к мосту, я спешила, немного посидела, чтобы набраться духу, потом встала, взяла коня за уздечку и потянула на мост. Коняга тихо пошел за мной, и только за какой-нибудь метр от конца моста прыгнул на берег, толкнув меня в бок.

Подъем на дашт на этот раз показался мне очень крутым и длинным. Пришла, когда Гурские еще не спали. Когда я рассказала, что мне дали картошку, высыпав ее из мешков военных, Гурский сказал, что они ловко избавились от меня: ничего не нарушили, а договорились с военными или сами были связаны со снабжением военных.

Теперь передо мной две «картофельные» задачи: попытаться добыть еще полтонны и отправить имеющуюся тонну в Чечекты, причем и с той и другой надо торопиться – уже поступают сведения об авариях и завалах на трассе – ведь осень. Что первая задача безнадежна, я поняла, вновь пройдя все связанные с ней инстанции. Со второй, казалось, повезло: в Хороге встретила Кузнецова и он сам предложил отправить мой

груз военной машиной, которая должна скоро прийти. Ехать с военными – оптимальный вариант: бесплатно и довезут до дома. Два дня искала их машину или Кузнецова. Даже «проникла» в Хорогский погранотряд. Там сказали, что произошла авария. Возвращаясь на дашт после безрезультатного хождения в Хорог, я даже плакала от беспокойства, что ничего не смогу сделать, что время идет и мою картошку могут вернуть военным. Когда узнала, что эта машина попала в аварию и шофер сломал руку, стало ясно, что надо ждать прихода машин ПАТУ. К моим поискам машины присоединился Вал. Вал, решивший ехать в Мургаб. Он помог: в ПАТУ оказалась машина, у нее уже три левака и мало груза. Связи Вал. Вал. с их начальством позволили уговорить шофера взять нас. Сыграло роль и то, что у меня был пропуск на провоз овощей.

Выезжаем рано утром. Все мои вещи и все, что еще надо передать чечектинцам от Гурского, уже лежат в жилище Вал. Вал. Значит, мне ночевать в Хороге, а на дашт сходить попрощаться и пообедать. А мне не хочется уезжать! Вот бы мне тут поработать со здешними растениями!

Прощались тепло. Анатолий Валерианович сказал: «А все же жалко, что девочка уезжает», – и поцеловал меня в голову.

Ночь я почти не спала. Боялась, что или картошки там не окажется, или шофер не захочет ждать картошку и уедет. Но все прошло хоть и «на рысях», но организовано и благополучно. Остановились в Сучане где надо: у спуска от колхоза с дашта. Машину разгрузили для перегрузки. За этим следил Вал. Вал. Я «взлетела» в колхоз, нашла раиса, он вызвал бухгалтера и рабочих. Мне дали соломы, чтобы укрыть картошку. Ни

один из моих мешков не утек на сторону, все рабочие оказались честными: все мешки загрузили в машину, и, неожиданно для меня, помогать взялись попутчики, которые сначала не хотели брать меня с грузом.

Ехали мы хорошо. Ночевали недалеко от Ванкалы у дорожного мастера. Он нас отлично накормил. Но скоро стал мучить холод на перевалах, замерзала как цуцик даже в Олеговом меховом одеянии. Еще был неприятный инцидент. Дорога была уже местами обледенелая. Когда мы подымались по серпантину, на повороте машина стала буксовать, мотор заглох и мы начали пятиться прямо к обрыву. Мужчины-попутчики спрыгнули, а я в меховых штанах при всем желании не могла бы спрыгнуть. Вал. Вал. остался как был недвижим. Шофер оказался опытный и повернул руль так, что машина уткнулась задним бортом в вертикальную стенку тракта. Эта была единственная неприятность в пути. 6 ноября вечером мы подъехали к Биостанции. Так кончается дневник этой картофельной эпопеи, одного из самых сильных испытаний во всей моей жизни.

Ноябрь 1942 года

Последние километры пути мы ехали ночью. Я очень волновалась: не пропустить бы поворот с тракта на Биостанцию. Но шофер знал дорогу. Наши фары заметили на Биостанции, и от темных силуэтов домов отделился небольшой огонек. И вот мы у дверей дома в удобном для разгрузки развороте машины. И с фонарем О.В.

Ни барабанной дроби, ни фанфар не было по поводу моего прибытия. Раньше, чем пришли с трудом разбуженные Джумамат и Опсамат, таскать мешки в дом

стали мои попутчики и незнакомый мне крепкого сложения мужчина. Я осталась с Опсаматом собирать рассыпавшиеся в кузове клубни и солому, подстилавшую наш драгоценный груз. Когда я вошла в столовую, освещенную и теплую, и поняла, что я дома, с моих плеч как бы свалился какой-то тяжелый груз, и внезапно захотелось заплакать. Я вошла в комнату О.В., там сидел этот мужчина. Понял, что я «не в форме» и сказал что-то ласковое. Он мне понравился.

За то время что меня не было на Биостанции, многое изменилось. Уехали Ларунчик и Почек, Стеша и Мика. Еще не вернулась Валя, поехавшая навестить своих в Ташкенте. Еще живет этот мужчина. Он – один из кварцевиков, уедет вместе с З.П., ждет, когда оформят какие-то нужные им документы. На некоторое время остался приехавший со мной Вал. Вал. – хочет купить барана для Сада.

Изменился и вид Станции – появились сено и солома на крыше, на складе запас терескена. В летней столовой живут Джумамат и Опсамат, в угловой комнате Карим-акун с семьей. У него есть скот.

Основные заботы всех посвящены зимовке. О.В. много бывает в Мургабе для оформления бумаг о нуждах Биостанции. Когда не уезжает, он вместе с О.Н. ставит туры на границах принадлежащей Биостанции земли, чтобы ее не захватили колхозы. Одновременно пишет отчет о летней работе, который отвезет З.П. в Сталинабад. Я включилась и в то и в другое. У меня кроме того было срочно дело – переставить все в комнате О.В., которую З.П. превратила в уютное гнездышко абсолютно непригодное для намеченной на зиму работы – анализа содержания углеводов у ячменей и аборигенных видов. Это надо сделать до приезда Вали. Но

вместе с тем, меня с первых же дней приезда мучил вопрос – что я могу сделать, чтобы как-то уменьшить бесхозяйственность жизни Биостанции. Она выражалась главным образом в том, что все дефицитное – от привозной воды до всего, что едят рабочие и их скотина, можно воровать. Это воровство достаточно заметно было и летом, но теперь оно просто опасно. И я решила взять шефство над лошадьми, то есть стать старшим конюхом, который дает коням зерно и воду и следит за кормежкой сеном и соломой. Сделала ограду вокруг сена, приукрасила кладки соломы на крыше бывшей столовой. Карим-акуну все это не понравилось. Ездить в Мургаб мне тоже приходилось по делам Биостанции и из-за необходимости лечить зубы. (Я упоминала раньше среди мургабской интеллигенции молодого зубного врача – Курта, который обслуживал мургабцев и ездил по вызовам.)

Ноябрь был явно напряженным. Это отразилось и на старших дамах. З.П. в дежурстве не соблюдала необходимой экономии продуктов, ей всего не хватало и она «цапалась» с О.Н. и Женей. Занятый всякими поездками О.В. перестал превращать в шутку их ссоры, так что «дух» в ноябре был неважный. Его скрашивали гости. По-прежнему приезжали военные и, конечно, Кузнецов.

Еще ноябрь 1942 года у меня в памяти связан с этим понравившемся мне кварцевиком – Акимычем. Естественно, мне захотелось, чтобы и я ему понравилась. В таких случаях у каждой женщины есть свои наследственные или приобретенные приемы и формы кокетства. Меня пример наших дам, главным образом Вали, и общение со многими молодыми мужчинами несколько научил кокетничать. Но моим основным ору-

жием был разговор. Когда я вдохновлялась, то ответы, вопросы и реплики получались и шутливыми, и ядовитыми и/или иносказательными (Чернышев несколько раз отмечал это). В данном случае такой метод оказался эффективным.

В октябре почти половина военных уехала на войну, среди них наши знакомые – Третьяков, Зимин и многие другие. Вместо ушедших на войну опытных воинов поступили в пограничники только что призванные 18-летние шкеты. В наряд их посылали не в паре, а по 4 человека. Мое отношение к ним я уже описывала, здесь упомяну одного, с которым мы все подружились, оценив его находчивость. Приехал вечером один из четверки, пошел искать нас и не постучавшись сразу открыл дверь в столовую, где мы сидели. Увидев нас, он так удивился, что попятился и смущенно пробормотал: «Куда я попал»? Ему ответили: «В Академию наук», – и он нашелся: «Ну, значит, и я тут смогу чему-нибудь научиться». Из штатского начальства к нам приезжал Джульдиев и иногда оставался на 2 – 3 дня. Однажды, встретив меня на пути к лошадям в барчатке и с торбами, он восхитился и сказал, что будь он помещик, взял бы меня в управляющие.

Событием был приезд Вали. Она привезла письма, посылки, мне – теплые домашние вещи, рассказывала про жизнь в Ташкенте.

Время шло быстро. Но мне было трудно представить себе, что скоро все кроме зимовщиков уедут. Тем не менее, вот и 7 декабря и мы стоим у кузова машины и прощаемся, а потом долго машем руками и молча возвращаемся в дом.

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПАМИРСКАЯ ЗИМОВКА

Декабрь 1942 года

Чем заниматься в зимние месяцы, у нас было заранее расписано для каждого. Главное – это работа. Для меня – проведение анализа содержания сахаров в пробах листьев, собранных в разное время у ячменей и нескольких аборигенных видов растений. Слово «работа» включает еще и занятия по специальности – чтение и доклад усвоенного. Для меня это широкий набор журналов и монографии по физиологии растений, но главное – это ферменты. Кроме того, я должна была вести метеорологические наблюдения, а еще – занятия английским языком, здесь я – ведущий. Также в планы включен семинар по политике. Это мы понимали как разные периоды истории нашей страны. В выходной день – ухаживать за собой: мытье, стирка, ремонт одежды и т.д. Фактически мы именно так и жили.

Для замкнутого круга людей ход времени особенно важен. Поэтому свои воспоминания я буду описывать, разделив зиму на части по месяцам. Первое – это

декабрь до Нового года. Что я успела за этот отрезок времени? Подобрала все необходимое для анализов, которые включают процессы гидролиза при определенной температуре, осаждение, фильтрацию и титрование. Реактивы для этого были привезены Олегом Вячеславовичем, недостающие я выклянчила в аптеке и в больнице в Мургабе. Нужна была дистиллированная вода и, конечно, химическая посуда. Собрав необходимое, начала работать. Очевидно, что выдерживать определенные условия каждого этапа анализа – главным образом, температуру, имея только печку, топящуюся терескеном, нелегко. Да и опыта, кроме практикума в университете, у меня не было. И весь этот месяц опыты у меня не получались. Я расстраивалась, злилась и думала – почему не получается. Помочь, кроме книжки Кизеля, никто не мог. Читать и учиться я всегда любила, но времени на это в январе было мало. И все же доклад по ферментам старалась готовить. Кроме работы – дежурства и взятые на себя хозяйственные дела, главным образом – лошади.

Как уже упоминала, их было две – Нагат и Серый, Нагат – поспокойнее, а Серый – с характером. Поэтому, принося им ячмень, я надевала торбу сначала Серому, а Нагат, пока я с этим возилась, тыкал меня носом в плечо и шею и тянул за воротник барчатки. Потом я вела их к роднику, который был несколько выше по пологому подъему с обрывом с одной стороны. В одну из таких поездок на дороге домой мои кони вдруг забеспокоились, придержав их, я оглянулась и увидела стайку серо-желтоватых среднего роста, как мне показалось, собак. Погнав лошадей рысью, отправились домой. Там мне объяснили, что это были памирские волки. В другой раз я ездила поить коней с приехавшим

к нам Володей. Опять же на обратном пути мой Серый задурил, я отвлеклась, как-то неудачно его одернула, он поскользнулся на краю обрыва и мы с ним съехали вниз. Володя соскочил с Нагата и бросился выручать нас. К счастью ни я, ни Володя, ни Серый не пострадали. Прекратить эти утренние поездки мне пришлось по другой причине: кони начали кашлять, ветеринар объяснил мне, что вода из родника слишком холодная, коней надо поить водой, температура которой выше, чем в конюшне. После этого мы с конями встали в долю привозной воды, а если воды не хватало, я топила снег на своей печке (я жила у Жени с Иррой).

О. А. Семихатова и Нагат. Памирская зимовка, 1942 год

В эти же декабрьские дни мне пришлось быть нянькой Ирки. Женя очень сильно простудилась и так как она была беременной, Валя и Ольга Николаев-

на постановили отвезти ее в больницу в Мургаб, что и было сделано с ближайшей машиной. Ирка была послушным и тихим ребенком, приученным занимать себя сама, а ее глупость меня возмущала, может быть потому, что из маленьких детей я хорошо знала только одного (брата Мишу).

Итак, как и все мы, я была сильно занята. Вечером мы иногда играли в карты или в домино, причем, конечно, жулили, шутили и смеялись. Но не очень. Валя была не такая веселая, как летом, а Ольга Николаевна скорее отличалась скрытностью, чем юмором. Получая почту, мы огорчались известиями с фронтов и описаниями жизни внизу. У меня болела мама, Коля заканчивал подготовку артиллериста и вот-вот должен был оказаться на фронте. Нас развлекали гости. Приезжал Кузнецов, как-то привозил своих дочек. Появлялся Володя и знакомые бойцы. Среди новых командиров, появившихся на смену ушедшим на фронт, тоже завязались дружеские отношения. Военные делали серьезные попытки организовать нам радио. Даже Кузнецов привозил нам питание для него. Занимался этим радист комендатуры Зерниченко. Подчеркнуто сдержанный и любезный, он был интересным человеком с необычной внешностью – с глазами разного цвета (как у моей Таточки). Однажды ему удалось извлечь из путаницы проводов какой-то хрип, и вдруг послышался голос Левитана: «Говорит Москва». От этих слов у нас выступили слезы, но потом опять все зашипело и лопнуло.

Нашу жизнь в этом месяце характеризует и одна предновогодняя поездка в Мургаб. О.В. нужно было туда по делам, а у меня разболелся зуб, надулся флюс, и я решила ехать к Курту. Машин на трассе в это время было мало, нужно было ехать верхом. Это трудно:

во-первых, холодно, во-вторых, сидеть на коне неудобно, так как каждый навьючен тюками с сеном, чтобы кормить наших коней пока мы там. На полдороге нужно было поправить эти тюки, а пока мы возились с Серым, Нагат пошел домой. Виновата в этом была я, и О.В. обозвал меня тютей. Пришлось коня догонять. К счастью, мне удалось это довольно быстро, и О.В. не совсем замерз, ожидая меня. В Мургабе Курт вырвал мне зуб, который болел, а он оказался целым. В этот приезд по какой-то причине ночевать у Чернышевых было нельзя, и нам пришлось попроситься к знакомой продавщице магазина. Комнатка у нее была маленькая, и она постелила нам на полу, так что я наполовину спала у нее под кроватью, но было тепло, а это главное. Утром шла машина в Хорог, и О.В. согласился отпустить меня, т.е. взял на себя и мою лошадь – он еще не мог уехать.

Но вот наступает новый 1943 год. Весь день мы – Валя, я и О.Н. готовили к нему всякие вкусности. Из больницы вернулась Женя. О.В. с двумя конями приехал поздно вечером 30-го. Сделали красивый стол, было вкусное специально привезенное Валею вино. Наши часы были сверены в Мургабе по радио – мы поцеловались и выпили первую рюмку за Новый год ровно в 12 часов ночи московского времени. А под конец нашего застолья было самое эффектное: Валя и О.Н. надели на всех сделанные ими маски – О.В. был принцем в шляпе с пером, Валя – что-то роковое, вроде Кармен, Женя – русская боярыня, О.Н. – великосветская пожилая дама – в своем нарядном черном платье она и без маски была настоящей дамой; меня превратили в бэби. Хохоту было много, а когда отсмеялись, устроились по теплее (после мороженого) и поуютнее на кровати О.В., он нам читал стихи. Разошлись спать в 6 утра.

Январь 1943 года

Первые дни нового года было еще праздничное настроение. Утром мы угощали наших рабочих-киргизов, в обед доедали всякие вкусности. Вечером гадали – вертели блюдечко и смеялись. Потом погрузились в работу, и вскоре меня начала серьезно грызть тревога, что ничего из планируемого не успею за зиму – опыты не получались. Только к середине месяца я разобралась, что и почему приводило к нелепым результатам, и все стало получаться, параллельные сходятся. Тогда я взялась за следующую задачу: как увеличить производительность, то есть число проб в опыте, и ускорить работу, чтобы вечером все же успевать заниматься. Кое-что удалось. В конце месяца в дневнике запись: «Кажется, я никогда так интенсивно не работала, как сейчас».

А еще было два семинара. Один, как указано в плане зимовки, поданном в ТФАН, посвященный марксизму-ленинизму, второй – по ботанике, о высотной границе растительности на Восточном Памире. Оба семинара вел О.В., на первом что-то просто читал нам.

В середине месяца Женя уехала в Мургаб, так как был близок срок рождения ее дитя. Ирка поступила на мое попечение – и на общее, когда я не могла оторваться от работы.

Приезжали гости, среди «новых» интересной была одна пара: он – пожилой медфельдшер, она – ветеринар, они рассказывали разные случаи из жизни и практики. Конечно, были Кузнецов с Измаилом. Они приезжали к вечеру и, бывало, задерживались после ужина, рассказывали анекдоты. После очередного анекдота, который я не поняла, Кузнецов отдал команду: «Ольга и Измаил – пошли спать». Это значит, что его анекдоты

будут не для наших ушей. Ольга Николаевна в таких случаях очень веселила рассказчиков, хорошо изображая полное непонимание, о чем идет речь. Утром за завтраком они вспоминали какой-нибудь анекдот по нескольким словам и с подозрением смотрели на нас с Измаилом, который всегда краснел от всякого пристального внимания к нему. Краснел он и тут, а они нас дразнили, что мы якобы подслушивали за дверью. Тут уж и я краснела, а они хохотали. Такие «смехунчики», наверное, были полезны нашей жизни, и Кузнецов это понимал. Действительно, погода была жесткая и хмурая, быт, конечно, однообразен и труден.

Тепло нам приносили приезды Володи Иванова – немного грустного, но с приятной улыбкой, чинившего все, что сломалось – и мне, и другим, даже всем надоевшей Ирке. Я вязала ему варежки, а он как новогодний подарок привез мне красивого ситчика на платье.

Как и О.В. с Вале́й, я ездила в Мургаб, как правило, на бричке. При интенсивной работе быстро исчерпывались нужные нам реактивы. Я выпрашивала их везде – у Курта, в аптеке и больнице, в комендатуре. Во всех этих местах командуют обычно молодые парни, и если у них что-то просишь, надо, как говорил О.В., «делать персидский глаз». Но это утомительно, если объект не симпатичен. Отдохнула я у Алексеенко, где его милая жена накормила меня пельменями. Обратном мы с Опсоматом доехали относительно быстро: домой кони бежали сами и мы не очень замерзли.

Итак, январь отразился в моей памяти как время напряженной работы и хмурой облачной погоды с большим холодом.

Февраль 1943 года

В феврале не было особых событий. Главное – приехала Женья с младенцем. Ей все были рады, особенно я: ее приезд значил, что немного реже будем дежурить, и Ирка будет с матерью. Мне уже здорово надоело быть нянькой, ее кормить, купать, одевать. Я переселилась жить в комнате с Ольгой Николаевной, где вписалась очень уютно, недалеко от печки. И Ольга Николаевна меня приняла. Нас с ней сблизила и любовь к собакам. Наша Репка родила четырех щенят. Одного мы пристроили к киргизам, одного решили оставить себе, и в честь приездов Кузнецова и Измаила назвали «Пикап». А двух надо было усыпить, так как трех щенят на Памире собаке не выкормить. Мы отравили их хлороформом и похоронили, как могли, а Репке с сыном в коридоре нашего дома отгородили угол.

Февраль 1943 года на Биостанции

Общая жизнь шла, как и раньше. Я продолжала гнать анализы на углеводы, они уже мне несколько надоели. Хотелось чего-нибудь нового, и больше читать,

учиться, глубже понять все о ферментах. По составленному О.В. плану мне надо было сделать еще много по углеводам. Конечно, сделаю, но в последнее время настроение у меня стало какое-то неровное, иногда злюсь. Однажды я испортила анализ двух проб сразу и так разозлилась, что даже захотелось покинуть нашу тихую горную обитель и поехать в центр событий – на фронт. Такое настроение длилось несколько дней, и я даже перестала подробно писать дневник, и в нем чаще стало появляться слово «устала». Было еще два периода хмурого настроения. В одном была виновата Валя. Она (еще до приезда Жени) распорядилась, что приехавший на несколько дней какой-то банковский чин будет жить у нас с Ирккой. Она мотивировала это тем, что в январе у нас с Ирккой жил Володя. Но о таком тактичном и тихом постояльце можно только мечтать, не то, что этот сапог из банка.

Я понимала, что злиться нельзя, но не всегда справлялась с собой. Как-то разозлилась даже на О.В., хотя обычно все было наоборот: если он замечал, что я не в духе, то начинал говорить со мной о науке и что у нас тоже уже есть интересные данные. Если присутствовали «слушатели», начинал меня дразнить, шутить. Его темой было обсуждение, за кого из их знакомых выдать меня замуж или, лучше, что летом я смогу поехать в Хорог или даже в Сталинабад за новым оборудованием. И мое плохое настроение проходило. А рассердилась я на то, что О.В. дал мне считать этот чертов водный дефицит, который мне ни к селу, ни к городу, а у меня своих расчетов по углеводам хватает. Я считала, когда у меня из-за чего-нибудь был перерыв в анализах, например, нет дистиллированной воды – тогда получи сначала достаточное количество воды из снега, а потом

топи дистилляционный бак. Эти процедуры могут делать и рабочие, но их надо наладить и потом за ними следить. Правда, это можно было делать во время дежурства. А в плюс к этому у меня еще и кони.

Среди хозяйственных дел было еще одно – короткое, но неприятное – получение очередной порции терескена, заказанного для зимовки заранее. Его привозили в плотно связанных больших пачках, навьюченных на верблюдов: обычно рано утром или поздно вечером, почти ночью, стук в окно, лай наших собак – и иди принимай очередную партию, в темноту, в холод с фонарем. Надо показать, где сложить вьюки, сосчитать их, при этом не приближаться к злющим верблюдам, которые могли укусить или оплевать. Стучали киргизы обычно в наше с О.Н. окно, так что часто к ним шла я.

А я любила заниматься, узнавать новое. В дневнике написано: «Хорошо, когда я так занимаюсь, «по уши» уходя в предмет, и теряю способность думать о чем-то другом и воспринимать окружающее».

Следует отметить, что плохое настроение случилось не только у меня. Валя пухла над расчетами результатов своей летней работы и бывала очень хорошенькой фурией. А О.Н. с Женей часто цапались.

У всех настроение налаживалось, когда наше радио работало, и мы получали хорошие сведения с фронтов – что мы наступаем, и в письмах от родных и знакомых говорилось, что у них все благополучно. Я думаю, мои родители для меня свою жизнь несколько приукрашивали, но однажды папа «оговорился» и написал, что ему иногда хочется наестся досыта.

Конечно, нас всех развлекал приезд гостей. Приезжал Кузнецов, подчас задерживался у нас довольно долго. Даже его дочери навестили нас зимой. Приезжали

почтари и бойцы, возвращаясь с наряда или по «спецнаряду» к нам. «На минутку» появлялись знакомые офицеры, когда их путь по делам лежал по Ак-Байталу. Из штатских у нас гостил новый секретарь парткома, скромный и приятный узбек. С ним я стала немного кокетничать, чтобы сгладить неприятное происшествие: когда он ходил в «Африканские страны», его облаял и укусил наш пес Жулик. Удивительно, как собаки различают нации: русских «чужих» не трогают. В свою очередь я, чаще всего с Вале́й, ездила в Мургаб за продуктами. Деловая часть поездки это сплошная беготня – как по самому Мургабу, так и в гору к комендатуре. Чтобы получить продукты в магазине или на складе, надо сначала идти к начальству за распоряжением – что, сколько и какого качества нам положено в этот срок. Бывала такая бюрократическая волынка, что нам приходилось ночевать в Мургабе. Значит, нужно зайти к тем, у кого мы обычно ночевали. Дополнительные хлопоты – если мы привезли что-то починить или забрать починенное, например патефон, то шли к Зерниченко. А еще мы заходили в библиотеку, где нам разрешали увозить книги на Биостанцию. Так мы встречались со своим знакомыми, навещали их дома, приобретали новых. Дорога обратно была быстрее, чем в Мургаб, если мы находили попутную машину и особенно если уговаривали водителя довезти нас до Станции, а не ссаживать на трассе.

Март 1943 года

Март номинально первый месяц весны, а у нас он продолжение зимы. Все заняты работой. В колхозе открыты сельскохозяйственные курсы, и все наши, кроме

меня, на них заняты. Я продолжаю анализы на углеводы, мои объекты теперь – листья древесных растений. Они потребовали некоторого изменения методики подготовки проб. Дел много. Бывает так: просыпаешься в ярко освещенной комнате, и сразу находит весеннее настроение – кажется, что уже весна, чего-то хочется, куда-то тянет, и ужасно надоели эти тяжелые облака, снег, падающий и исчезающий, не достигая земли, или делающий все кругом белым.

Это «надоело» по-видимому, действует на всех. Даже О.В. и О.Н. часто ссорятся из-за расписания на курсах и других мелочей. О.В. перестал сводить к шутке дамские стычки и сам, будучи неправ, ярится и прибегает к начальственному тону. Однажды он применил его по отношению ко мне. Я ответила резко, но прилично, и решила с ним объяснить. Выбрала время, когда он собрался в колхоз, и пошла его проводить. Он меня как бы тоже пригласил. Я задала вопрос, является ли такой тон разговора, не совместимый с моим к нему хорошим отношением, просто случайностью из-за плохого самочувствия и настроения, или он решил теперь всегда говорить так. В ответ О.В. сказал, как беспокоит его положение на Биостанции. Скоро весна и посев, а навоз не везут, хотя договорено, что это сделают военные машины. На вопрос о машинах Кузнецов сообщил, что по дороге на Ош произошел 18-метровый обвал на спуске с Талдыка, а в Маргансу снегом завалило шедшую из Мургаба военную колонну, есть обмороженные. На помощь вышел трактор с рабочими, но быстро им не управиться. А время идет. Но главное другое: иссякают продукты. Кончились запасы сала и масла, совсем мало осталось картошки и овощей.

Действительно, в одно из дежурств я соорудила борщ из остатков капусты. Валя была в тревоге, а я отнеслась легкомысленно. Как ни странно, наши сильно участвовавшие походы на ферму и к знакомым соседям-киргизам в надежде купить каймак и побольше других, хотя бы молочных продуктов, приносили мало пользы. С нас спрашивали не столько денег (и их тоже), сколько всякой нужной им всячины – мыло, посуду и т.д.

Мне кажется, что О.В. стало легче, когда он высказался и поделился своими тревогами. Мы разговаривали всю дорогу до колхоза и, конечно, полностью помирились. На следующий день за обедом О.В. серьезно поднял вопрос о том, как мы можем лучше наесться тем, что у нас есть. Вывод был – конечно, хлебом. Если не было хлеба, давали муку. Все эти неприятности сильно влияли на наше настроение, но в целом не определяли его. Мы продолжали заниматься английским, что всегда шло со смехом. Был семинар, на котором я делала доклад о классификации ферментов, и, кажется, он вышел удачным. Мы все занимались своей работой.

Чтобы в описании зимних месяцев было больше хорошего настроения, постарался, как ни странно, наш щен. Когда пекутся лепешки, большой казан нагревают на печи и на его внутренние стенки лепят тесто. После службы остывший казан ставят в углу на кухне. И вот наш щен добрался до него: залез внутрь и попытался обгрызть остатки теста. Потом он улегся в казане спать. Картина получилась умилительная и смешная.

А вот еще связанные с животными эмоции, только совсем другой тональности. В мою поездку в Мургаб неожиданно удалось очень быстро получить все довольствие, полагающееся согласно нашим карточкам.

Выезжать из Мургаба после обеда не рекомендуется. Но я решила пренебречь этим правилом, и мы с Опсоматом пустились в путь около двух часов дня. Все было хорошо до крутого поворота на Ак-Байтал. Здесь жуткий ветер и настоящая пурга. Двигаться стали медленнее, почти стемнело, и я свернула с тракта раньше, не доходя дороги к Чечектам, так что пришлось пробираться по целине – ухабам и навалам камней. Опсомат посоветовал уложить коня и лечь рядом с ним, пока земля не в снегу, Серый был того же мнения. Мне пришлось вести его за уздечку или даже под уздцы. Было страшно: вдруг мы не выедем к Биостанции. Я не рассмотрела, куда ступаю, и споткнулась, как мне показалось, о присыпанный снегом камень. Этот «камень» приподнялся на высоту моих колен, оказался с рогами и хрюкнул. Это был кутас, залегший, чтобы укрыться своей длинной шерстью. Хорошо, что от испуга я не упала и не закричала, а только резко дернулась в сторону, а то было бы намного хуже. Но все кончилось благополучно. С трудом продолжая двигаться вперед, мы услышали лай собак «в терцию». Это были Жулик и Репка. Тут и Серый ожил, сам пошел на лай, и скоро собаки прибежали к нам, а на Станции засветилось окно. Больше я не нарушала правил выезда из Мургаба.

Поездка за известкой

Несмотря на ряд серьезных проблем, возникших в марте, воспоминания о двух мартовских днях – самые яркие. Они связаны с поездкой за известкой. Эти два дня прошли в тесном контакте с природой – среди потрясающей красоты гор и максимально сильных проявлений ее трудных черт – холода и ветра. Поэтому стоит

описать это подробнее. 20 марта мы с Опсоматом поехали за известкой. Наша поездка началась из Мургаба, когда было еще темно, часов в 6 утра. Проезжая мимо последних киргизских кибиток Мургаба, мы услышали «молитвы» их священника. Это потом Опсомат мне объяснил, что священник говорил: пора вставать. А я сама даже несколько испугалась темной кланяющейся фигуры, издающей какое-то стонущее бормотание.

Мургабский тракт

Заметно светать стало, когда мы свернули с Памирского тракта на дорогу в Кизил-Арабат. Собравшиеся над Мустаг-Ата темные тучи меняли свои очертания, как бы прячась от солнца, но уступая его натиску. По мере нашего удаления от долины Ак-Байтал все грандиознее поднимались хребты гор. На половине вы-

соты гор лежало длинное нежное облако, а над ним – покрытая сверкающим снегом цепь хребтов. По мере поворота нашей дороги, следующей вдоль реки Мургаб, менялся и вид гор – прямо перед нами выросла какая-то огромная горища.

Когда кони стали заметно уставать, мы сделали остановку недалеко от одинокой юрты. Здесь уже не наша мертвая пустошь, долину оживляют пасущиеся кутасы и желтоватые пучки растений. Здесь пасутся овцы и кутасы совхоза имени Молотова. По приглашению хозяина мы вошли в юрту. Половина ее была занята новорожденными барашками. Тут же стоял на откорме черный баран с огромным курдюком. Четверо ребятенков очень оценили хлеб, которым я их угостила, а хозяйка напоила нас только что вскипяченным кутасьим молоком.

Когда мы ехали дальше, можно сказать, прямо из-под ног лошадей выскакивали зайцы. Причудливо выветренные горы были частично покрыты снегом, что делало их еще фантастичнее – того и гляди выскочит волк или рысь. Еще поворот, и поднялся дикий ветер. Против него стало трудно идти. Я с трудом тащилась в барчатке и валенках. Осталось так ползти около километра, как вдруг Опсомат остановился и указал на что-то впереди. Да, между камнями лежал человек, и рядом – что-то вроде винтовки. Невольно вспомнилось, что недавно в Алайской долине и на одной из застав были очень неприятные пограничные инциденты, с жертвами. К счастью, раньше, чем я придумала, как нам быть, показалась идущая навстречу военная машина. Человек встал и пошел к ней, оказавшись пограничником, а к нам направился вышедший из машины офицер, оказавшийся даже знакомым. Он предложил мне ехать с ними в Мургаб, но я отказалась. Они уеха-

ли, а мы, наконец, добрались до цели, ослабили упряжь у лошадей и, дав им сена, сварили себе манную кашу на собранном терескене, а в золе испекли несколько взятых с собой картофелин.

После короткого отдыха принялись за работу. Опсомат вытаскивал из печки известку и грузил ведра. Это было не так-то просто: известь перемешана с камнями. Я носила ведра и сыпала известку в бричку. Ветер нес известковую пыль, и пришлось завязать лицо шарфом.

Мы работали с короткими перерывами 4 часа, насыпали $\frac{3}{4}$ объема брички – 45 ведер. И обрадовавшись, что эта каторга кончилась, тронулись в путь домой на отдохнувших лошадях. Сначала все шло хорошо, постепенно стемнело, взошла луна. Но это было недолго. Мы выехали на плохую дорогу, луна скрылась и, главное, усилился ветер. Лошади приустили, начали нервничать, чего-то бояться. Наконец мы дотащились до темной юрты на берегу. Кругом нее – кутасы. Я решила, что здесь можно отдохнуть. Задав еды лошадям, я залезла в бричку, закуталась спальным мешком с головой и немного вздремнула. Опсомат тоже залез ко мне. Лошади съели все, что мы дали, и стали тянуть сено из-под нас. Это было очень чудно – чувствовать так близко лошадиную морду, слабый толчок ее носа куда-нибудь в бок или шею, и что из-под тебя тянут сено. Мы так подремали немного, но ветер усиливался и холодало. Я боялась простудить лошадей, и мы тронулись в путь. Кажется, я опять задремала в бричке, но вскоре мы остановились – завязли в песке. Ни окрики, ни уговоры, даже побои не могли заставить лошадей напрячься. Нагат рыл песок и брыкался, считая бесполезным и пробовать вытащить бричку, а Серый просто стоял неподвижно. Пришлось искать обход, и мы сильно отошли от дороги. Еще один подъем. Против ве-

тра трудно дышать. Дали лошадям отдохнуть, скормили им остатки ячменя и сена. С криками преодолели и его и, наконец, выбрались на твердую и правильную дорогу. На востоке явно посветлело – близился рассвет. Еще немного и мы увидели знакомые нам юрты колхоза. Здесь мы получим корм коням и отдохнем! Отвезли бричку в сторону и верхами поехали к юрте нам знакомого киргиза Юлдаша. Тут нас приняли очень хорошо. Меня обогрели, напоили ширчаем и уложили спать. Я мгновенно заснула – и никаких мыслей о том, что с головой забралась под их одеяло. Меня разбудили часа через два, и мы поехали. Я правила, Опсомат дремал, не досыта наевшиеся лошади тянули слабо. Добравшись до Ак-Байтала, сделали привал, сварили манной каши и чаю. У Опсомата разболелась голова, а до Мургаба еще далеко – и подъемы и спуски, на которых того и гляди лошади нас разнесут: Серый кусает Нагата и мчит как дикий. Ветер не слабеет, холодный серый день. Увидев Мургаб, мы оставили бричку и поехали верхами. Когда наконец мы оказались в Мургабе, Няся и Дуся были ко мне так внимательны и ласковы, что я ожила.

Апрель 1943 года

Апрель. Надоел холод и ветер. В длинной барчатке трудно передвигаться против ветра. Спустившиеся облака плохо действуют на настроение. Оно какое-то мутное. Боюсь будущего: оно мне кажется плохим и на фронте, и у Коли, в Москве, Ташкенте и Чечектах. Несколько спасает работа. Делаю анализы углеводов картофеля для Рахиль Львовны.

О.В. велел мне написать план работы на лето. А я не хочу этого лета со Стешей, Аллой, Райковой и Поче-

ком. Весну, которой еще нету, почуял только мой Серый. Он вспомнил, что жеребец, и стал брыкаться, не пуская в конюшню коней приехавших с наряда молодых бойцов. Они растерялись и даже не пытались увернуться от копыт Серого. Хорошо, что я это заметила – пришла и пролезла в конюшню под животом Нагата, чтобы избежать копыт Серого, и, поймав его за уздечку, увела от входа и привязала.

О.В. на несколько дней уехал в Мургаб – договариваться о рабочих для ремонта комнат и, главное, подготовки участков для сева. Я тоже ездила в Мургаб за продуктами, в банк и на почту, а также отвозила дистиллят в аптеку и Чернышеву.

Только 8-го вдруг с утра солнце! Небо ясное, ветра нет, все блестит и сияет. И такое великолепие продержалось еще три дня – и пришла вода. Мы все пошли ее встречать на зов О.Н. с участка. Пустили воду на дальние участки, а потом, когда снова было ясно, вода пришла в наш арык – к станции.

Как-то раз, окончив анализы, я пошла гулять. Поднявшись без дороги вверх, я увидела пять юрт, расположившихся у подножия крутой горы, что за дальним полем, и меня поразило, сколько красоты и поэзии в этих примитивных кочевых жилищах среди гор и долин – полная гармония с природой. И опять захотелось, как в гостях у Уразали, когда, наевшись каймака и мяса молодого барашка, мы сидели вечером при свете кучки красных углей в теплой юрте и смотрели на пробивающиеся сквозь легкие облачка яркие звезды, пожить такой дикой, сытой жизнью месяц-другой, кочуя по разным долинам Памира. Когда спустилась с гор, настроение опять «прокисло».

В двадцатых числах апреля меня начали отзывать на помощь О.Н. в подготовке участков к посеву. У нее не ладилось; борозды, сделанные культиватором, не годились для ячменной коллекции. Пошли разногласия, как быть, и «ругачка» с О.В. Он требовал, чтобы я помогла ей, но загрузить меня работой и на поле О.Н. не сумела. И я стала за нее дежурить: следить за киргизкой, пекущей лепешки, и пытаться соорудить суп. Длинный спор О.Н. и О.В., где и что сеять, кончился тем, что О.В. перешел на «я приказываю» и на следующий день сам стал управляться с окучником. Начался посев.

До 25-го и я работала с О.Н., а потом пришла очередь белить комнату с лабораторией, и я занялась консервацией своего химического хозяйства. При таком режиме работы не до настроения. Но по вечерам на меня наваливались грусть и воспоминания хороших довоенных дней. Это, конечно, означало недостаток тепла, человеческого участия. Выросшая в дружной семье и окруженная вниманием и лаской, я сильно чувствовала этот недостаток человеческого тепла. Раньше, в прошлые месяцы, мы все были ближе друг к другу, было больше взаимного интереса и внимания, был общий дух. Хорошее настроение поддерживал своими шутками и поддразниванием О.В. Но потом многое из этого было потеряло. Источник тепла человеческого как-то иссяк. Раньше, когда я кисла, именно О.В. вмешивался. Конечно, тогда еще были приезды Лукашевича, трогали внимание и забота Володи. В этот месяц и он не приезжал. Интересные беседы с О.Н. бывало, отвлекали от грустных мыслей, но ей стало не до рассказов. Нет научной работы, нечего обдумывать, голова пустая. Физическая работа утомляет, побаливает сердце, не до умных мыслей – скорей бы лечь. Большая доля дней это-

го месяца окрашена всем этим. Некоторое оживление и изменение каждодневности вызвала необходимость помочь севу в Мадьянах. Поскольку было очевидно, что О.Н. ехать туда верхом не может (машины не ходили), поехала я с Джумаматом и провела там три дня.

Колхоз дал мне в помощь двух киргизов, мужа и жену, которые работали очень хорошо. Нашлись даже добровольцы из молодежи. Ночевала я у своих рабочих. Мы провели посев и даже справились с отсутствием этикеток – нам их нарезал кузнец из терескена. Сделали и план посева. Удалось добиться и двух коней из колхоза, на которых мы и поехали домой на Биостанцию.

В Мургабе я задержалась: надо было получить продукты, взять у Зерниченко починенный патефон. Но трудно было накормить моего коня, нигде не было сена. Помог хороший знакомый, а не те, кто должен был помогать нам. Моя лошадь встретила меня с мешком сена серебристым ржанием. Переночевав у Чернышева, сама с трудом навьючив коня, я рано утром выехала и к обеду была дома.

Май 1943 года

Месяц май мало повлиял на нашу жизнь. Конечно, стало теплее, и чаще были солнечные дни. Но дождь хуже снега – мокрые ноги учащают простуды.

Пока комната лаборатории подсыхала после побелки, я подвела итог анализов картошки, отослала с письмом результаты Рахили Львовне. О.В. прочел, что я написала по каталазе, и посоветовал изменить изложение. Но у меня пропало обычное желание работать. Вместо занятий на полях я ездила в Мургаб за продуктами и прочими необходимостями и привез-

ла телеграмму из Сталинабада в ответ на вопрос О.В. об отсутствии денежных переводов. Оказалось, что из-за неполучения посланного О.В. авансового отчета Биостанции закрыли кредит. Еще зимой О.В. говорил мне, что весной я поеду в Ташкент за оборудованием и реактивами. Отсутствие денег снимало эту возможность, хотя я не очень-то в нее и верила. Но настроение это, конечно, не улучшило.

Уборка и мытье лаборатории после ремонта заняли несколько дней. Потом мы с Джумаматом начали расставлять там мебель, вешать полки. Хотелось, чтобы было удобно и уютно. Но О.В. сказал, что все слишком высоко и криво. Это не прибавило мне радости. Дежурства и трапезы тоже не улучшали настроения, в дневнике о дежурном дне написано: «Накормить людей из фиги не так-то просто».

Не слишком приятным, но незабвенным, было одно приключение – наше с Джумаматом возвращение из моей второй поездки в Мургаб. Мы попали в страшную вьюгу. Конь наш не шел – он быстро устал, и нам пришлось слезть с брочки уже после первых километров. Снег и ветер забивали глаза и мы, ясно, сбились с дороги. Приехали совершенно мокрые, и я, конечно, простудилась.

Действительно яркими в этом месяце были дни, связанные с Кузнецовым. Однажды он ехал на охоту с каким-то своим гостем и пригласил и меня. Мы приехали в какую-то долину, одну сторону которой ограничивал хребет высоких гор с очень крутыми склонами. Приготовили ружья и начали ждать появления козлов. Через некоторое время открылась удивительной красоты картина: по самой кромке горного хребта шел козел с большими рогами, а за ним гуськом три самочки. Не

успела я ахнуть от восторга, как Кузнецов выстрелил, и одна из самочек покатила вниз. Кувыркаясь и сшибая камни, ее тело катилось по обрыву и зацепилось за выступ уже близко к нам. Когда его спустили и положили на землю, это был ужас, и мне захотелось поколотить охотников.

Второе – это когда Кузнецов приехал, забрал О.В. и меня и отвез в небольшую долину, скрытую горами от холодных северных ветров и потому с более теплым климатом. Наш прогрессивный комендант решил устроить там подсобное хозяйство – вырастить овощи и ячмень. Построили довольно большую кибитку с печью и конюшню, собрали команду бойцов (выделенных по одному из каждого подразделения), привезли сельхозорудия и великолепного коня-тяжеловоза, необычайно симпатичного и мирного. Мы должны были показать бойцам, как вспахать участок и подготовить для посева. Обласканные и накормленные, мы занимались этим два дня, ночевали в кибитке на деревянном полу, мое место – недалеко от печки, не у стены. Кузнецов и Олег уехали, оставив меня командовать «пахарями», еще был повар и охрана днем и ночью. Запрягать коня в плуг мы обучили двух из десяти ребят, остальные 8 достались на учебу мне. Они были молодые рядовые бойцы, на мои команды отвечали «есть», но все – горожане и страшные матерщинники, и поэтому в моем присутствии не могли ни разговаривать, ни шутить. Я договорилась с ними, что они не будут дергать коня Бориса за узду, давать ему ячменя столько, сколько я отмеряю, а сена – досыта, и не материться, если я к ним ближе, чем на 10 шагов. Конечно, с каждой «парой» мне приходилось первые шаги пахоты вести коня самой. Но к счастью Борис оказался умнее ребят и очень скоро

понял, что ему надо идти в борозду и ровным шагом. Мы отдыхали после сытного обеда, а вечерами ребята ужасно галдели, наперебой рассказывая друг другу свои истории и, заикаясь, проглатывали мат.

Ходить гулять за пределы видимости караульных мне было запрещено Кузнецовым: горы незнакомые, я – в армии. Связь с комендатурой осуществляла смена постов. Даже ночью, если мне надо было отлучиться, постовой провожал меня и ждал стоя в пределах видимости. Все инструкции выполнялись очень точно. Эти шесть дней, эти ребята и конь оставили у меня очень яркое и теплое воспоминание. Когда за мной приехал Измаил и отвез в Чечекты, там все и вся было в ожидании приездов «летних» чечектинцев и гостей.

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ

ВТОРОЕ ЛЕТО В ЧЕЧЕКТАХ

Июнь 1943 года

Июнь был месяцем приездов. В первых числах приехала Стеша, затем Илария Алексеевна с Аллой. В 10-х числах приехала группа геологов, а в конце месяца – зоологов. Для нас, конечно, новые люди, ученые разного возраста, их рассказы – это событие. Быстро выясняется кто кому ближе и кроме общих, заводятся и личные знакомства. Мне среди геологов очень понравилась молодая женщина по имени Мума. Мы подружились с ней и потом много лет поддерживали связь. Из чего-то смешного, связанного с геологами, я помню, что как-то с одним из них заключила пари и выиграла, за что получила горячую мясную котлету, что, конечно, вызвало смех. Но то, что я помню эту котлету, свидетельствует о том, что и в июне мы питались плохо. Правда молоко и даже каймак стало легче купить у киргизов, но основным нашим «харчем» оставались манка и вермишель.

Мы с О.В. подготавливались к определениям фотосинтеза. Но оказалось, что респираторы прохудились, и их отправили в Мургаб в УПД, чтобы их запаляли. Но дело там не двигалось, надо было ехать самой. Поехала и застряла на три дня – пришлось самой бегать по Мургабу, выпрашивать паяльник и олово. А потом сначала паять вместе с мастером, а когда освоилась, вместо него – ему принесли срочную работу.

Поездка в Мургаб – это всегда встреча со знакомыми, разговоры. Из тех, о ком писала раньше, встретила «Стешинного блондина», Зерниченко и Измаила. Он со своим пикапом был внизу и подвез меня, когда увидел, что я иду в гору, в комендатуру. Ночевала я у Чернышевых, вечером туда пришел навестить меня Сергеев. Он болел и сильно изменился. Я узнала его, когда он вошел в полутемную комнату, где мы разговаривали с Чернышевым, только по его голосу: «Вашу ручку» и особому поклону, чтобы ее поцеловать.

Уехала я рано утром на попутной машине, так что тащить респираторы и заодно полученные продукты от тракта до Биостанции мне пришлось самой и я ругалась, что не догадались выслать рабочего. Мы с О.В. подготовили все к работе, поговорили о плане, и он уехал в Сталинабад утрясать вопрос с деньгами и сдать отчет о зимовке. Наше женское общество без него и с приездом Аллы существенно изменилось. Я сблизилась с Валей, несмотря на то, что она часто вела себя начальственно. Со Стешей я всегда была дружна, но она была ближе Алле и Жене как по работе так и по духу. В результате у нас изменился тон приема приезжающих бойцов и темы разговоров за обедом стали «бабскими».

Я начинала опыты по фотосинтезу. Одной работать было трудно, я уставала и, главное, пережива-

ла, когда вначале ничего не получалось. Трудности с посадками и поливом овощных и ячменя утомляли и нервировали старших дам, и они могли ссориться из-за какой-то чепухи. А молодых помощниц солнце и тепло настраивало на легкомысленный лад и некоторую развязность. Однажды Стеша и особенно Алла подняли такой шум и громкий хохот, раскокетничавшись с приехавшими бойцами, что рассердили даже Женю, и Валя сделала им замечание. Действительно, это было далеко от легкого, веселого – «культурного» кокетства с военными прошлым летом и зимой. Но в отсутствии мужчин мы все были достаточно теплы друг с другом. Всех сближал Памир, то есть трудности жизни и работа. А в конце месяца приехали и несколько дней жили у нас зоологи. Они интересовались нашей работой и даже стремились помочь и мне и на поле.

Июль 1943 года

Июль на Памире это яркое солнце, синее небо, ни тучки или только легкая дымка где-то на горизонте. Это главное время для измерений фотосинтеза. Я делаю суточные ходы с 6 часов утра. В конце июня я все-таки добилась возможности делать три точки фотосинтеза в день. А теперь, продумав все моменты опыта, я «насобачилась» и снимаю 5 точек, то есть достаточно подробный суточный ход. Когда все выходит, устаешь, но чувствуешь удовлетворение. Конечно, долго вести «пятиточечные» ходы не получается. И устаешь, и еще сердце стало сильнее побаливать. Это бывало и зимой. Перерывы в работе получаются и из-за дежурства, и из-за выходного «дня для себя», или когда чего-нибудь не

хватает и надо ехать в Мургаб или ждать, если нагнали недостаточно дистиллированной воды.

Также я помогала Вале с определениями осмотического давления в клетках листьев аборигенных видов или на поле, если не хватало самих «полевиков». Но все же я выбрала день, поднялась с «каталазником» на альпийский луг за Бараний Лоб и определила активность каталазы у нескольких луговых видов. Там хорошо! Спускалась я с ведром цветущих примул и с хорошим настроением.

В общем, наша жизнь шла как обычно. Приезжал с дочками веселый Кузнецов – московское начальство пограничников присвоило ему чин полковника. Были и другие гости. Мы с Женей ездили в Мургаб. Пришла «порция» денег и мы, наконец, наедаемся досыта и даже помогаем дежурному делать всякие деликатесы из мяса. Эмоционально главным для меня в этом месяце были письма из Москвы от моих подруг – Люси и Лены. Они писали, что Московский университет собрал всех не уехавших студентов, что идут занятия и лекции читают наши профессора. Студенты организованы в противопожарной команде и борются с зажигалками, дежуря на крышах университетских зданий. От этих сведений пахнуло нашей студенческой жизнью, интересными лекциями и Москвой! В нашем «далеко» Москва была за завесой войны, про МГУ я знала только, что они в Ашхабаде и собираются переезжать, но не в Москву, а в Свердловск. Когда мы с О.В. строили планы, обсуждали полученные результаты, в том числе по каталазе, и он говорил о перспективах изучения фотосинтеза, само собой казалось, что я, съездив в Ташкент как Валя, буду работать здесь дальше. Но от этих писем целый день я ходила как пьяная и твердо решила что, окончив сезон в Чечектах, буду

учиться дальше, чтобы окончить биофак. Это решение привело к тому, что я стала стараться проводить все больше опытов, не лениться по вечерам и преодолевать начатое довольно трудное «Минеральное питание» Сабинина. А от этого время стало лететь еще быстрее. В июле было два дня рождения, к которым мы готовились все вместе. Но в дневнике, который я стала вести совсем неаккуратно от недостатка времени, про них ничего не написано, а я их не помню. Месяц пролетел быстро, как-то незаметно подошел август.

Август 1943 года

Вот и август. Появляются признаки осени. Ночи холоднее. На небе сгущаются облака. Период очень важный для выявления вегетационного хода фотосинтеза. Стараюсь работать по максимуму возможного. По вечерам «пыхчу» над Сабининым – но интересно! Жизнь на Биостанции идет как обычно, в труде и мелких стычках между дамами. Последнего меньше: все очень заняты, к тому же у нас еще гостят зоологи. Как обычно, приезжают бойцы, военные и штатские чины, а мы периодически ездим в Мургаб.

В воспоминаниях августа ярким пятном выступает мое возвращение из поездки с геологами на Ранг-Кульскую заставу. Они наметили пройти от заставы вдоль отрогов Сарыкульского хребта и вернуться от «Пика Комарова» – так мы называли останец прямо против Биостанции на другой стороне долины Ак-Байтал. Взять меня с собой они охотно согласились – две сменные, запасные лошади у них были. Поехали. Хотя я не раз проделывала верхом многие километры, путь до Ранг-Кульской заставы (примерно 70 км) мне был тя-

жел, и когда мы наконец оказались на площадке перед входом в нее, Володя в буквальном смысле слова снял меня с лошади. Главного геолога пропустили к начальнику заставы, а меня в радиорубку – в гости к Володе. Эта рубка произвела впечатление удивительным порядком – две смежные комнаты, одна для дежурного, другая с аппаратурой. Хозяин здесь – всегда внимательный Володя. Второе впечатление – музыка. Во внутреннем дворе заставы один из бойцов заиграл на мандолине. Не скажу, что он играл виртуозно, но эта музыка так действовала на меня, прикинула во все клеточки, что я помню до сих пор вызванное ею волнение.

А через некоторое время оказалось неожиданное: ехать с геологами вдоль границы по намеченному пути мне нельзя: штатская и без пропуска от коменданта. Мне это объяснил дежурный и успокоил насчет обратного пути – отвезут на машине. Вечером геологи уехали, я помахала им ручкой, а ко мне подошел штатский киргиз и повел к машине между юрт и кибиток поселка при заставе. Машина оказалась тоже штатской, задрипанной, а в кузове на матрасе неподвижно лежал мужчина. Мой проводник на ломаном русском с поклонами просил помогать заболевшему человеку, уверяя, что он «хороший». В кузове и для меня уже было что-то постелено. Дорога была ужасная, машина тряская, больной со своим матрасом болтался по кузову и стонал. Мне не хватало только, чтобы он тут у меня еще и помер. Я подтащила его матрас поближе к кабине и села на его край, а голову дядьки держала или у своих ног или на коленях, чтобы его меньше трясло.

Пока мы ехали, стало почти темно. Я сидела спиной к кабине, поглядывала по сторонам. И вдруг слева, от довольно высокого выступа гор на нас направили

большой круг света. Цвет «прожектора» казался каким-то необычным. Несколько минут, пока мы не повернули, он продолжал светить. Было просто жутко! Потом мне объяснили, что этот выступ, или вернее останец, зовется Чарык-Таш, и что на верхушке его есть дыра – и когда луна заходит за выступ, ее свет виден через эту дыру. Меня довезли до Биостанции, а больного повезли дальше – в Мургаб. Как я позже узнала, этот мужчина был наш разведчик.

Но самое главное в августе было то, что он изменил мои планы. Пришла телеграмма от родителей и от секретаря папиного института, которая подтверждала их слова о том, что я должна прибыть в Ташкент в начале сентября, так как эшелон для института заказан на 15 сентября, и что МГУ мне высылают вызов, достаточный для получения пропуска. После того как я решила не зимовать больше на Памире, здесь все знали, что я уеду. Но речь шла о ноябре, когда обычно уезжают памирцы, а не о ранней осени. А как же планы по каталазе и фотосинтезу, составленные вместе с О.В., и которые я начала выполнять! И сама мысль, что через считанные дни я покину чечектинцев и горы! и уже привычный образ жизни! Я очень разволновалась, но разумно решила, что вот приедет О.В. и все обсудим, а пока я привыкну к этой новой необходимости. А еще когда в свой очередной приезд к нам Володя узнал о моем скором отъезде, я поняла, что была неправа, думая, что он относится ко мне как к Иринке.

О.В. приехал 30-го, привез фрукты и массу рассказов о своей поездке. Когда окончилась веселая приездная тамаша, мы хорошо поговорили о моих планах. Он сказал, что надо ехать, и немедленно, что я нужна родителям в дороге и Москве – по-другому, но не меньше

чем нужна здесь. И я стала собираться. Ужасно жалко было уезжать так рано, но другого хода не было. Когда Володя приехал проститься, он рассказал, как жил всю эту зиму, и объяснил, что молчал, понимая меня. Тихо и грустно мы попрощались, он поцеловал меня и уехал к себе на заставу. А через несколько дней, 5 сентября 1943 года, я, распрощавшись со всеми, первый раз покинула Чечекты.

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ

МОСКВА, УНИВЕРСИТЕТ

Дорога домой

Начало пути Чечекты – Ош я помню слабо. Мы ехали быстро, машина была почти не груженная, шофер спешил домой. У меня в душе все было как-то смешано, я с грустью прощалась с горами, думала о родителях и Мише. От скорости и крутых поворотов чувствовала себя неважно. При спуске по серпантину на Талдыке потеряла сознание – уже внизу. Шофер сказал, что не взял бы меня, знай он, что я такая хлипкая. Полежала немножко на траве, и поехали дальше.

В Оше я пришла на квартиру знакомых Иларии Алексеевны – она мне дала их адрес и письмо с просьбой меня принять. Очень симпатичная женщина средних лет, узнав, что я с зимовки на Восточном Памире, сильно ахала и спрашивала, как меня угостить, накормить и приветить, что она готова зарезать курицу или утку, чтобы приготовить мне мое любимое блюдо. Я попросила жареной картошки, что привело ее в еще большее волнение. Мне помнится, что я не ночевала

у этой милой женщины, а уехала первым попавшимся поездом до Ферганы, где пересадка на ташкентский состав. Там выяснилось, что дальние поезда проходят с короткой остановкой и достать билет на них нет никаких шансов.

Опять же по совету и письму И.А. я пришла к ее узбекским знакомым, которые встретили меня приветливо, во дворе под большим кустом положили матрас и какую-то кошму, там же велели оставить мой чемодан (с деньгами и маслом) и рюкзак. Двое маленьких ребят хотели на меня смотреть, но родители сказали, что я гость и это – все. Тут же во дворе с высокой оградой и запертой калиткой меня угостили, тут я и спала.

Утром ушла на вокзал и увидела стоящий ташкентский поезд. Все двери вагонов заперты, кондукторов не видно, стремящихся ехать, кроме меня – еще две семьи. Надежды уехать нет! Поевши чудесных персиков (есть что-либо другое я боялась, все грязное, включая руки, а сочные персики легко чистить, сняв кожицу – пить не надо), я опять вернулась к «хозяевам». Они мне сказали, что надо взять вещи, сесть на площади у вокзала и ждать, не подойдет ли кто помочь сесть в поезд. Я так и сделала, с тревогой в душе. Но вскоре действительно подошел среднего возраста русский в форменном кителе и спросил, не на ташкентский ли я поезд. На утвердительный ответ он велел мне прийти за 15 минут до прихода поезда (в 8 вечера), показал место, где его найти, и пообещал посадить в вагон за 10 рублей.

Он подошел точно в назначенное время, взял у меня чемодан, велел нести рюкзак в руках, а не за спиной, и повел меня вдоль стоящего – опять же с закрытыми дверьми, поезда на Ташкент. Как только мы вошли на перрон, мой рюкзак (который я все же надела на спи-

ну), разрезали. Я это почувствовала и вскрикнула. К счастью, внутри был мешок и ничего не вывалилось. Мой проводник вынул из-за лацкана пиджака иголку с ниткой, прямо на мне зашил рюкзак, снял и дал его мне в руки (с укоризненным выражением лица) и, пройдя несколько вагонов, полез (с моим чемоданом) под поезд, показав, что я должна сделать то же самое. С обратной стороны поезд выглядел так же: все закрыто. Мой проводник отомкнул одну из дверей общего пассажирского вагона, всунул на площадку мой чемодан, меня и, поставив чемодан на попу, посадил меня среди тамбура, битком набитого людьми разного рода, пола и возраста. Было практически темно. Я нащупала в мешочке на груди деньги, дала ему, сказала спасибо и наконец вздохнула с облегчением. Но вдруг опять дверь открылась и раздался голос: «Девочка, девочка что я сажал, подай голос». Я откликнулась, он протолкался ко мне, наклонился к уху и сказал: «Дура, ты мне тридцатку дала вместо десятки», – и сунул в руку две десятки. Вот так! Денежные бумажки были тогда одного цвета. А мой спаситель-проводжатый какого цвета?!

Ехать было недолго. Так в тамбуре сидя на чемодане с рюкзаком на коленях доехала до Ташкента. Добралась до местожительства родителей и Михи. Когда я вошла во двор дома № 2 Первого переулка Луначарского и увидела свет в их окнах, я уронила рюкзак и в нем разбилась пиала, из которой я пила на Биостанции. (Ее в Ташкенте починили, и она у меня до сих пор на первом месте в шкафу.)

Уехали мы из Ташкента примерно через месяц. За это время я, конечно, виделась с Андреем Васильевичем, передала ему мои последние данные по активности каталазы, встречалась с Анечкой Кологривовой, Га-

лей Цепковой, бывала у нее дома. Описывать подробно этот месяц не буду, отмечу только связанное с Мишей. Во-первых – это его огород в садике дома и на нем – овощи. В день моего приезда, то есть на первый обед в Ташкенте, он принес выращенные им самим помидоры. А в каком-то вместилище под кроватью родителей были грецкие орехи с огромного дерева, ветви которого нависали над двориком «нашего» дома. Это тоже Миша. Стремясь помочь в хозяйстве, я вызвалась пойти отоварить карточки. Миша сказал: «Только вместе со мной». В магазине очередь небольшая, но крутится довольно много народу. Я держала карточки в руке, опирающейся на витрину. Вдруг вижу, к моей руке протянулась чья-то чужая. Я не успела двинуться, как по этой чужой руке ударил Миша, и сейчас же она сжалась в кулак и нависла над Мишиной головой. Он не отпрыгнул, а сказал: «Это моя сестра». Я не успела его обнять, как кулак разжался, раздались непечатные слова и большой, какой-то темный парень отстранился от нас и вышел из магазина. Оказалось, защита своих – правило, которому подчиняется даже шпана.

Отъезд из Ташкента Московского гидрологического института был организован хорошо. Вещи сотрудников перевозила машина, и сгружали их у обычного пассажирского не купейного вагона, который был забронирован. Кучку наших вещей на перроне караулила мама, папа занял в вагоне отсек и сидел там, а мы с Мишей таскали наиболее тяжелые вещи – вдвоем. Ехали мы вполне цивилизованным образом, только дольше стояли на станциях и разъездах, пропуская военные поезда. Когда мы уезжали в эвакуацию, наша квартира была в том виде, который обеспечивал наибольшую безопасность при бомбежке, то есть в полном

хаосе. Каким же удивлением и восторгом было то, что войдя, мы увидели полный довоенный порядок, чистоту и удобство! Это сделала Таточка, мы оставили ей ключи. Итак, мы дома. Коля – на Втором украинском фронте, от него есть письмо.

Теперь надо оформлять наш приезд, чтобы восстановить мое студенчество в МГУ, и включаться в московскую жизнь.

Москва, 1944–1948 годы

Жизнь в Москве по возвращении из эвакуации описать очень трудно: ведь после ограниченных возможностей в Ташкенте и замкнутой тишины Памира я окунулась в настоящую жизнь со всем ее многообразием и противоречиями. К тому же мой возраст был таков, что желаний масса, но нет еще достаточно опыта, чтобы в них разбираться. Первые два года – это еще военное время со всеми его бытовыми трудностями, постоянной тревогой о близких. Фронт уже далеко за нашими границами, но там идут тяжелые бои. Будапешт, озеро Балатон – это места трудной победы. Коля там, на Втором украинском фронте. Мы знаем, что артиллерию всегда перебрасывают на самые ответственные места. Он младший лейтенант-минометчик... И в то же время близится конец войны, гремят салюты нашим победам. В Москву вернулся университет, идут занятия. А через два года – Победа, ее празднование и торжество. И, конечно, 9 мая я была около университета на Манежной площади. Она полна народа. Молодежь качает военных, и наших и американских, выходящих из их посольства – оно здесь рядом. Гремят торжественные песни и просто крики радости, и много, много людей со

слезами, иногда слезы соединены с улыбкой, вызванной тем, что огромная тяжесть упала с плеч. У нас дома плакала только я – от усталости пребывания в толпе, где воздух переполнен эмоциями.

Приезд домой это, конечно, встреча с прошлым, но в изменившемся облики. Для меня – университет и выбор кафедры, где специализироваться. И дом с выросшим за два года Мишкой и постаревшими родителями. И встреча с друзьями, тоже изменившимися. Все это на сложном фоне бытия в те годы описать очень трудно. Сохранились не все дневники, да и в тех, что есть, больше чувств и переживаний, чем реальности. Все же попробую описать всю эту смесь событий окружения и активной деятельности в их развитии во времени, разделив на отдельные темы. Сначала – коротко о доме, потом про учебу.

Мои дела дома

Я включилась в дела, требующие подвижности. Это прописка по приезду, прикрепление папиных карточек в распределителе специально для профессоров и людей такого ранга. Надо ездить и по разным другим делам. Покупка продуктов по нашим карточкам, стояние в очередях – это наше общее дело с Мишей, если надо нести тяжести. А еще иногда я жульничала и покупала в распределителе то, чего нет в обычных магазинах. Для этого я надевала на большой палец правой руки подаренное мне тетей Женей на окончание школы кольцо с крупным камнем – агат, черный, а по периметру белая полоска правильной формы. В Индии такие агаты называли «глазом Бога». Это была редкость. А главное, тогда не носили колец с крупными камнями.

ми. Я подавала продавщице пачку карточек – сверху папину с явной печатью прикрепления, а под ней карточку Миши и (или) мамы, держа их между большим и указательным пальцами. Конечно, продавщица замечала камень, смотрела на него и отрезала талоны от всех поданных мною карточек. Я ничем не рисковала: если «фокус» заметят и вернут лишние карточки с какими-нибудь словами, я всегда могла сказать: «Ах, извините, я всегда их держу все вместе».

В домашнем хозяйстве я больше участвовала во всяком мытье и уборках, чем в кухонных делах. Там управлялась мама, а мы все помогали ей в разных «неквалифицированных» делах. Но папа, кроме того, некоторое время пек вкусные булочки (в «чуде», на керосинке). Муку для них мы получили как плату, отдав нашу дачу в Лосе кооперативу, к которому она принадлежала.

Колю демобилизовали только в 46-м году. И он включился во все наши заботы и радости. Что касается Миши, то неотложным делом по приезде было одеть его к зиме. Он сильно вырос и вытянулся. В те годы высоких людей было немного, так что пришлось странствовать в основном по комиссионным магазинам, где нередко нам отвечали: «Зря ищете, на гулливеров одежды нет». Но мы все же нашли что-то подходящее. Не менее важно было с ним дружить, то есть входить в его дела, давать советы (в нужной форме!), «подбивать» на вопросы и отвечать на них. Как все ребята переходного возраста, Миша мог «набузить» среди приятелей на улице, в школе или дома. Все, конечно, улаживалось, но папа очень нервничал и тревожился за Мишу, и моим делом было его успокаивать. Для того чтобы Мишка быстрее повзрослел, я стала водить его в театры и на концерты,

чем, закончив университет, я сама увлекалась. Необходимо добавить, что если я расстраивалась, заболела или терпела неудачу, Миша часто меня поддерживал.

Вновь студентка МГУ

Сразу после приезда я пошла в университет к декану биофака С.Д. Юдинцеву. Он приветлив, поздравляет с возвращением, смотрит мои документы из САГУ, видит разницу программы и говорит: «Что ж, на третий курс». Но я против, я хочу на четвертый. Его аргументы – четыре несданных предмета программы третьего курса, и только два месяца до сессии за семестр четвертого. Юдинцев прав, факультету хвостисты не нужны. Я говорю – сдам хвосты. Договорились так: «Иди к Сабину и если он тебя, хвостистку, возьмет, пусть напишет гарантию, что все будет сдано и в сессию».

Кроме вопроса о курсе, на какой поступать, был еще вопрос о кафедре, то есть – кем становиться, окончив МГУ. Это я обсуждала в Ташкенте с Благовещенским. Ему понравились мои данные по каталазе, которые я ему прислала прошлой осенью, и новые, что привезла сейчас. Он тоже советовал идти к профессору Сабину, то есть на кафедру физиологии растений. Его аргументы: это наиболее яркий профессор биофака МГУ, а растения с животными, которых я предполагала изучать, не так уж сильно разнятся. Так я пошла за сомнительным шансом попасть на 4-й курс к Сабину. Он больше задавал мне вопросы, чем смотрел документы, а под конец спросил, посмотрев мне в глаза, сдам ли я 4 хвоста за 2 месяца. Я честно сказала: «Конечно, нет». Он взъерошил волосы, сказал: «Господи, прости мои прегрешения» и написал мне «справку» с гарантией,

что сдам. Так я стала учиться на кафедре физиологии растений, определившей мое будущее.

Итак, я на четвертом курсе биофака! В оставшиеся до сессии полтора месяца надо было: вживаться в коллектив кафедры; вечерами, после занятий, отрабатывать практикумы по предметам, которых не было в САГУ, и сдать по ним экзамены; слушать лекции 4 курса по текущим предметам; сдать сессию за первый семестр 4 курса по программе МГУ. Все это вместе и попеременно я делала. Что-то сдала сразу, что-то досдала после каникул как «хвостики» (из-за разницы программ САГУ и МГУ). Так что каникулы тоже были полны занятиями. Что-то осталось на весну. Лекции второго семестра 4 курса были интересны. Основа моей жизни в эти годы, конечно, экзамены, которые надо сдавать, и время и силы, в основном, направлены на них. Напряженка? Несомненно. Но это тоже жизнь и о ней вспоминается разное. Например, микробиология. Мне она как-то не давалась с ее разными типами брожения. В связи с ней следует отметить кое-что необычное. Так, практикум по ней я отрабатывала вместе с дочерью Жданова. Да, того самого, из правительства. Она держалась как самая обыкновенная девушка-студентка, моя коллега. Необыкновенным было только мыло, сильно и приятно пахнущее, которое она мне протянула, когда мы обе, закончив работу, отмывали у раковины «микробиологию» от своих рук. Необыкновенным оказался и экзамен по микробиологии у профессора Шапошникова. Конечно, вопросы мне достались по этим чертовым брожениям, в которых я путалась. Плела что могла, добавила что знала не по билету. Вдруг Шапошников меня прерывает вопросом: «Почему я вас не помню на своих лекциях?» Я сказала, что

была в эвакуации и курс микробиологии пропустила. А он ответил: «Коли вы не слушали моих лекций и все же что-то рассказали, я вам ставлю 4». Вот так! А объективно мой лепет был на тройку с натяжкой, не более.

Но на выпускном экзамене произошел инцидент, противоположный микробиологическому. Конечно, я готовилась и к экзамену по философии (забыла, как он тогда назывался), даже читала Гегеля, но не обеспокоилась узнать, как надо отвечать в эти годы на вопросы по истории (только словами руководителей партии). Экзамен был торжественный. В большой аудитории – три группы экзаменаторов, философов и биологов, в одной из них был и Сабинин. Я попала к другим. Отвечала, рассказывала все чего начиталась. Ушла с экзамена уверенная в четверке. Вдруг меня отыскивают и просят зайти к экзаменаторам. Вошла, слышу: «Вы Семихатова?», – «Да», – «Вы свободны». Оказалось, что оценка мне, по мнению экзаменатора-философа – двойка, но зачетная книжка с пятерками, а главное, «сталинская стипендиатка» да еще рекомендованная в аспирантуру, смутили экзаменатора. Он стал обсуждать, как быть, с другими членами экзаменационной комиссии. Тут Сабинин, согласно своему темпераменту, заявил, что они просто спутали меня с другой на «С». Экзаменатор-биолог меня не знал, вот почему меня призвали показаться. Дело было в том, что я, пропустив курс философии, никого из сверстников не спросила про экзамен и говорила о том, чему учили Гегель и другие философы, а тогда надо было приводить только критику их учений со стороны Ленина и Сталина, чего я не сделала. Получался вредный для биофака скандальчик – сколько обсуждений, да каких, вызовет такой факт! И как быть с аспирантурой. Но наш умница декан Юдинцев нашел

хороший выход из этой плохой истории. Мне просто не выдали диплом, не включили в список окончивших курс в МГУ – для того чтобы осенью посмотреть на то, как я сдам соответствующий вступительный экзамен в аспирантуру на ту же тему. Я, конечно, поумнела, сдала на 5 с плюсом, пятерку (без плюса) перенесли в аттестат, который я получила осенью.

Вспомнилась эта история через год, когда в аспирантуре надо было сдавать философию. В молодежном коллективе кафедры возник спор, сдам ли я этот экзамен на 3 или 5. К этому спору со смехом присоединился сам Сабинин, так как он однажды сказал, за что-то осуждая меня, что «не будет больше брать в аспирантуру отличниц по философии». Мне, конечно, надо было выиграть. Поэтому в дополнение к реальному знанию предмета и требованиям времени я решила прибавить хорошо известные способы получения пятерки по любому предмету. Это: 1. Идти отвечать не первым, а среди пересдающих хвостистов, когда экзаменаторы устали от постоянного «спросите меня еще» (просьбы хвостиста о тройке). 2. Смело, с подчеркнутым безразличием, взять любой билет и вызваться отвечать без подготовки.

К этому я прибавила свое: взяв билет с вопросом о Чернышевском и только глянув в него, сказала: «Сейчас отвечу, только одну минутку, я переодену валенки (дело было зимой) на туфли, они за дверью». Конечно, со стороны экзаменаторов: «Ага, за шпаргалкой от друзей», на что я подчеркнуто спокойно: «Нет, только для приличия» – и пошла к двери. Конечно, экзаменаторы оживились и сказали: «А мы сменим вам билет, так уж не сердитесь». А я серьезно: «Пожалуйста» – и вышла. Войдя через минуту в красивых туфлях на каблуке, я

сразу же заговорила по билету о Чернышевском, приведя критические слова публикации Вождей о нем, и экзаменаторы даже за него заступились, и тогда я перечислила его «плюсы». Естественно, получила «5» да еще с улыбкой, а на кафедре – со смехом.

Но было и такое, что мне очень не нравилось и оказалось обременительным: меня выбрали председателем месткома курса, в обязанности которого входило распределение товаров, подкидываемых студентам – чулки главным образом и что-то еще. Я курс знала, но мои представления о более нуждающихся расходилось с мнением комсомольского чина курса.

Но главное – большинство своих «хвостов» я все-таки сдала и даже на 4 и 5, так что в начале 45-го года мне даже присудили сталинскую стипендию. (Когда я ее получила в первый раз, мама сказала, чтобы я сама сделала себе подарок и я купила первую в моей жизни крепдешинovou блузку.) Как известно, успех в учебе зависит не только от трудоспособности, но и от настроения и воли, а на них влияют близкие друзья. Поэтому следует вспомнить моих – бывших длительное время самыми близкими.

Друзья довоенного времени

Первая подруга моего раннего детства – Вера Квятковская. Но в эти годы мы с ней не общались. Из Тимирязевки она уехала с семьей еще школьницей, но до войны часто приезжала к оставшимся друзьям и к бабушке. Вера нашла меня, когда ее двое детей подросли и наши письма, звонки, встречи стали частыми вплоть до ее кончины (в 2008 году). Вторая это Тата Балашова. Она очень повзрослела, похорошела. У нее своя

компания друзей и обожателей. Конечно, я со всеми перезнакомилась и проводила с ними некоторое время. Мы с Татой регулярно выбегали на улицу смотреть салюты Второму украинскому фронту, где служил Коля и ее двоюродный брат и друг, тоже Коля. С Татой мы до сих пор перезваниваемся.

Майя Кедрова была моей соседкой, мы часто ходили друг к другу в гости и занимались английским языком – старались пересказывать прочитанное. Правда, друзья ее брата частенько отвлекали нас от английского. За одного из этих друзей брата Майя через некоторое время вышла замуж. Я поддерживала с ними отношения и когда приезжала из Ленинграда. Но Тата и Майя – это живущие в непосредственной близости, Тата в соседнем деревянном доме прямо перед окнами нашей квартиры, а Майя – на нашей лестнице на втором этаже. Война раскидала людей. Поэтому многих из одноклассников я больше не встречала. Мальчики воевали, и не только мальчики. В нашем классе учились и получившие потом известность. Так Руфа Гашева была штурманом в знаменитой женской эскадрилье ночных бомбардировщиков. Один одноклассник был во время войны разведчиком (мы узнали об этом много позже). С ним я не встречалась. Тесная дружба с шестого класса осталась с приятелем Алькой Желиговским. Когда он узнал, что мы вернулись, он стал ходить к нам, «вытаскивать» из подготовки к очередному экзамену для прогулки на Лесную дачу – «наш Лес» – или просто оставался для беседы. Он тоже был в эвакуации со своим институтом, конечно, инженерным, в армии не был: студентов старших курсов этот институт бронировал. Алька мало изменился – такой же основательный, серьезный и немного медлительный. Если мы

оставались дома, он усаживался в кресло около шкапа, я – рядом на углу дивана. С ним было интересно разговаривать. Мы обсуждали дела связанные с учебой и разные события в стране, которые он всегда знал лучше меня. В наших беседах иногда участвовал папа и, когда демобилизовался, Коля. Правда, Коля его часто поддразнивал за то, что он говорит медленно, или обещал познакомить с хорошенькими девушками. Алька не обижался, от девушек отказывался, говоря, что он старый холостяк и они его не интересуют. (Тем не менее он, хотя и поздно, женился и имел двоих детей.)

В первый год моей аспирантуры мы стали с ним регулярно встречаться, ходили в университет на лекции по политэкономии для аспирантов ряда ВУЗов. Это были «полувечерние» лекции, очень интересные. После лекции, бывало, мы просто гуляли по городу или шли пешком часть пути домой. Пару раз он хотел навестить родственников и вел меня к ним. Я не помню, чтобы мы с ним были в театре или на концерте, возможно, ходили иногда в киношку. Это в 46 – 47 годах я много ходила в театры, водила старшеклассника Мишу. Альке я этого не предлагала, при наших встречах командовал всегда он. Когда я уже работала в Ленинграде, он навещал меня в мои приезды домой. Мы перестали встречаться, когда я уже совсем стала ленинградкой. Но в 90-х годах он мне как-то позвонил, мы вспоминали прошлое. О его смерти в 1998 году я узнала от Тоти, дружившей с его соседом.

Друг Альки и мой сосед по парте Лева Гроховский после школы как-то от нас отошел, перестал быть лохматым поэтом, стал геологом и заходил ко мне только раз или два – и то у него были какие-то просьбы к моему папе.

С друзьями на год старше по классу – Люсей и Костей Полевицкими я встретила в Ленинграде и, конечно, мы дружили до конца их жизней.

Что касается университетских друзей, то, разойдясь с третьего курса по разным кафедрам, мы с некоторыми разошлись. Я назову тех, с кем дружба была тесной и длительной. Это Люся Глащинская, в дальнейшем известный далеко за границами родины специалист по ядовитым клещам. Лена Шубникова – она была верна университету и осталась преподавать на кафедре гидробиологии. Мы с ней сблизились в 1948 году, когда я заканчивала аспирантуру в Ботаническом саду, недалеко от ее дома, а она несколько оправилась от горя: ее младший брат погиб в Германии в бою уже после заключения мира. Связанная с университетской станцией на Белом море, она посоветовала и помогла устроить моего Михася (девятиклассника) в отправляющуюся туда на практику группу студентов с преподавателем. Мише там очень понравилось и он сдружился с «беломорцами».

А еще Наташа Бочарникова, микробиолог. Она жила со своей мамой, с сестрой и братом недалеко от университета. Я у них часто бывала. Бывали и мои братья, с младшей, Ирой, Миша познакомился как с «беломорцем». А Наташа, как многие девушки во время войны, писала в армию письма даже незнакомым военным. В последние военные годы Наташа переписывалась с моим братом Колей (его адрес дала ей я). После демобилизации он познакомился со всеми моими подругами и, конечно, с Наташей.

С этими тремя подругами мы в основном обсуждали университетские дела, оценивали преподавателей или делились впечатлениями от виденного и от прочи-

танного, но не касались того, что называется «девичьи секреты». Поле чувств и всякой психологии было прерогативой исключительно Риды Белоусовой. Лишь много лет спустя мы трое бывало вспоминали минувшие дни и озвучивали какое-нибудь из своих «похождений». Иногда с кем-нибудь из нас случались некие «казусы», которые стоит вспомнить и описать. Один из них – с Люсей Глащинской, окончившийся вполне благополучно. С ней мы часть пути к университету проделывали вместе, встречаясь на остановке трамвая в центр от Савеловского вокзала. Чтобы попасть вовремя к началу занятий, надо было ехать в часы пик, когда втиснуться в забитый людьми вагон просто невозможно. В таком случае ехали «на колбасе». Ехать таким способом можно было на заднюю последнюю вагона – там было что-то, на чем стоять и за что держаться. Но в конце пути надо было соскакать оттуда до остановки трамвая, так как там стоял милиционер и брал штраф за такую езду. Однажды Люся чуточку позже прыгнула, так что милиционер ее увидел и схватил в охапку почти «с лету». Но смутился при этом больше он сам – в его руках оказалась очень привлекательная молодая девушка. Он отпустил ее без штрафа, только пробормотал, что так ездить не надо.

Второй был с Леной Шубниковой. Это когда нам пришлось пересекать Большую Мещанскую улицу три раза, потому что первый раз мы ее пересекли не на переходе и милиционер заставил нас вернуться: «хоть это и бессмысленно, но научно», как он ответил на наше возражение.

Серьезные дела жизни у всех нас были разные и достаточно благополучные. Наташа и Коля в 1947 году поженились. Но как у многих военных, женив-

шихся вскоре после демобилизации, их союз оказался непрочным. Когда Коля поехал на Урал, они решили расстаться и мирно развелись. И он, и она позже нашли именно тех, кто нужны были на всю жизнь.

Продолжение будет о друзьях, появившихся после того, как Заленский пришел искать помощника на кафедру Благовещенского, а тот порекомендовал меня. Но для этого продолжения нужно описать мою жизнь на кафедре.

О кафедре

Сдавая экзамены и посещая лекции, я стала появляться на кафедре. Познакомилась с коллективом. Его старшая часть приняла меня доброжелательно. Это доценты – С.С. Баславская, Н.Г. Потапов и О.М. Трубецкова – она была ближе всех к молодежи, два ассистента и лаборантка. Некоторые из них смотрели на меня с любопытством (это, наверное, те, кто знал о моей зимовке в высокогорье). Молодежь примерно моего возраста – Дифа Цельникер, Майя Штернберг, аспирантки Маша Зайцева, Лида Сергеева и оканчивающая аспирантуру Рида Белоусова. Они себя называли макаками. Еще была самая младшая – Рита Тюрина. Мы звали ее «Бэби». Ко мне эта молодежь относилась хорошо и вскоре приняла в свой коллектив в качестве, я бы сказала, «полумакаки». Я очень сдружилась с Ридой Белоусовой. Это необычное, эмоциональное и талантливое существо. Она жила в общежитии, часто бывала у меня дома. Моя мама ее любила. Нередко у нас бывала и Дифа Цельникер. Когда она приходила, из комнаты папы раздавался звук сбрасываемой им домашней обуви – чтобы надеть выходную и пойти ку-

пить в лавочке колбасы: Дифа как-то сказала, что она любит колбасу, а у нас мама гостей всегда кормила. А я с братьями водила их в «наш» лес, где мы «купались в снегу», кидались снежками и всячески забавлялись.

Дмитрий Анатольевич Сабинин,
заведующий кафедрой физиологии растений в МГУ

Тон и дух кафедры задает ее глава – Сабинин. Очень трудно описать яркую и многогранную личность нашего профессора. О нем и его кафедре много и хорошо написала Ю.Л. Цельникер («Воспоминания», Москва, 2009). Мои дневниковые записи посвящены в основном моим взаимоотношениям с Сабининым в течение 7-ми лет после того как он согласился взять меня на свою кафедру. Это лишь частично и, конечно, субъективно, отражает его характер. (В двух моих опу-

бликованных очерках о Сабинине я старалась писать более широко.) На кафедре Сабинина отношения профессора с молодежью были совсем не официальными. Кроме того, что он часто подходил к аспирантам и задавал вопросы по текущей работе, любил приходить, когда мы пили чай, оживить беседы шуткой и попутно подвигнуть нас к культуре: спрашивал о концертах и пьесах, где мы бывали, давал советы, в какие дни идти в консерваторию, и тоже потом спрашивал о наших впечатлениях. Такие разговоры бывали и вне кафедры. После семинаров или вечерних лекций мы все уходили вместе и расходились только выйдя из университетского двора. А бывало, что трамвай №18 в этот день не доходил до Тимирязевки, тогда Рида, я и Сабинин от Савеловского вокзала шли вместе пешком. Сабинин жил на Красностуденческом проезде, за квартал от нас, а Ридино общежитие было в Тимирязевке. Идти надо было, кажется, 7 трамвайных остановок. Мы шли быстро, и Рида, когда уставала, иногда говорила: «Больше идти не могу, сяду на рельсы и буду плакать». Сабинин подбадривал ее какой-нибудь шуткой. Во время пути мы разговаривали и о науке, и о работе каждой из нас или он отвечал на наши разные вопросы.

Когда я была студенткой, за которую Сабинин поручился перед деканом, он уделял мне внимание – моим проблемам и продвижениям по экзаменам. Даже бывал у нас дома. Когда к нам приходили гости, мама пекла блинчики и прослаивала их гоголь-моголем, такое угощение всем нравилось. А в беседах за чашкой чая первенство держал Сабинин, рассказывая что-то интересное.

Казалось, что все хорошо. Но напряжение, которое требовалось от меня в эти месяцы, и эта профсоюзная деятельность как последняя капля, привели к тому,

что мне захотелось куда-нибудь уехать. Тем более что уезжали Дифа и Майя – да еще на Кавказ! И я хочу – «туда, туда, в родные горы....». Попросилась, чтобы меня тоже «взяли», то есть зачислили на работу по заключенному кафедрой договору с Комитетом Главчая, чтобы разобратся, почему на Западном Кавказе плохо плодоносят цитрусовые и тунг и плохо растет чай. Сабинин согласился и сказал, что если я сдам хотя бы частично весеннюю сессию, то смогу поехать вместе с ним в конце мая, когда он сам соберется на Кавказ. Я выполнила это условие и 24 мая отправилась вместе с Сабининым и двумя студентками 3-го курса в Тбилиси, а оттуда местным поездом до г. Махарадзе. Недалеко от него расположен поселок Анасеули, где находится Институт чая и субтропических культур – ВНИИЧ и СК. Так началось то, что я назвала «тунговая эпопея».

ТЕТРАДЬ СЕДЬМАЯ

ТУНГОВАЯ ЭПОПЕЯ

Москва – Тбилиси – Махарадзе

Дорога произвела на меня сильное впечатление. Прежде всего – следы войны. В Воронеже наш поезд долго стоял, и почему-то часть пассажиров и мы пошли в какую-то столовую. Ее я совершенно не помню, но никогда не забыть, что мы шли по мосткам, перекинутым через остатки домов – их каменные фундаменты, среди более высоких развалин. Эта часть города полностью разрушена – страшно. А когда приближались к Сталинграду, видели на полях разбитые танки и обломки машин. Ехавший с нами в купе военный опустил голову на руки, положив их на столик. Мы, девчонки, поняли и стали его отвлекать, говорить с ним. Он поддался, и даже когда поезд шел через ту часть города, где и теперь стоит Дом Павлова, стал нам рассказывать, что было на месте развалин и про этот Дом. Останавливался поезд, проехав разрушенный город. Тяжелое настроение частично развеял Баку, где поезд стоял, и с перрона не было видно ни одного разрушения. В Тби-

лиси Сабинин пошел в природную баню, где из источника текла теплая серная вода, и посоветовал пойти и нам. На меня – не знавшую даже наши бани – она произвела ужасное впечатление. Это просто пещера, к которой приделан некий «тамбур», где раздеваются, из него – дверь в саму баню. Там прорыта канава глубиной в 2/3 человеческого роста. Она была полна длинных, как змеи, черных кос между очень белыми плечами обнаженных грузинок, занимавших все пространство купальни. Почему-то они издавали в основном звуки вроде «ара-ара». Я нашла место, где с потолка пещеры тонкой струйкой текла теплая вода, и кое-как помылась.

Произвело впечатление пение пассажиров в местном поезде до Махарадзе. Очень красиво, и что удивляло – во-первых, в поезде порядочно молодых мужчин, во-вторых, пели все вместе вроде как незнакомые между собой люди, в-третьих, женские голоса часто ниже мужских по тембру.

В Анасеули нас встретили Дифа, Майя, Галина Шоклендер и Н.Г. Потапов. Они были заняты проблемой чая и цитрусовых. Мне Сабинин поручил разобраться с тунгом, который здесь был интродуцирован и плохо плодоносил. Чайные и цитрусовые плантации были недалеко, а тунг был высажен на землях ряда совхозов, достаточно удаленных от Анасеули.

Джиханджурский совхоз

Место, где я начала работу с тунгом, было в 15 – 18 километрах от Анасеули. Этот небольшой совхоз, расположенный в предгорьях Малого Аджаро-Имеретинского хребта, отделен от гор глубокой выемкой. Тунг

высажен на довольно ровные участки. Чтобы меня там «интродуцировать», поехали Сабинин и Потапов. Сабинин договорился с управлением совхоза, представил им меня, и мы пошли смотреть, какое жилье мне предоставляется. Эта оказалась большая угловая комната в первом этаже двухэтажной барачной постройки. В этой комнате явно давно не жили, как и во всем первом этаже. Грязный пол, высокий грязный потолок, два больших, во всю стену окна – одно разбито, железный остов кровати и стол. Сабинин похвалил комнату, Потапов молчал, я тоже.

Когда они уехали (ушли к шоссе), моим первым делом был пол. В этом мне помог валявшийся на первом этаже веник. Второй вопрос – кровать. На Памире мне приходилось спать в очень разных условиях, но там нетвшей. Используя свой опыт по школьному эвакуаlagerю на Оке (лето 1941 года), я вытащила кровать во двор и, чтобы ее по возможности обезвредить, стала разводить костер из подручных средств, на котором ее обжечь. Конечно, набрались зрители. Я заметила крупную красивую грузинскую деваху и стала говорить с ней – кто я, зачем тут и что пытаюсь делать. Она спросила мое имя, а потом – запираются ли окна и двери предоставленной мне комнаты. Я сказала, что не знаю, она хихикнула и отметила: «Надо чтобы были».

Но от этого жилища, явно легко доступного каждому парню, меня спас Ангел-хранитель в лице русской женщины средних лет простого вида, которая сказала, что здесь жить нельзя, и пригласила меня к себе в комнату второго этажа, откуда недавно уехала ее напарница. Не посмотрев, куда она меня приглашает, я потушила костер, и мы вместе с полной грузинкой вволокли кровать назад и пошли наверх к этой милой

женщине. Там оказалась вполне нормальная комната. Так я и обосновалась в этом совхозе.

Пару слов об «Ангеле-хранителе». Она сама была из деревни на северо-западе России. К этой деревне приближался фронт, и, может быть, потому, что она стояла далеко от главных дорог и движения основных сил немцев, там наступал румынский полк. От него в деревню были посланы гонцы, которые велели (!) жителям срочно эвакуироваться любыми средствами и даже подогнали несколько подвод, взятых, по-видимому, из соседнего села. Так моя хозяйка с соседками добралась до нашего фронта, а у нас нескольких из них послали жить и работать в грузинские совхозы.

Нечего и говорить, что мы жили с ней душа в душу, я всячески старалась ей не мешать, да она и так целые дни была на работе – что предстояло и мне.

Моя задача была разобраться, «как себя чувствует» тунг, почему мало дает плодов. Тунг (*Aleurites*) – это ценное дерево плоды которого содержат не застывающее масло, применяемое в технике, и в те годы – незаменимое для авиационных моторов. Естественное произрастание тунга – Южный Китай и другие страны тех же широт. Интродуцировать тунг начали американцы в конце 20-х годов, их примеру последовал Советский Союз. Тунг относится к семейству молочайных. В нашей стране были высажены в основном *Aleurites cordata* и *A. fordii*. Оба вида в благоприятных условиях вначале – на 4–5 году жизни – дают очень большие боковые побеги. Дерево может достигать высоты 40 метров. Сок его листьев ядовит, плоды могут вызвать смертельные отравления. Цветки обычно белые.

Масляное дерево (тунг)

В Западной Грузии для тунга наиболее близкие условия к местам его естественного произрастания. Но заняли посадки тунга площади, так же благоприятные и для цитрусовых. Это не вызвало доброго отношения к тунгу местного населения, которое должно было ухаживать за ним. В 1944 году в плантации «моего» совхоза тунги представляли собой деревья высотой около 10–15 метров. Их плоды размером с небольшой грецкий орех висят гроздьями на концах побегов. Рос тунг сравнительно недалеко от домов совхоза, но его плантации заросли кустами и высокой травой, где прекрасно себя чувствуют змеи – гадюки. А близость территории совхоза к Колхидской низменности способствует изобилию малярийных комаров.

В отношении питания я на свою зарплату могла покупать немного молока, кукурузу у местного населения, кое-что привезти из Анасеули. Еду готовили на керосинке прямо в комнате, где жили. Нельзя сказать, что я голодала, но недоедала – это факт.

Мои любимые горы были хорошо видны, но невысоки и покрыты зеленью, и чтобы увидеть именно «мои» горы, нужно было пойти в определенные места за поселком.

Таковы были условия моей жизни при работе с тунгом. Следует прибавить, что мне было 22 года и я была тогда блондинкой, так что и хозяйка моя (я к своему стыду теперь забыла ее имя), и грузинка, которую я уже упоминала, и Потапов (в более мягкой форме) говорили, что мне не следует встречаться с грузинами вдали от домов. Потапов меня навестил вскоре после моего обустройства и подарил бамбуковую палку со свинцовым наконечником со словами – «от всего черного» (подразумевая, видимо, змей всех пород).

Начало работы

Довольно долго я ходила к тунгам и смотрела на тунговые деревья «как баран на новые ворота»: никто мне не дал, так сказать, иного подхода. В конце первой недели мне стало тяжело. Я просто не понимала, как можно понять это проклятое дерево и что это значит – «понять». Такую безнадежную тоску от умственного бессилия усугублял вой шакалов, который раздавался по вечерам из низины, что отделяла совхоз от подъема в высокие горы. Порой у меня даже возникала мысль «смотреться отсюда».

Бродя между тунгами или сидя, пяля на них глаза, я даже плакала иногда. Но однажды забрела туда, откуда были видны «настоящие» горы – не зеленые. Там я села и разговаривала с этими близкими и дорогими мне по Памиру горами. И решила: чтобы разобраться в тунге, надо смотреть на него «изнутри», то есть залезть на него. Решила – и пошла просить управление совхоза сделать мне лесенку такой высоты (примерно метра 2), чтобы взбираться на тунг туда, где можно сесть на толстую ветку и рассматривать дерево из середины. Они сделали удобную лесенку. И вот в первые же дни, что я лазала внутрь тунга, я заметила, что ветви-побеги имеют какие-то сегменты, а потом заметила, что у ветвей есть периодические утолщения, которые я прозвала «блямбами». (Я их так называла даже потом, когда поняла, что они такое.) Мое плохое настроение как ветром сдуло: появились вопросы, а, следовательно, и путь к мыслям и целенаправленным наблюдениям.

Правда, деятельность ума вначале не давала никаких результатов из-за моих малых знаний в области строения крон и морфологии побегов у деревьев. Позднее, уже вернувшись в Москву, мы выяснили, что мало об этом знали не только мы. Основы строения крон деревьев и подход к их изучению оформился лишь в 50-х годах. А мне, чтобы ум заработал, нужны были факты – результаты наблюдений. Самым главным «открытием» было то, что у многих ветвей до цветения есть несколько таких сегментов. Вот тут – просветление – концевые границы сегмента указывают размер годового прироста! А еще знание из лекций Сабинина о тесной связи вегетативного и репродуктивного развития и что у ряда растений есть четкое число листьев на побеге до цветения – морфогенетический ряд – значит, надо

считать число листьев у ветвей с разным числом годового прироста. После многих подсчетов числа этих приростов в цветущей ветке удалось разобраться и в том, что такое «блямбы»: это место возникновения нескольких побегов с разной способностью дать больший или меньший прирост. И опять расчеты, наблюдения, чтобы, наконец, совсем нескоро и, конечно, благодаря наводящим вопросам Сабинина при моих «отчетах» во время его приездов – понять значение положение почек, дающих побеги с разной скоростью роста по отношению к земле. Наибольшая скорость роста – у плагиотропного побега, (возникающего из почки в самом низу прошлогоднего прироста). Все это нужно было тщательно проверить на разных ветвях и деревьях, что требовало много труда и времени, и, конечно, сравнить потом на тунгах другого возраста и других условий произрастания. Для этого надо было ездить в другие места выращивания тунга.

Так примерно шло мое исследование, такова его логика. Полученные результаты этой работы кратко (и плохо) изложены в 1957 году совместно с данными Ю.Л. Цельникер по цитрусовым. В этой статье мои материалы представлены согласно уже сложившимся тогда путям анализа кроны деревьев через выделение типов побегов. Таким путем шли, фактически разрабатывая его, и Дифа Цельникер, и я.

Окружение моей жизни

Между домом, в котором я жила, и помещением управления совхоза, была некоторая ровная площадка, где собиралась молодежь, где они пели и танцевали. Их пение меня очаровывало, а танцевать хотелось и самой.

Грузинский танец женщин исключает прыжки, притопы и другие резкие движения. Я иногда подходила к девушкам, которых уже видела раньше, и пыталась с ними танцевать. Они хорошо ко мне относились, но разговор мог быть только с одной – двумя: по-русски они, и молодые мужчины тоже, понимали только самые простые фразы. Мое время, конечно, отводилось тунгам, а не молодежи совхоза, и там мне встречать молодых мужчин не следовало. Поэтому, если я слышала или, сидя на тунге, видела идущих близко мужчин, я затаивалась на дереве или пряталась в траве и кустах – трава там выше метра. Так прятаться было небезопасно – не очень надежно, но главное – из-за змей. Их там была масса, и днем, когда тепло, они не столько ползают, сколько развешивают свое длинное тело по ветвям кустов и так пребывают в покое, если его не нарушать. Мне приходилось прятаться довольно редко: никто не бродил среди тунгов. Только через плантацию проходила тропа, и по ней, бывало, шли одиночки или 2 – 3 человека. Я научилась не пугать змей, прячась от людей – надо было раздвигать растения медленно, не делая резких движений. Змеи уползали, но некоторым было «лень», и они оставались лежать на ветвях растений в непосредственной близости от вползавшей в их царство меня. Но все же мне пришлось быть укушенной гадюкой, но об этом – после описания контактов с людьми. Еще один пример «контакта». После примерно месяца моей жизни в совхозе моя знакомая грузинка (я ее уже упоминала, имя забыла, кажется, Лиля) сказала, что я могу ходить где хочу и никого не бояться, так как один из совхозных ребят меня приметил и всем объявил, что я его невеста. Я не могла догадаться, кто это, ни с одним парнем я не говорила, кокетничать

с ними мне и в голову не приходило. Но Лиля (назовем ее так) сказала, что в следующее воскресенье она мне его покажет, хотя пока мне это знать не положено. Что и какое «пока», я не знаю, я уехала из этого совхоза так и не сказав с ним ни слова, хотя замечала, если встречались, парня, который на меня поглядывает. На плантации я все же продолжала прятаться от прохожих.

Был еще один случай, совсем другого рода. По дороге к тунгам я каждый день проходила мимо стоящего особняком дома с окруженным забором участком, где на крыльце иногда неподвижно сидел мужчина неопределенной наружности. Однажды вечером, когда я шла домой, он, увидев меня, подошел к калитке, протянул мне небольшой бумажный кулечек и сказал по-русски, но с каким-то акцентом: «Никому не показывай, не говори – делай как написано», – и ушел. В кулечке оказался аптечный пакетик с хиной. Конечно, не упоминая хину, я спросила мою хозяйку, что за дом с забором на моем пути. Оказалось, что это медпункт, и «медик» – немолодой одинокий еврей, который всех должен лечить, если к нему обратиться, что делалось очень редко. Поскольку близко рассадник малярии – Колхидская низменность, всем совхозным дают хинин, но настоящая хина на вес золота и о ней никто и не мечтает. С этим «медиком» у меня больше никакого общения не было, и он не двинулся, сидя на крыльце, когда я проходила мимо и сделала головой поклон.

Еще один контакт с местным населением инициировала я. Всем совхозным рабочим выделяют по карточкам хлеб, то есть лепешку из кукурузной муки под названием «мчадо». Я решила потребовать, чтобы давали и мне. Пришла на очередное собрание управления и попросила выслушать меня. Все там имеющие

еся чины сели за стол, а я стоя объяснила им, почему я здесь, что я делаю и как это важно и поэтому я считаю, что как и каждый член совхоза, имею право получать каждый день... и спутала слово «мчадо» с «чача» (что значит водка) и попросила чачи. Тут все чины стали умирать от смеха, хлопать по столу руками, пока председатель, говорящий по-русски, им на грузинском не объяснил мою ошибку. Смех стал не таким шумным и более благожелательным. Председатель сказал, что никто не возражает и мне будет паек «мчадо».

Совсем другая встреча с тамошним местным начальством произошла, когда ко мне в очередной раз приехали Сабинин и Потапов. Они привозили почту, а иногда забирали меня с собой в Анасеули, чтобы я могла помыться в более культурных условиях, чем таз в комнате. Путь до Анасеули – попуткой по шоссе, к которому несколько километров проезжей дороги от совхоза. Но в тот раз, что стоит описать, мы сначала ходили по тунговой плантации, и я им рассказывала то, что уже поняла про его рост и отвечала на их вопросы. Мы пошли к шоссе не как обычно по дороге, а по тропке, выходящей на шоссе довольно далеко от проезжего пути от совхоза. И вот когда мы вылезли из зарослей и преодолели канаву, у шоссе к нам подъехала попутная машина, хотя мы не голосовали и никаких знаков, что хотим ехать, не подавали. Из остановившейся машины вылезли два дядьки в какой-то форме и потребовали наши документы. Таковые оказались в виде какого-то удостоверения личности только у Сабинина. Прочтя бумажку и поглядев ее на свет, чины сказали, что мы должны сесть в машину (в кузов, конечно) и ехать с ними в районное отделение милиции в Махарадзе, чтобы удостоверить наши подозрительно шляющиеся

ся по лесу личности. Сабинин пытался отговориться, приводил факты, что он профессор из Москвы, но это только увеличило их подозрения, что мы жулики. Пришлось ехать. Правда, меня они отпустили проезжая Анасеули, а наши мужчины вернулись из Махарадзе только через час. В районном отделении милиции им объяснили причину их ареста тем, что рядовые блюстителя порядка просто не могут представить себе, что московские профессора лазают по лесам и канавам, и потому приняли их за подозрительных личностей.

Упомянув посещения «моего» совхоза Сабининым и Потаповым, я вспомнила два забавных случая. Один – это когда я ехала в Анасеули с посетившим меня Сабининым. Там от шоссе к объекту, где жили и работали наши москвичи, крутой, глинистый подъем. Дело было после дождя, и глина стала скользкой. И я, почти добравшись до верха, поскользнулась и быстро «поехала» вниз, издавая мое привычное восклицание «мяу-у». Увидев это, Сабинин сделал неаккуратный шаг, тоже полетел вниз и на середине, мне в унисон, тоже мяукнул очень смешно. Второй – это когда Потапов с самыми лучшими намерениями довел меня до слез. Он принес мне манную крупу и сухое молоко. Я обожаю молочную манную кашу, но в данном случае что-то задерживало меня, и кухарить – варить кашу взялся Потапов, сказав что он умеет. Сели за стол, он положил мне в тарелку кашу – и оказалась она вся бомбежками. Вот тут я не удержалась и от краха ожидаемой вкусоности расплакалась.

Когда мое изучение строения кроны тунга дошло до количественного этапа, то есть подсчета листьев на годовом приросте и числа этих приростов до цветения, я увлеклась, так как явно была видна необходи-

мость выполнения морфогенетического ряда листьев. Чтобы вести подсчеты, мне нужно было не только влезать на дерево, но и считать все у нижних побегов, стоя на лестнице. При этом я, конечно, тянулась к интересующему меня побегу, и однажды это кончилось тем, что моя легкая лестница свалилась – и я вместе с ней. Я не очень ушиблась, но выше щиколотки левой ноги была боль, и я увидела типичные следы укуса змеи. Саму змею я увидела, когда она выползала из-под упавшей лестницы. Что делать? Яд как-то отсасывают, но я не знала как это сделать и не могла достать ртом это место. Идти к этому неподвижному медику совхоза – он очевидно бессилен. Моя «хозяйка» в отъезде. Я решила идти к «нашим» – в Анасеули. Это по разным тропкам нужного направления километров 10–12. Схватив с собой рабочий дневник, я отправилась быстрым шагом. Ранка побаливала. Когда я на взгорках приостанавливалась и смотрела на ногу, вокруг укуса сначала было красное пятно, потом от него вверх потянулись какие-то сине-желтые бляхи. Я испугалась и больше решила не смотреть. Один раз глянула – тяжи удлинились. К нашим я пришла в их обеденное время и со словами «меня укусила змея», грохнулась на ближайшее сиденье и посмотрела на ногу. Она была белая с небольшим покраснением у ранки. Наши быстро нашли и привели врача. Посмотрев, он сказал, что я сделала то, что делают покусанные животные – быстро бегут – и это было самым правильным из всего возможного. Какую-то медицину он мне все же дал, но я уже практически спала на кровати кого-то из наших анасеульцев – и проспала до позднего вечера. Отдохнув у них несколько дней, я вернулась в «свой» совхоз продолжать работу.

Я пробыла в нем почти 3 месяца. За это время с одной из опасностей исследования тунга я справилась сама, а избежать других мне помогли знакомые и незнакомые люди разной национальности.

Кадорский совхоз

Поскольку в Джиханджурском совхозе тунги были все одного возраста и росли примерно в одинаковых условиях, было необходимо обследовать тунги в других местообитаниях. Первым из таких других был совхоз, расположенный на склонах Кадорского хребта. Мы добрались туда – я и Потапов – во второй половине дня. Нас приняла начальница – очень красивая еще молодая грузинка. Обговорив все деловое, она привела нас к себе домой, где угощала разной вкусной едой, а главное, живым и интересным разговором. Н.Г. увлекся беседой и, наверное, красотой хозяйки, а я ушла, сославшись на усталость в дороге. Комнатушка, которую нам предоставили, мне показалась пещерой – она вплотную прилегала к горе. В ней было три постели. Погуляв немного рядом, я легла спать на ближней к входу кровати. Сквозь сон слышала, как пришел Н.Г. с зажженной свечой и что-то сказал, кажется, удивился, что я уже сплю. Утром нас покормила пожилая грузинка. Кругом, ни накануне, ни утром, не видно было никого из местного населения. Оказалось, постройки совхоза – небольшие и немногочисленные – за поворотом гор, а тунги растут прямо от нашей комнаты-пещеры, и среди них на склоне проложена тропа, по которой мне к ним ходить, в другую сторону от поворота к жилью.

Н.Г. уехал почти сразу, а я пошла к тунгам. Они, бедные, так заросли аборигенами – деревьями и куста-

ми, что их сразу и не видно. Произрастая на довольно крутом склоне гор Кадорского хребта, тунги ветвились позже и по сравнению с джиханджурскими были как-то вытянуты вверх. Тропа между ними шла на одной высоте, и с нее можно было разобратсья в верхних побегах ниже растущих деревьев.

Здесьние тунги не слишком сильно отличались от «моих» по строению. Их ветвление было слабее: из «блямб» не выходило больше 3 побегов. Даже у главного побега до цветения проходило 2, а то и 3 годовых прироста. На боковых побегах приросты были слабые. Даже до точного сравнения подсчетом это свидетельствовало о слабом развитии здесьних деревьев. Очевидно, они были более угнетены, чем джиханджурские, на равнине.

Я пробыла в Кадорском совхозе около недели. Общалась только с кормившей меня пожилой грузинкой, даже через нее передала «до свидания, спасибо» красавице-начальнице. Но два впечатления от этого места остались на всю жизнь. Во-первых, это вид моря с гор. Его было видно с некоторых мест тропинки между тунгами. Увидев его, я не сразу поняла, что это море: казалось, яркая вертикальная синяя стена закрывала горизонт. Во-вторых – удивительная встреча. В один из дней моей работы был ночью сильный дождь. После дождя нежарко, и я пошла по тропе между тунгами довольно далеко от центра совхоза и моего ночного обиталища. Обсчитывала один из тех тунгов, ветви которого можно было рассматривать и описывать стоя – или сидя – на тропинке. Работа это тихая, так что я почти ничем не выдавала своего присутствия. Вдруг я услышала громкие звуки: явно кто-то сверху пробирался через заросли, возможно, на тропинку. Я очень

испугалась. Спрятаться там трудно – крутые склоны. Я просто совсем затаилась. А шум стал еще громче на минуту, а потом стал раздаваться снизу. Кто бы это ни был, он шел не ко мне, а просто спускался с горы. Постояв тихо – тихо еще немного, я пошла по направлению, откуда услышала шум. На ручейном аллювии были явные следы медведя. Ошибки быть не могло, я знала след медвежьих лап – это был он. Не почуяв меня, он спокойно пересек дорожку и повалил дальше вниз. По несколько примятым траве и кустам еще можно было угадать его путь в этих зарослях. Я собрала все свои рабочие пожитки и пошла «домой» не потому, что «а вдруг он вернется», а просто была очень взволнована этой реальной «невстречей» с живым диким медведем.

Итак, Кадорский совхоз дал мне не только подтверждение того, что я уже знала про тунги, но и незабвенный, больше никогда не встреченный мной вид моря в виде синей вертикальной стены и вид свежего следа прошедшего вблизи от меня медведя.

Безымянка

Следующее место моих свиданий с тунгом было около довольно большого поселка (его названия я, к сожалению, не помню). Тут были тунги разного возраста, и кроме *Aleurites cordata* был еще *A. fordii*. Молодые тунги позволили мне проверить возрастные изменения в числе и интенсивности ветвлений и образования цветков. Я строила эти изменения по деревьям большего возраста, у которых не всегда хорошо видны границы годовых приростов. Уточнение подтвердило, что главные возрастные изменения – это уменьшение длины завершённых побегов и увеличение числа побегов, в которых мор-

фогенетический ряд выполняется за несколько лет и в результате этого – задержка цветения. Здесь плантация тунгов была в большем порядке. Это давало еще возможность сравнить количественные показатели роста ветвей в разных условиях произрастания, что входило в задачи исследования. Что касается *A. fordii*, то оказалось, что у него на более слабых побегах образуются одиночные цветки. Кроме того, происходит опадение завязей.

Сабинин знал, что здесь проживает бывший сотрудник Н.И. Вавилова и, приехав, повел меня с ним повидаться. Он принял нас приветливо, состоялся долгий разговор, нас накормили обедом и когда мы сходили в управление совхозом, было принято решение, что я остаюсь здесь работать на ряд дней. Его жена давно потеряла левую руку, но предложила мне столоваться (обедать) у них. Для жилья совхоз предоставил мне одну из двух маленьких комнаток в небольшом домике на самом краю поселка. Пол этого домика был выше уровня земли примерно на 1 метр, комната выходила на большую крытую террасу, на которую вела лестница. В предоставленной мне комнате были стол, аккуратная постель и печка прямо у двери. Окно против двери выходило в дикие заросли. Такого хорошего жилья я и не ожидала. К плантации тунга нужно было ходить через центр поселка, где находилось правление, клуб и где всегда людно. Сабинин уехал поздно вечером. За этот день мы познакомились, т.е. поговорили с целым рядом лиц, как русских, так и грузин. Приходить мне от тунгов обедать после работы тоже нужно было через центр, так что кроме говоривших с Сабининым мужчин в возрасте, со мной познакомились и молодые парни. Я старалась их избегать. Девушки говорили по-русски хуже и их было немного.

Из интересных людей оказался пчеловод, уже молодой, русский. В те годы в пчеловодстве был перелом – переход к современным ульям – домикам с рамкой для сот внутри. Его приглашали качать мед пчеловоды соседних поселений. Как-то раз он пригласил меня пойти в одно село помогать – там, мол, хорошо накормят и дадут с собой меда. Еще он взял с собой грузинского парня, выздоравливавшего здесь у родных после ранения на фронте. Когда мы пришли в настоящее грузинское индивидуальное хозяйство, хозяйка сразу «взяла меня в руки», сказав: «Помогай будешь». И я оказалась девочкой на побегушках, но не на пчельнике, а дома, но это тоже было интересно. Хозяйка очень плохо знала русский язык, но ее команды и распоряжения я понимала. Вот только «мирные» южные пчелы больно кусались. Этого молодого парня как-то укусили сразу две пчелы в голову, и он упал в обморок. Моей обязанностью было все мыть в кухне и готовить посуду для меда, который откачивали мужчины на специальной центрифуге. Было интересно встретиться с бытом грузин «изнутри». Кормили меня действительно очень вкусно и сытно и дали меду с собой, что было важно при оскудевшим со временем моим обедом.

Я трудилась над своими тунгами и уставала. Чтобы избежать встречи с молодыми грузинами, изменила свой путь от тунгов после работы на обходной по боковым тропинкам. Но однажды двое парней решили навестить меня вечером в моем домике. Этого, конечно, следовало избегать. Услышав шаги на веранде, я выпрыгнула в окно в дикие заросли. А в следующий их приход я решила не рисковать с прыжками, а спрятаться в комнате. Печка стояла так, что почти касалась створки двери, когда дверь открывалась. Я придумала залезть на печку.

Тогда распахнувшие дверь увидят всю комнату, а меня на печке, за створкой двери, не видно. Это оказалось успешным способом «отвадить» ребят ходить ко мне. Они решили, что я по вечерам к кому-то хожу.

Об этом безымянном поселке у меня сохранилось светлое воспоминание. Мои заключения о росте и развитии тунга подтвердились, *A. fordii* меня как-то не заинтересовал: его отличия от *A. cordata* – мелкие и не меняют общую схему строения кроны. Оттуда я вернулась уже в «свой» совхоз, и вскоре поехала в свою последнюю тунговую точку.

Тунги Краснова

Последним местом моей жизни при работе с тунгом был одинокий дом, стоящий на совершенно пустом пляже так близко к морю, что при большой волне вода достигала его каменного фундамента. Дом, как и пляж, был пуст, лишь в том конце, что дальше от моря, в полуподвале жила грузинская семья. Привезли меня сюда на казенной машине (принадлежавшей, как и дом, ВНИИЧ и СК) для изучения старых тунгов, посаженных вдоль берега моря в начале века Красновым.

Дом, где мне предстояло жить, произвел на меня неизгладимое впечатление своим одиночеством, следами его прошлого и близостью моря. Внутри он представлял собой анфиладу комнат с небольшим залом в торце, обращенном к морю. Между комнатами были двери, они шевелились и поскрипывали от морского ветра, т.к. не все окна были целыми. Войдя в дом, я слушала эти звуки и рассматривала стены комнат. На них были явные следы стоявших здесь шкафов, столов, диванов, и кроме того, отпечатки висевших когда-то кар-

тин. В двух комнатах остались стоять книжный шкаф со сломанной дверцей и колченогий стол. Я заинтересовалась шкафом. Он был пуст, но за ним было набито много всякого бумажного и книги. Среди них оказался том Хемингуэя «Прощай, оружие», который тогда был в центре внимания читающей публики. Я им совершенно зачиталась, приходя от тунгов и в дождливые дни. В первой от входа комнате стояло приличное спальное место, наверное, поставленное для меня. Тут, в начале анфилады комнат, я и сбросила свои вещи.

Шофер уехал, с грузинками я познакомилась, пользуясь больше жестами, чем словами, и пошла смотреть тунги. Их несколько. В разреженном ряду такая типичная для тунга форма кроны не сохранилась – следы поломки и старости. Залезть на одного из них можно, хотя трудно и некрасиво. (Но тут рядом нет никого!) С земли видно, что самые старые ветви поломаны, а некоторые целые покрыты жесткой корой, как чешуей, придется лезть наверх. Я натащила кучу камней, чтобы было легче залезать, это требовало силы... Но увы! Свежих сил и утром не оказалось. К ночи усилился ветер. Как я ни пыталась заснуть, закрыть голову, все равно казалось, что от зала сюда кто-то идет, вернее, крадется, скрипнув то дверью, то полом. Я всегда страдала повышенным воображением, а тут ему было раздолье! К утру поднялись волны, и их шелест, который так любил Пушкин, создавал еще более «потусторонний» фон внутрикомнатным звукам. К тому же луна то пряталась за тучи, то ярко освещала пустоту комнат. Пришлось пытаться отоспаться днем. Только на четвертые сутки мне удалось поспать ночью. Но потом поднялась буря и мерные удары волн в фундамент дома вновь спровоцировали беспокойную ночь.

Что касается старых тунгов, то они вызвали у меня отношение как к старой бабке – трудно рассмотреть сквозь следы лет черты закономерного формирования их характерной и красивой кроны. Чтобы выискать эти черты, надо было лезть буквально в середину кроны, так что меня снизу вообще не было видно. Может быть, это было важно в одном случае. Обычно на этом пляже никогда никого не было. А в один «прекрасный день» мне сверху показалось, что кто-то идет в мою сторону вдоль самой кромки прилива. Через несколько минут стало ясно, что это мужчина, одет во все темное, с надвинутой на лицо шапкой. Лицо я не могла рассмотреть, потому что он все время смотрел на море. Конечно, я сидела на своем суку очень тихо пока пришелец не скрылся. Естественно, я вообразила, что это шпион – ведь в Черном море еще были немецкие подводные лодки. Расспросить моих грузинок не удалось – говорилось лишь одно: «никто ходи нету». Что касается подводных лодок, то я опять же с высоты дерева видела довольно далеко в море легко передвигающийся вдоль нашего берега объект. Мне показалось, что это перископ подводной лодки. И увидела я его всего через два дня после появления «шпиона». Конечно, я решила, что это была немецкая подводная лодка и что она либо высадила, либо подобрала шпиона на нашем безлюдном берегу. Когда я рассказала об этом эпизоде Сабину, он ответил, что это вполне могло быть на самом деле.

Со старым тунгом я возилась долго. Все же удалось удостовериться, что размер годового прироста падает с возрастом дерева. Это вообще не ново, но у очень молодых тунгов этот размер с годами возрастал. Для того уровня знаний о строении крон деревьев это было достаточно важное утверждение. Кроме того, эти высо-

кие старые деревья свидетельствовали, что в благоприятных условиях тунг может достигать больших размеров. Я покинула это место привидений и призраков, когда Сабинин повез нас всех в Сочи на плодоовощную станцию. А потом я отправилась домой.

Итоги и перспективы

Когда я приехала с Кавказа, передо мной встали две задачи. Во-первых, подвести итоги работы с тунгом. Это значит понять, что она дала для науки и что она дала для меня, написать подробный отчет и сделать на кафедре научный отчетный доклад, который может быть примут как дипломный. Во-вторых, догнать свой курс, чтобы вместе с ним сдать экзамены по предметам осеннего семестра и включиться в подготовку к выпускным. Не менее важным для меня было встретиться с друзьями, чтобы «отчитаться» о моих впечатлениях и приключениях во время тунговой эпопеи.

Наверное, сначала надо подвести итоги и уже потом специально рассказать о встречах с друзьями. В мои последние студенческие и в аспирантские годы большую роль в моей жизни играли памирские друзья.

Итак, научное значение проведенной мной работы с тунгом это небольшой, но все же вклад в познание строения древесных. Важные сведения об этом типе сложения дерева, количественно выраженные особенности его ветвления, необходимость выполнения морфологического ряда (числа листьев до цветения) – тоже дополнение к уже имеющимся немногочисленным данным других авторов об этом. Практический результат – это доказанный факт, что низкий урожай посевов тунга обусловлен подавлением его роста в плохих условиях плантации.

Я очень беспокоилась о том, как скажет об этом в своем отчете грузинам Сабинин. Просто сказать, что они виноваты, не ухаживали за тунгом – в то время было опасно. Но он облек этот вывод научными достижениями и условиями Кавказа, так что понять правду мог только и без того сведущий человек.

Что касается влияния на меня этой работы в этих условиях, то я чему-то научилась, победила трудности и стала уверенней в своих силах.

Но мое здоровье пострадало. Хина, по-видимому, спасла меня от малярии. Но у меня с детства был слабый «животик» (из-за перенесенной дизентерии плюс его испытания на трудфронте в эвакуации). А ела я на Кавказе, конечно, не то, что ему надо, а что есть. Так что я страдала и вернувшись домой. Да собственно и всю жизнь. Впоследствии, когда я ездила в командировки и по стране и за границу, я брала с собой маленькую электроплитку, кастрюльку и мешочек овсяной крупы. Бывало, что они были нужны.

Доклад по тунгу на кафедре получился удачным, было интересное обсуждение. Я даже подготовила кратко материалы для статьи, которая была опубликована в совместной с Дифинными данными о цитрусовых в Ботаническом журнале (1955 г.). Но с древесными я больше никогда не работала.

Выпускной экзамен по специальности я сдала хорошо, а камуфлет, который случился с экзаменом по тому предмету, который мы называли «марксизм-ленинизм», окончился благополучно, так что я поступила в аспирантуру и продолжала быть на кафедре Сабинина.

ТЕТРАДЬ ВОСЬМАЯ

АСПИРАНТУРА

Работа над диссертацией

Когда осенью 45-го года меня приняли в аспирантуру к Сабинину, встал вопрос, чем мне заниматься. Для Сабинина характерно давать аспирантские темы по самым новым еще почти не изученным вопросам физиологии, но таким, которые занимают в данное время его самого и он сам их разрабатывает. В конце 40-х годов Сабинин был увлечен проблемой структуры протоплазмы и роли нуклеотидов в клеточном метаболизме. Кроме того, Сабинин был одним из первых, кто поднял вопрос взаимосвязи отдельных процессов в жизнедеятельности клетки. Мне он дал тему именно этого направления – связь водного режима и дыхания. Согласно принятым тогда утверждениям Н.А. Максимова осмотическое давление было водоудерживающей силой клеток. Отдельные факты и наблюдения привели Сабинина к мысли, что у дыхания есть роль в удержании воды. Выявить и доказать это было моей темой. Надо добавить к этому, что педагогическим принципом

Сабинина было бросать щенка в воду, пусть выбирается сам. С этим принципом я в полной мере столкнулась в Грузии, но там был тунг, на который можно смотреть – и думать. А тут были выданы статьи, чтобы читать, и намечена схема опытов. А дальше «плыви сам».

Сабинин наметил следующее: дыхание подавлять окисью углерода (СО), которую простой химической реакцией умели получать на кафедре, и меня научили. Мерить дыхание нечем, значит – определять последствие СО на дыхание. Водоудерживающую силу начать мерить по количеству потерянной объектом воды, т.е. изменению сырого веса. Начальный объект – проростки злаков. В данной мне Сабининым литературе никаких опытов такого рода не было. Его идея о роли дыхания в удержании воды клетками базировалась на косвенных уликах и наблюдениях ряда авторов в работах с совсем иной целью. Я должна сделать обзорный доклад по литературе, искать в ней хотя бы похожие элементы моих опытов и – думать, думать.

Кроме работы над диссертацией аспиранты должны были посещать семинары и вести практические занятия по физиологии растений со студентами разных кафедр 3-го курса. Семинарами руководил Сабинин, докладчиками на них были не только сотрудники и ученики кафедры, но кандидаты и доктора из других институтов. Сабинин обычно спрашивал своих аспирантов, какие у них вопросы к докладчику. Поэтому к семинарам надо было готовиться. Дискуссии пришедших на семинар и заинтересованных темой, и особенно высказывания самого Сабинина были очень интересны. А чтобы вести малый практикум, аспирант сначала посещал занятия, которые вели ассистенты и доценты кафедры, а потом уже получал определенную группу

третьекурсников и вел их до зачета. Мне эта работа очень нравилась, хотя бывало, что, подготовившись недостаточно, получишь вопросы от студентов, на которые трудно ответить или даже ошибаешься в ответе.

О. А. Семихатова, МГУ, 1946 год. Работа над диссертацией

Итак, я начала читать литературу, которую дал профессор. Много не понимаю, прошусь к нему поговорить. Но так как темой моей диссертации он сам не жил, то постоянно забывал о моих просьбах «еще книг» и о вопросах. Согласившись на беседу, не приходил, книг не приносил. В моем дневнике часто: «Профессор опять обманул». Но я была «не очень кроткая девочка», поджидала его прихода на кафедру или на лекцию и «приставала». Это подчас сердило Д.А., и он мог сказать мне что-нибудь неприятное. Так что «дух» наших отношений за зиму

сильно изменился. Иногда Ольга Михайловна напоминала Сабинину обо мне и о моей теме, но серьезно помочь мне никто не мог – вопрос совершенно нов.

Летом 1946 года я начала опыты по действию СО на водоудерживающую силу проростков злаков. Много опытов, а результаты – сплошная пляска. Не удается вытянуть какую-то закономерность из-за полученного в опытах разброса результатов. Стала искать более подходящие объекты, включая одноклеточные. Но работа в этом направлении ничего не дала. Тогда я решила попытаться «высосать» какой-нибудь толк из бестолковых результатов. Чтобы перейти к количественному выражению водоудерживающей силы, просмотрела и продумала все имеющиеся у меня кривые потери воды разными объектами и нашла условия и расчеты показателя (ВУС) в относительных единицах. Способ получения его усредненной величины графически мне показал жених Майи Кедровой Герман, когда я им рассказала, чем занята.

Кроме того пришло в голову, как доказать, что объект жив после экспозиции в атмосфере СО – продлить опыт до периода репарации произошедшего изменения этого ВУС. Но результаты опытов это не объяснило.

Решилась поехать к биохимику Д.М. Михлину консультироваться по дыхательным ядам. Выяснилось, что низкая концентрация СО, используемая нами, на дыхание может не действовать.

Когда осенью Д.А. появился на кафедре, я отчиталась о проделанной работе. То, что я ездила к Михлину, ему не понравилось, а результаты опытов его озадачили и почти рассердили, заставив думать о моей диссертации. У аспирантов Сабинина не было легких тем диссертаций. В моей основными трудностями были, во-первых,

почти полное отсутствие предшествующей литературы из-за новизны темы, во-вторых – недостаточное знание физиологами специфики ингибиторов дыхания. В-третьих, на кафедре отсутствовала аппаратура для определения интенсивности дыхания, так что о влиянии экспозиции объекта в атмосфере СО приходилось судить по последствию яда. Обдумав создавшееся положение, Сабинин нашел пути продолжить диссертационную тему, ликвидировав эти недостатки. Он вскоре призвал меня и сказал, что «продает» меня профессору Северину, чтобы научиться измерять интенсивность дыхания и определять его реакцию на СО в наших опытах. (Северин – заведующий кафедрой биохимии и физиологии животных, поступать на которую я собиралась.) А после этого продолжить определения ВУС (за «выдумку» которого он меня похвалил), заменив действие окиси углерода на анаэробноз. Так довольно долго я работала на чужой теперь кафедре. Но на семинары и лекции Сабинина для 3 курса ходила, как и большинство «научников» его кафедры. В дневнике отмечены некоторые лекции как особенно интересные и блестящие по форме, например, лекция о росте растений.

На хорошо оборудованной кафедре Северина я научилась манометрии. Как метод для изучения дыхания она пленила меня на всю жизнь, и впоследствии манометрические аппараты – от упрощенных портативных до усложненных с освещением сосудиков для моей работы и моих ташкентских коллег конструировал Георгий Владимирович Аркадьев.

На кафедре Северина я провела две большие серии опытов. У листьев овса из первой серии СО стимулировала дыхание и снижала водоудерживающую силу, из второй – изменялась только скорость потери воды.

Стали разбираться с Д.А. в полученных результатах. Направление поиска причин различия данных указало то, что объект выращивался в разных условиях: в первой серии при хорошем освещении и оптимальной температуре, в значительно худших во второй. Чтобы выяснить, в чем различие их метаболизма, Д.А. предложил мне определить у них содержание общего и белкового азота. Последнего оказалось больше в объектах первой серии. Следовательно, связь дыхания и ВУС опосредована и зависит от содержания белка в клетках объекта. Чтобы доказать, что есть и прямая связь, заменили СО на атмосферу азота, меня перевели в Ботанический сад МГУ в комнату при небольшой оранжерее, где и выращивать объект – первые листья овса – и определять ВУС было лучше из-за благоприятных и постоянных условий. Там и проработала последнее лето аспирантуры и доказала, что последствие периода анаэробнобиоза снижало ВУС, а то, что лист не поврежден, доказывала микроскопия и, главное, обратимость воздействия. Я радовалась – идея Сабинина получила подтверждение.

Но его самого я обрадовать не могла: ему по более чем уважительной причине было не до меня. Время шло и все менялось. Лысенковские антинаучные облака сгустились в угрожающую тучу. В защиту от них науки шли семинары, доклады и конференции. Д.А. активно в них участвовал. Подготавливалось решающее лысенковское наступление. Оно состоялось в августе 1948 года. Обо всем этом теперь много написано, в том числе и в воспоминаниях Дифы Цельникер. Все это надо читать молодежи. Я здесь только упомяну то, что забыть невозможно – заседание на биофаке и нас, собравшихся в Ботаническом саду, когда стало известно

об изгнании Сабинина. Заседание вел А. Н. Несмеянов. Деканом биофака был уже Презент, а Юдинцев читал по бумажке, что в своей работе допускал ошибки. Сабинин попросил слова. Несмеянов пытался его удержать, но он стал спускаться с галерки зоологической аудитории и сразу заговорил, опровергая основные положения лысенковщины. Говорил логично и спокойно, только громче, чем читал лекции.

А в саду собрались, ожидая, что Д. А. придет, и кафедральные, и сотрудники сада, некоторых мы не знали. Д. А. пришел и стал рассказывать, как накануне из-за сильного ветра было трудно управлять яхтой. Ко мне подошел Потапов и стал что-то спрашивать, но Ольга Богдашевская взяла меня за руку и увела в сторону, сказав: «Молчи, щен! Большие псы не знают, как лаять». Дома в эти дни я была в полной подавленности, и даже мама не могла мне помочь, убеждая, что жизнь длинная и все еще переменится.

Срок моей аспирантуры кончился 1 сентября. Я завершила опыты и стала разбирать и убирать свое рабочее место в Саду и на кафедре. На кафедре народу мало, все какие-то молчаливые. 1 сентября на практикум пришли студенты – несколько групп с разных кафедр. Присутствовавшие ассистенты вести всех не могли. Доценты отсутствовали, их судьба была еще не решена, Дифу и Майю сократили. Я взяла сначала одну группу, потом вторую. Мне нравилось учить студентов, на кафедре «зава» нет, не допускать же неразбериху. Дома я начала возиться с диссертацией, раз в неделю приходила на кафедру и вела малый практикум, хотя официально я была никто. Так шло некоторое время. Потом сказали, что «завом» будет Б. А. Рубин. Однажды, когда я была со студентами, мне сказали, что при-

шел Рубин, сидит в кабинете Сабинина, разбирается, кто есть кто и просит меня зайти. Постучалась, вошла, стою (стул рядом). Рубин за столом Сабинина. Он сказал, что приглашает меня остаться работать преподавателем на кафедре, а с диссертацией он мне поможет. Я сказала спасибо, вышла и, взяв свои вещи, ушла с кафедры и долго на ней не бывала.

Пока Сабинин был в Москве, он сидел в университетской читалке, переводил для заработка какие-то книги по биологии. Я ходила к нему, говорила, что и как пишу (я в диссертации перевернула порядок работы, изложенный выше), спрашивала совета. Потом принесла описание методики, приняла его критику. (Саму диссертацию он не читал, я писала медленно.) Если Д.А. был в хорошем настроении, он встречал меня шуткой, например, с улыбкой: «Я вас ждал, потому что не хватило у меня воображения представить, что избавился от вас и вашей диссертации». Высказывания Д.А. по моей теме были нужны и очень полезны

О. Шмит устроил Сабинина на работу, на морскую опытную станцию под Геленджиком. Когда я виделась с Д.А. перед его отъездом, он верил, что морская станция будет развиваться, что все ему там обещанное – реально, очень звал меня там работать. Ольга Михайловна советовала мне принять это приглашение.

Друзья памирские

В студенческие и аспирантские годы на распределение моих сил, времени и на настроение, помимо главной роли учебы и труда, сильно влияли близкие друзья, в основном памирские. Первой из них появилась в Москве Ольга Николаевна и мы

конечно виделись. Событием было возвращение Заленских в Ленинград. Несколько часов между прибывшим из Ташкента и уходящим в Ленинград поездами они – О.В., Валя и младенец Андрей – были у нас. Сразу было видно, что Валя измучена многодневным пребыванием с маленьким ребенком в поезде. Мама была на работе, Миша в школе. Папа распорядился. Мне поручил помочь Вале отдохнуть, а сам отобрал у нее Андрея – тот сразу перестал хныкать – отнес его в свой кабинет, сел на диван и положил ребенка рядом с собой так, что папина большая теплая ладонь была у него под спиной. Ритмичные движения папиной руки быстро усыпили Андрея, и он спал долго, так что мы все, включая папу, сумели пообедать. Родители удивились, как это папе удалось. Я им сказала, что папу любят все дети и идут к нему на руки, несмотря на то, что у него усы, обычно пугающие младенцев.

После этого «проездного» пребывания в Москве О.В. специально приехал по делам в Президиум Академии наук. Он жил у нас и окружил меня таким вниманием – старался во всем угождать, даже помогал на кухне (вытирал посуду, когда я ее мыла). Я познакомила его с молодежью кафедры, представила Сабинину. О.В. рассказывал о Памире – о Биостанции и Саде (они зимовали у Гурского). Я старалась «угощать» О.В. Москвой: мы ходили по центру и Тимирязевке, вместе с Мишей провели его даже по нашему «большому маршруту» через лес до озера. Правда, О.В. предпочитал город. Я была занята экзаменами, но все же мы с ним и Мишей побывали в филармонии и еще (конечно без Миши) на концерте вернувшегося в Россию Вертинского. Об этом стоит вспомнить. Публика на этом концерте была вся из прошлого, много пожилых дам в

«устаревших» нарядах. Нам с О.В. даже казалось, что мы, молодые, здесь неуместны и до начала концерта спрятались на галерке. Манеры, жесты, содержание куплетов произвели на меня ужасающее впечатление – все это тогда мне было абсолютно чуждо.

О.В. познакомил меня, а потом – Машу, Риду, Майю, Дифу – с Яковом Евгеньевичем Элленгорном (потом просто Яшей). Как ученый-генетик он был уже известен, но вследствие рассеянного склероза был вынужден жить у родителей как инвалид. О.В. и Валя его хорошо знали. Я стала его посещать, и мы вели разные беседы – от ботаники до психологии. О.В. рассказал про него Сабинину, а я их потом познакомила.

Итогов пребывания О.В. в Москве в этот раз было несколько. Наиболее важным было то, что рассказы О.В. о Памире в плюс к моим (менее научным) заразили Сабинина Памиром, и он принял приглашение Заленского летом поехать в Чечекты. А Маша даже захотела на Памир работать (она только что закончила аспирантуру).

Когда О.В. уехал, я по нему скучала, и, хотя моя мама считала, что он уж слишком ухаживает за мной, я с радостью отвлекалась от чтения трудной и скучной литературы и попадала в его мир тепла, вызывающего веселое возбуждение и всякое приятное времяпрепровождение. Уезжая, О.В. пригласил меня на несколько дней съездить к ним, посмотреть Ленинград. Помню, Ленинград произвел на меня огромное впечатление. Он весь еще был в ранах от войны, даже на Невском проспекте остались огороженные заборами дома, жертвы бомбежки. «Но его площади и реки все равно говорили о его величии», – это я, вернувшись, написала в дневнике. В этот приезд в Ленинград я познакомилась у За-

ленских с Кириллом Владимировичем Станюковичем, которого на зимовке часто упоминали. Я узнала его, когда, возвратившись с прогулки (Заленские жили на ул. Желябова, 17), вошла в комнату, в которой он сидел на корточках у стены и нервно спорил с Зоей Петровной. Взглянув на меня, он продолжал спорить. К.В. был не первый только что пришедший с войны, кого я встречала, так что я понимала, что в основе этого спора больше нервов, чем смысла и решила его мирно окончить: села недалеко от К.В. и громко сказала: «Зоя Петровна, а я на стороне Кирилла». На мой голос вышел из другой комнаты О.В., конечно, с шуткой в мой адрес: «Вот уж не думал, что вы так легко измените Заленским». Дальше вечер прошел хорошо, я поговорила с К.В., мы познакомились, а в дальнейшем подружились, и в Чечектах с его стороны – даже с некоторым покровительством как старшего. (А вот с Машей Зайцевой они совсем не сошлись и иногда только что не дрались.) Вернулась я из Ленинграда полная впечатлений и пониманием того, почему моя мама очень любит этот город.

В зимние месяцы 45–46 годов я еще не вошла в свою диссертационную тему и увлекалась тем, что одна, или чаще с Мишей, ходила в театры и на концерты. Это, конечно, было отдыхом от напряженной зубрежки последних лет студенчества. Я часто бывала у тети Жени и у Ольги Николаевны – обе жили недалеко от университета. После концерта или длительного семинара на кафедре я иногда оставалась ночевать у Ольги Николаевны в ее просторной комнате в большом старинном доме. Она жила с сестрой, которая часто уезжала, и поэтому ее дом часто был местом встречи памирцев. Так, там я встретила с Гурским, он «зимовал» в Москве. Я пригласила его на кафедру

на мой отчетный доклад о тунге и на семинар с другой «древесной» темой. Мы вместе были на заседании Ботанического общества, когда приезжала Илария Алексеевна и делала там доклад. Гурский уговаривал меня не бросать заниматься древесными, а я писала ему «план» – что надо физиологу изучать у растений Сада в первую очередь.

Из других связанных с Памиром надо упомянуть А.В. Благовещенского. Он стал заведовать лабораторией физиологии в Москве в Главном Ботаническом саду. С ним мы виделись в ИФРе, когда там были интересные доклады. Он звал меня работать у него после аспирантуры, там было мало физиологов.

Но главное действующее лицо, конечно, О.В. Он приехал в Москву в марте 1946 года. Надо было организовать приглашение Сабина на Памир и оформить зачисление Маши на Биостанцию. Днем он занимался этими делами, а потом мы встречались у Ольги Николаевны, у Яши или О.В. приходил на кафедру (где я все еще пыталась найти подходящий для моих опытов объект) и, если заставал Сабина, беседовал с ним. Конечно, О.В. включился в мои походы в театры с Мишей или мы с О.В. одни отправлялись «шкалить» билеты. Ну и просто поговорить нам с О.В. всегда было о чем. Самым удивительным был его рассказ, что физики-атомщики строят стационар недалеко от Биостанции, что они бурят скважину, чтобы всегда была вода, и уже сделано вместилище для движка и к лету будет электричество. Говорили мы и о доме Заленских и о знакомых. Конечно, не обходилось без того, чтобы он читал стихи Гумилева и Пушкина и был мил и внимателен ко мне и говорил про меня, обычно за общим столом, какие-нибудь смешные и веселые глупости. Деловая

часть его приезда в Москву была успешно выполнена: Д.А. и Маша летом поедут в Чечекты, Д.А. – на три недели, так что посетит и Ботанический сад в Хороге, а Маша – на работу как сотрудница Биостанции. Итак, Маша устроена.

Сабинин всегда думал о том, где работать окончившим у него аспирантуру. В эти годы он обсуждал возможности Кольского Ботанического сада насчет единицы физиолога, продолжал контакты с Главчаем, выяснял, насколько реальны возникшие разговоры о работе русских физиологов в Гидробиологическом институте в Югославии в г. Сплит – это на Адриатическом море. Мне очень захотелось поехать в Югославию, но это не сбылось – изменились отношения между государствами. Новые возможности открыл приезд О.В. Для Маши Памир как место работы подходил, поскольку зимовка дома в Москве позволяла ей дописать диссертацию. Азия ее не пугала: ее отец Г.С. Зайцев (1887–1929) был известный специалист по хлопчатнику, работал в Узбекистане, там прошла часть Машиного детства. Когда Сабинин и Маша приехали с Памира, рассказы довольного поездкой Д.А. вызвали среди молодежи кафедры прямо «хлопанье крыльями» – «хочу на Памир»! Особенно хотели Дифа и Рита, а Д.А. тоже думал еще поехать и взять с собой Майю. Исполнение этих желаний зависело от О.В. как директора Биостанции. Все ждали его приезда.

Для меня весна и лето 46-го года – постепенное включение во все обязанности диссертанта: опыты с окисью углерода, а с первого сентября еще и подготовка к проведению малого практикума, посещение лекций и всех семинаров – на кафедре и по «марксизму-ленинизму» с обязательными докладами и, конечно, чтение

литературы. Постепенно делалось трудно выполнять за день все, что необходимо и что еще хочется. А дома тоже увеличилась нагрузка. Мама зимой или весной уезжала в санаторий в Кисловодск, демобилизовался Коля, приходили к нам друзья. Тем не менее я тоже ждала приезда О.В. Он был в Москве два раза – один проездом в Сталинабад, второй более длительный в марте 47 года. Мы с ним виделись и в первый приезд. Он был тогда каким-то усталым, а я – озабоченной результатами своих опытов, так что мы не очень развлекались. А в весенний приезд он предупредил меня, что очень, очень хочет поговорить – спокойно и обстоятельно. Для такой встречи он предложил свободное в ранние вечерние часы кафе на верхнем этаже Метрополя. Там оказалось уютно. Говорил больше О.В., рассказывал, как прошел год, говорил о физиках, о возможности благодаря их соседству применять новые методы, требующие электричества. Обсуждая планы работы на Биостанции, он сказал, что надеется «заполучить» еще физиолога. Как директор, полный разных забот Биостанции, он хотел иметь помощника для опытов по фотосинтезу. Поэтому попросил меня рассказать, чем занимались и занимаются сабининцы, желающие ехать на Памир и кто из них чем интересуется в физиологии растений. Я коротко рассказала что знала. Он думал о Дифе и сказал мне, что не понимает, зачем ей, имея возможность получить классическое образование на лучшей кафедре физиологии в России, ехать в трудные условия разбираться в растениях, о которых никто почти ничего не знает. Потом он это сказал и Дифе, и она рассердилась. Он не понял почему. Я объяснила – что он уже забыл романтический авантюризм молодости и потому не понимает Дифу.

Наша встреча в кафе Метрополя оставила очень приятное воспоминание. Может быть потому, что в этот приезд О.В. наши встречи потом не всегда удавались, и даже бывало, что я злилась на О.В. Не удавалось встретиться, когда у нас не совпадало свободное время. В этот приезд О.В. имел больше желаний и дел. Он хотел и должен был уделять внимание Маше и друзьям – здесь были Гурский, Яша, появились памирские физики, приятели и «деловые лица» по связи их стационара и Биостанции. К ним О.В. ездил в ФИАН или к некоторым заходил домой. А злилась я, если он сильно опаздывал, когда мы договаривались о встрече, особенно если он «застревал» у Маши. Я и показывала что злюсь, и это само было заметно. Он переживал и «старался исправиться». Поездка «кучи» сабининцев на Памир тоже меня волновала. Я понимала важность для Биостанции приезда Д.А. и работы там его учениц. Поэтому скрывала, что ревную Памир, боялась, что не поймут его сурового величия, а потом будут хвастаться, что, мол, были на Памире. Эти «отрицательные моменты моей души» были если не вызваны, то усилены усталостью. В дневнике в этот период стали появляться записи «устала», «болит голова», «утром с трудом встала». Поэтому и возникает всякая женская «бусорь». Но наши с О.В. отношения какими по сути были, такими и остались, а ход времени и обстановка меняли лишь соотношение составляющих этой сути.

Моя усталость была заметна и маме, и Ольге Михайловне: поздней весной меня отправили в университетский дом отдыха «Поречье» – это под Звенигородом, чудные места. Я там хорошо «очухалась». А ход времени изменил и возможности, и желания людей. Летом 47-го года поехала в Чечекты работать на Биостанцию

только Рита Тюрина. Дифа и Майя продолжили свои исследования на Кавказе по темам Главчая. Собранный ими материал лег в основу их кандидатских диссертаций. На Памир Дифа потом съездила сама как гостя. Устроилась на работу и Рида, что было особенно трудно, так как она была не москвичка, а значит, требовалось место, где дают жилье. Риду взял на работу А.В. Румянцев, известный специалист по цитологии животных (он был оппонентом ее диссертации), а впоследствии она стала ведущим специалистом по биохимии рака. Сабинин включился в попытки генетиков спасти науку от мракобесия (см. «О кафедре»).

Отдохнув и окрепнув в Поречье, я стала усиленно работать, ставить опыты в своей комнатке в университетском Ботаническом саду.

В 48-м году рано весной, отправляясь на Памир, О.В. и В.М. задержались на несколько дней в Москве. О.В. хотел поговорить о Памирской Биостанции с Президентом АН. При нашей встрече он спросил меня, как бы я отнеслась к возобновлению работы на Памире. Я ответила: «Не знаю, хочется чего-то нового». На что О.В. сказал фразу, сильно повлиявшую на мое «не знаю»: «Чечекты теперь новее многого нового». Мы сходили на концерт в филармонию, конечно, были у нас дома, и я с ними посетила Гурского и Лялю – в Болшево, в доме Лялиного отца генерала Конецкого. Было очень хорошо.

Но самое главное тогда, что О.В. сумел доказать Президенту АН важность исследования высокогорных растений Памира, и он выделил две единицы специально для работы на Биостанции. Но в этом может быть задержка во времени, так как Президент АН может дать единицы только в головной институт, а не в фи-

лиал. По просьбе О.В. он согласился направить единицы в БИН. Объясняя нам все это, О.В. сказал мне, что его мечта – чтобы одну из этих единиц заняла я, если соглашусь. И я согласилась, поскольку речь шла только о такой возможности. Мы договорились, что вернувшись с Памира, О.В. выяснит состояние этого вопроса и когда в БИНе уже будут оформлены 2 единицы от Президента со специальной целью исследования растений Памира, он известит меня.

До конца августа я продолжала опыты. Потом сплошная «лысенковщина». Срок моей аспирантуры кончился. Уйдя с кафедры после разговора с Рубиным, я сидела дома и хозяйничала. Когда пришла в себя после всех августовских потрясений, засела за диссертацию. Время от времени обдумывала, правильно ли поступила, решив ехать на Памир, советовалась с родителями. Они считали, что на важные шаги в жизни человек должен решаться сам и не давали мне советов, а только выясняли, почему я так решила.

С Заленским, когда он был в Чечектах и потом в Ленинграде (они вернулись домой самолетом, минуя Москву), общались по почте.

Перед ранним отъездом в Чечекты на сезон 1949 года О.В. сообщил мне, что все касающееся получения целевых единиц от Президента АН в БИНе уже оформлено, и он отдал в отдел кадров все мои координаты для зачисления именно меня. Теперь я должна сама ехать в Ленинград, оформляться, от БИНа получить пропуск на Памир и отправляться в Чечекты. Значит надо собираться и ехать.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЧЕЧЕКТЫ

Лето 1949 года

На Памире лето короткое, так что надо рано приехать в Чечекты, если надеешься там что-то сделать толковое. Значит – скорее ехать в Ленинград оформляться на президентскую единицу в БИНе. Возник вопрос, где там жить, пока все формальности сделаются. О.В. и Валя уехали на Памир, Зоя Петровна с Андреем – на даче. Папина сотрудница дала мне ключи от квартиры на 5 линии Васильевского острова, в которой никто не жил с начала блокады. Когда я очутилась одна в Ленинграде, впечатления от города и его жителей оказались иными, чем в мой приезд к Заленским в 1945 году. Более приятным было то, что на главных улицах следов блокады не видно. А люди мне показались более строгими и замкнутыми, чем москвичи. Эти их свойства я встретила и в БИНе. Опровергал мое мнение К.К. Полевицкий – отец Кота и Люси, моих школьных друзей, но ведь он москвич. Он принял меня очень приветливо, расспрашивал о работе, Кот провожал до «дома» (Люся была

в санатории). Но может быть, это мое мнение – результат двух неприятных моментов моих дней там.

Первый связан с жильем. Квартира показалась вполне жилой и даже не очень запущенной, пока я не легла спать. Я устроилась вполне удобно на диване, но не успела заснуть, как вспомнила ночевки на Западном Памире – все тело зачесалось. Когда я встала и зажгла свет, открывшийся вид стены за диваном позволил мне понять, что такое танковая атака. Стена шевелилась – по ней ползли к дивану тысячи насекомых! Я не сразу поняла, что это клопы – они были прозрачные! Пришлось собрать все кастрюли и банки в квартире, налить в каждую немного воды и поставить их под ножки трех стульев и табуретки, на которых я надеялась все же поспать. Но это удалось ненадолго. Голодавшие в течение стольких лет прозрачные «танки» пикировали, то есть сваливались с потолка на мое ложе. Каждую ночь моего пребывания я ставила стулья в разные места, включая прихожую – подальше от бывших жилых комнат.

Второе неприятное – это встреченная мной в БИНе «волынка» с оформлением моего зачисления и выдачи документа для пропуска на Памир. Когда я пришла в главный корпус – Гербарий – в дирекцию, мне сказали, что все сделает ученый секретарь института, сидящий в первой комнате дирекции. Им тогда был М.Э. Кирпичников. По-видимому, потому, что БИНу я была вовсе не нужна, он не торопился. Я приходила каждый день (раз пять), даже возненавидела путь от калитки Сада до лестницы в Гербарий, уходя по которому ни с чем я даже плакала. Вспомнила, что О.В. сказал: «если что», за помощью обратиться к Лавренко. Но когда я – стоя – объяснила, кто я и в чем у меня трудности, услышала, что на дирекцию он не воздействует и к моим делам отношения не имеет.

Когда бумажная канитель все же кончилась и я получила пропуск, я отправилась самолетом на Памир, не задерживаясь в Москве. В пути Москва – Ташкент в те годы самолеты делали остановки два раза, второй в районе пустыни. Пассажиры высаживались и шли довольно далеко от места посадки к домам аэродрома. Так как было лето и в самолете тепло, я пошла как была – в сарафанчике. Меня догнал один из пилотов, накинул мне на плечи какую-то куртку, по-видимому, мужскую, сказав: «Дура, укройся – обгоришь», и обогнал всю кучку пассажиров. Я отдала ему его робу в самолете со «спасибом». Он оказался уже немолодым мужчиной. Так меня опять, как раньше, в пути уберег Ангел-хранитель.

В Ташкенте я не задерживалась. Конечно, зашла в САГУ на кафедру. Галя в Кызылкумах, участвует в работах по укреплению песков, Аня, как и Андрей Васильевич, в Москве. Я тороплюсь в Чечекты. В Оше новшество: на Фабричной улице есть база памирских физиков, и ботаников они принимают почти как равные равных. Придя в ПАТУ искать машину, тоже обнаружила новости: через Памир ходят новые тяжелые грузовики фирмы (если не ошиблась) «Студебекер». В кабине одного такого отправилась в путь.

Едем быстро. Вот уже и горы, и подъем Чигирчик – узнаю запомнившиеся красивые места, еще подъем, и мы в зеленой Алайской долине. Заалайский хребет не повлиял ни на мое самочувствие, ни на звук мотора. Мы уже на большой высоте. После короткого отдыха – серьезные перевалы и между ними «Пустыня смерти» Маргансу. На этот раз в ней не было смерчей. Останавливались у заставы. Я вылезала из кабины аккуратно, чтобы не закружилась голова. Ничего, даже прошлась немного. Вечереет, вода в реке кажется действительно

темной. На пятитысячник – перевал Ак-Байтал – даже «студебекер» лез, судя по звуку, с напряжением. Еще терпения и будет видна Биостанция.

Хотя и говорил мне О.В., что Чечекты теперь другие, их вид меня поразил: недалеко от Биостанции вытянулось длинное светлое здание с какими-то сооружениями повыше, в окнах яркий свет, видны силуэты людей. Биостанция тоже изменилась. У левого дома прибавилась длина, между правым домом и длинным зданием физиков какое-то сооружение, издали не поняла – это скважина. И встретил меня новый состав ботаников: прибавилось мужского элемента – Кирилл Станюкович и его блондинистый сотрудник, Леня Сидоров. Несколько особняком от встречающих еще незнакомый молодой человек – это физик, свидетельство того, что между ботаниками и физиками хороший контакт. Среди женщин тоже было новое и приятное лицо – биохимика Розы Михайловны Рейнус. Еще из встречающих был большущий пес цвета колли, возможно потомок Репкиных щенков, его звали Басмач. Лошадей на Биостанции не было.

Жить меня приняли Маша и Рита в их комнату, одну из существовавших раньше, а накормила постоянная повариха и хозяйка столовой. Пробыла я на Памире в этот год с середины июля до конца октября.

Памирские физики

Летом 49-го и 50-го годов старых знакомых, военных и штатских на Памире не встретилось никого: кто ушел на фронт, как уходили и при нас, кто спустился в более благоприятные условия жизни. Даже о Чернышеве ничего не известно. А новые друзья это в основном физики-ядерщики из Физического института

АН в Москве, изучают космические лучи. Их научный глава – В.И. Векслер, приехавший первым еще в период организации стационара, начальник памирской группы в эти годы – Николай Алексеевич Добротин. Коллектив молодой, в нем больше мужчин, чем женщин. Мне сразу стало ясно, что между физиками и биологами не только дружеский контакт, но и деловые взаимоотношения. Биостанция помогала физикам организовать их стационар в Чечектах, потом снабжала сотрудников свежими корнеплодами (хоть и мелочь, но в условиях высокогорья весьма существенная). Что касается физиков, то я уже упоминала мечту О.В. освоить новейший метод исследования фотосинтеза. Ее осуществление обеспечили памирские физики.

В основе этого метода лежит определение количества радиоактивности, поглощенной растением при фотосинтезе из меченой по углероду углекислоты. Необходимый для этого счетчик сделали памирские физики (стандартных тогда еще не было). Остальные части аппаратуры – для введения $C^{14}O_2$, приготовления препаратов растений, листовую камеру – конструировали, уточняли, приспособляли к объекту все заинтересованные лица – и физиологи, и физики. Из физиков основную помощь оказал А.Л. Любимов. Назову еще тех, кто занимался этим долго и успешно, конечно в дружеском контакте с нами: это Виктор Леонидович Вознесенский, сотрудник физфака в САГУ, который даже изменил свою специальность. Он приезжал в Чечекты к жене Стеше и дочери Ленушке, вник в наши работы и понял, как велика в них роль физики. В дальнейшем он стал доктором биологических наук. Когда в Чечектах стали базироваться физики другого института (Курчатовского), один из них, Юрий Лукич

Соколов, стал изучать, параллельно со своей основной работой, влияние на горные растения ультрафиолета, то есть тоже включился в физиологию растений.

О. А. Семихатова, Чечекты, 1949 год. Определение фотосинтеза радиоактивным методом

Вернемся к тем, кого я встретила, появившись в Чечектах в середине июля 49-го года. Я быстро познакомилась со всеми и сразу подружилась с Наташей Биргер. Она высокая, стройная красавица и приветливая. Из других женщин не дружба, а просто доброе знакомство установилось с врачом – Асей, решительной хирургиней. Среди молодых мужчин, конечно, оказались несколько «располагающих» (по терминологии Плешко), у некоторых – взаимно. Назову, наверное, не всех, но основное ядро их команды – это Жора Жданов, Юра Зацепин, Алек Любимов, Миша Подгорецкий, Ося Розенталь, Сережа Словатинский. Это все молодые люди, с которыми мы почти ежедневно общались. Все, и физики и биологи, были заняты своей работой. Но бывали и праздники. Тогда устраивались танцы. В доме физиков

была большая комната, имелся патефон, и мы веселились. Такие сборища с танцами или просто за вкусным столом с вином случались и когда все вернулись в Москву. Нередко их «созывал» приезд О.В. Помню два таких: одно у Зацепиных, другое мы с Ритой организовали у нас дома (мама и папа уезжали к друзьям или к дяде Боре – чтобы нам не мешать). Еще был Леня Сухов, он знал всех памирских физиков и О.В., у него тоже собирались, и Маша приезжала вместе с О.В. или по его приглашению. Когда во время моего прошлого бытия на Памире в Мургабе были танцы, я не танцевала. А здесь меня научил Юра Сташков – физик из Ташкента, работавший с москвичами. Это был необычный мужчина: куда бы он ни пришел, он прежде всего спрашивал, что надо сделать, кому помочь. Нам, трем биологичкам, он помогал с печкой – выгребал и уносил золу, приносил терескен. Я с ним очень подружилась, встречалась потом много раз и в Москве и в Ташкенте. Как-то, навестив меня в Москве, он поразил мою маму – сразу нашел чем ей помочь (вынес ведро с мусором). Меня в нем подкупало то, что он понимал красоту Памира. Помню (это было позже), как во время поездки в Хорог мы с ним сидели в Ботаническом саду на краю обрыва и любовались видом лежащей внизу долины и замыкающими ее горами.

Из первых лет моего пребывания на Памире как сотрудницы БИНа в памяти – события, связанные с Басмачом и со звездами. Про Басмача чечектинцы знали, что он сам пришел на Биостанцию уже взрослым большим псом. Один глаз был у него ранен. Ася говорила, что поврежденный глаз надо удалить, иначе пес ослепнет, и она может и готова это сделать. Рита и Маша колебались, мой приезд решил дело. Мы с Ритой устроили в ее лаборатории хирургический кабинет с большим

столом у окна, Ася рассказала весь ход операции. Машу мы оставили в стороне на тот случай, если нас двоих пес возненавидит. Мы подняли пса на стол, уложили и привязали. Надели ему на нос банку с хлороформом на указанное Асей время, чтобы он заснул. Он дрожал, но совсем не сопротивлялся, наверное, понимая, что все это для лечения его больного глаза. Я держала привязанные лапы пса. Операция была недолгой. Морду ему забинтовали, и его, сонного, положили на полу под чем-то теплым. Я осталась ждать его пробуждения. Все прошло хорошо. Пес скоро понял, что его, забинтованного, жалеют, дают ему вкусности, и он стал специально попадаться на глаза физикам, чтобы получить кусочек мяса, конфету и ласку. Но скоро повязку можно было снять.

Воспоминание со звездами касается меня. Его стоит написать для назидания другим. На Памире в какие-то дни падают звезды, очень яркие на фоне чистого темного неба. Как-то в один из таких дней я шла по долине с Алеком Любимовым и Мишей Подгорецким. Мне Миша нравился, и, конечно, хотелось, чтобы я нравилась ему, но ни сил, ни времени, ни охоты добиваться этого не было. А тут летят звезды. Я вспомнила русское поверье, что, если успеешь шепнуть желание, пока звезда летит, оно исполнится, и в душе шепнула свое очередной звезде, над собой усмехнувшись. Но вскоре у меня в лаборатории без всяких видимых дел стал появляться Алек. Он говорил, что хочет отдохнуть от работы в их лаборатории, а у меня тихо, манометрический аппарат не шумит, в комнате можно посидеть или даже полулечь удобно. Я скоро поняла, что неточно сформулировала звезде свое желание, торопясь его подумать, пока она летит. Может быть, всезнающая звезда решила, что имя Алек мне ближе, раз есть друг Алька. Но Любимов был

совсем другой человек, темы его разговоров были мне новы, взгляды на многое оригинальны. Это меня привлекало, и с ним было приятно и интересно. Когда все приехали в Москву, мы встречались на общих сборищах или он приезжал в Тимирязевку. Вот только по телефону с ним поговорить было невозможно: когда отвечала на звонок его соседка, а я просила позвать к телефону Алека Любимова, она говорила, что у них Алеков два, оба любимые и вешала трубку. Тем не менее, мы встречались до тех пор, пока я не стала ленинградкой и нас просто разлучило время.

Лето 1950 года

Как и прошлое, это лето было без весны из-за позднего приезда в Чечекты. Внимание весне было уделено в следующие сезоны – я ездила на Памир еще 4 года (мерила дыхание выращиваемых и аборигенных растений). В том году некоторых упомянутых выше физиков, включая Любимова, на Памире не было. Работы было много, для отдыха ездили небольшой группой (я, Рита, Сташков и др.) на несколько дней в Хорог. Умели мы и веселиться, например, сочинять смешные стихи вроде ставшего у памирцев известным «Сначала было пусто, стояло много гор». Его автором в воспоминаниях Дифы Цельникер ошибочно назван О.В., но это коллективное творчество, с участием О.В., Станюковича и всех нас, придумывавших рифмы.

А главным было то, что в это лето мы уже делали пробные определения фотосинтеза с помощью C^{14} , а в 51 году уже применяли разработанный метод в своем плановом исследовании фотосинтеза памирских растений. Это первое в нашей стране, а, может быть, в мире

применение меченого углерода C^{14} в сложных условиях естественно произрастающих растений.

Усовершенствованием и уточнением этого метода занимались еще долго. В какой-то мере участвовала в этом и я. Чтобы похвастаться, приведу одно введенное мной усовершенствование, которое возникло как результат моей ссоры с Ритой. Дело в том, что при первой «конструкции» метод определения фотосинтеза требовал участия двух человек, так как ток меченой $C^{14}O_2$ создавали грушей. Я надеялась на Риту, но она планировала другое и отказалась. Я очень хотела провести свой опыт и со злости поняла, что для создания тока $C^{14}O_2$ можно применить, как в методе Рихтера, мне знакомом, респирометр в виде большой бутылки. Это понравилось всем, и на многих фотографиях разработанного на Памире метода измерения фотосинтеза с C^{14} видны две большие бутылки – газгольдер с C^{14} и респирометр. Так было, пока Юрий Лукич не сделал для нас специальный насос.

В этом году мы с Ритой задержались на Памире долго, а очень хотелось быть в Москве к 7 ноября. Как это удалось, стоит описать. Приехали в Ташкент, а тут, как назло, погода нелетная и все рейсы отменены. Мы ходили во все инстанции, куда даже проникнуть трудно, чтобы узнать, нет ли в аэропорту какого-нибудь не ташкентского самолета, который все же полетит. Над нами сжалился один военный и показал грузовой самолет, летчики которого были московские, тоже хотели попасть домой на праздники и собирались вылететь после обеда. Мы кинулись к пилотам, нарушив все запреты выхода на летное поле, и умолили летчиков – их было двое – нас взять. Самолет небольшой, грузовой, но без груза. Один пилот, старший (но молодой) склонялся нас взять, но спросил, не укачивает ли нас. Ритуся не

моргнув глазом уверила, что нет, хотя меня укачивает до рвоты. Никаких сидений в самолете не было. Когда мы сбегали за вещами, пилоты нас «погрузили» – помогли влезть в кузов самолета, настелили на пол все мешки какие нашлись, сверху расправили свои кожанки и нас в них завернули! Рита мне показала кулак, но лежа меня не только не тошнило, а даже не укачало, хотя небольшой самолет качало сильно. После посадки в Москве на неизвестном нам аэродроме летчики нас «распеленали» из своих кожанок, помогли вылезти на землю, и один проводил до края аэродрома, чтобы нас не поймали там, где ходить не положено. Расставаясь, мы сказали летчикам «большое спасибо». Так мы оказались в Москве к 7 ноября.

Но я оставалась дома недолго, правда, приезжала из Ленинграда на новый 1951-й год и еще задержалась на неделю перед ранним в этом году отлетом на Памир. Могла бы, как в прошлом году, остаться в Москве до Нового года – О.В., наверное, разрешил бы, если бы я попросила. Формально я сотрудник лаборатории БИНа, где заведующая Варвара Александровна Бриллиант – мой начальник. Но В.А. справедливо считала, что мой начальник – директор Биостанции и потому не интересовалась, на Памире я или в Москве. А быстро я уехала из Москвы потому, что изменилось мое отношение к БИНу. Год тому назад, когда я только оформлялась, он показался мне холодным и чуждым. Но после весны (которую опишем ниже) у меня появилось чувство, что меня приняли в коллектив, а каждый коллектив требует от своих членов участия в его делах (во всяком случае в мое время так верили). А это значит, что я должна активно участвовать в семинарах и заседаниях и делать что могу, если поручат.

ДЕЛАЮСЬ БИНОВКОЙ

Весна в Ленинграде

Спустилась я с Памира в 49-м году к началу ноября. О.В. сказал, что я могу еще не «отсвечивать» в БИНе и остаться в Москве, чтобы писать автореферат диссертации, а новый 50-й год встретить у них, захватив и несколько дней новогодних праздников. Я так и сделала. Встреча новой половины XX столетия была приятной и веселой. Я жила у Заленских. В Ленинграде была Стеша, остановившаяся у Розы Рейнус. Мужчины – друзья О.В., среди них Станюкевич. Еще был бывший памирец Тадик Кишковский, раздражавший меня подчеркнуто «аристократическими» манерами и избыточным ко мне вниманием. Было хорошо все несколько дней.

На длительный срок в Ленинград я приехала в феврале. Появиться в БИНе было необходимо главным образом из-за диссертации. Мне надо было показать О.В. автореферат и чтобы он помог с подготовкой доклада. А я ему была нужна, чтобы «причесать» годовые отчеты сотрудников Биостанции и помочь ра-

зобратся в механизме фотосинтеза. Конечно же, еще надо было представиться физиологам БИНа.

Я сняла комнату (одну из двух в квартире на третьем этаже у симпатичной пары хозяев) в соседнем доме с тем, где жили Заленские. Сама комнатка была чистой и приличной, окно – в типичный ленинградский двор-колодец. Входить в квартиру можно было и по общей «чистой» лестнице, и по черной. Мне дали ключи от черной. Я потом выяснила, что эта лестница была типичной для многих ленинградских квартир того времени. Ее нельзя было назвать чистой. Сильный запах кошек, из дверей кухонь тянет луком и треской, весной все пропитано запахом корюшки. Когда я шла по этой лестнице первый раз, меня она как-то даже оскорбляла (вот набалована хорошим!). Еще отмечу: после 10 вечера у ворот во двор стоял дворник в фартуке. В мой первый приход он спросил, кто я и проводил до хозяев, чтобы те подтвердили. Если поздно идешь по улице, то видишь стоящих у каждых ворот дворников (я иногда возвращалась от Заленских в 12-м часу). Приезжая с отчетом и планами, Ритуся жила у меня. Наиболее обычные мои дни – это работа у О.В. и с О.В. по отчетам, или говорили о дыхании и о моем докладе – особенно о введении и иллюстрациях. Я чертила для О.В. схемы фотосинтеза в том виде, какой представляла себе по литературе. Почему-то мы рисовали крупные схемы, расстелив бумагу на полу комнаты З.П. По вечерам я посещала Полевицких, иногда гуляла по красивым местам города с О.В., что не очень нравилось Вале, или засиживалась у Заленских и если не очень долго – прогуливала Андрейку. В одну из таких прогулок случилось необычное. Мы возвращались с Дворцовой площади и шли вдоль стены Главного Штаба. Подходили

к закрытым воротам, у которых стоял часовой. И вдруг этот часовой кинулся к нам и прижал нас с Андреем к стене здания. Одновременно с этим раздался звук чего-то падающего, рассыпающегося. Это часовой заметил (или услышал звук от образования трещины), что обваливается большой кусок карниза здания Штаба. Кирпичи упали совсем рядом с нами на середину тротуара, так что часовой, может быть, спас нас!

В майские дни у меня была радость: на три дня приехал Миша. Со мной или один он ходил, знакомился с городом. Благодаря близости наших жилищ ко мне часто забегали или заходили Валя и О.В., а потом и некоторые его гости, часто Аркадьев. Он или оставался на чашку чая или уводил меня куда-нибудь – в музей или театр. Я с ним познакомилась, конечно, у Заленских. Пришла с прогулки, слышу голос З.П. и говорю (еще в «прихожей», отгороженном от столовой закутке), что замерзла, потому что у меня в чулке на пятке дырка, а входя в столовую, замечаю за столом незнакомого человека. Это главный художник БИНа Георгий Владимирович Аркадьев. Он мне сразу как-то особенно понравился.

Представиться физиологам БИНа я пошла в первые же дни моего приезда. Их отдел был в здании под названием «Экология». (На территории Ботанического сада было 6 каменных и полукаменных домов и 5 деревянных. В деревянных жили сотрудники Сада и оранжерей. В каменном, что на улице Попова, где была раньше квартира Комарова, жили в основном ведущие ботаники.) Здание Экологии наиболее удалено от входа в Сад, его окна выходят на Малую Неву. Заведующая лабораторией Варвара Александровна Бриллиант приняла меня так радушно, что я даже поколебалась в своем представлении, что ленинградцы холодны. В отделе

несколько направлений работ, исследованиями минерального питания растений руководил М.Я. Школьник. Несколько человек занимались многолетними травами – влиянием на них условий выращивания. Мне эти работы, когда я познакомилась с ними, показались ближе тематике ВИРа, чем к наследию В.Н. Любименко. Покой и прорастание семян изучала М.Г. Николаева. (Исследования сотрудников отдела отражены в 4-й серии ежегодника «Экспериментальная ботаника».) Нам, конечно, наиболее близки руководимые Варварой Александровной работы по фотосинтезу. Они верны эколого-физиологическому направлению Любименко.

В моем дневнике тех лет есть записи впечатлений о фотосинтетиках. Варвара Александровна – небольшого роста седая пожилая дама – вызывала большое уважение своими словами и действиями. Елена Яковлевна Ермолаева приветливо приняла меня и рассказала о своей работе. Елена Алексеевна Мухина должна определять фотосинтез манометрическим методом Варбурга. Имя Давида Осиповича Сапожникова как серьезного исследователя пигментов пластид я знала по литературе. Но в первые недели моего появления он вел себя совершенно несерьезно: почему-то хотел меня поцеловать (может быть, это обряд встречи с новенькой?). Но это осуществить ему было непросто – я выше его ростом на голову и не имела соответствующего желания. После двух-трех неудачных попыток в коридоре отдела он стал подлавливать меня на внутренней лестнице между 1 и 2 этажом, но и тут не удалось. Когда я рассказала это своим, было много смеха.

Елена Яковлевна в дальнейшем сыграла важную для меня роль тем, что привела свою невестку Ольгу Юдину еще студенткой в нашу лабораторию работать со

мой, и наше сотрудничество, перешедшее в последние года в дружбу, продолжается до сих пор. Из сотрудников отдела других направлений исследования меня сразу заинтересовала Марьяна Георгиевна Николаева. Она чем-то напоминала Ольгу Богдашевскую из Ботанического сада МГУ и была знакома с О.В. и Валей. Она меня поразила тем, что имея чин и возраст выше моих, как-то подошла ко мне и спросила что-то по дыханию растений, что она не поняла читая. Так обычно не поступают ученые в чинах. Мы с М.Г. быстро подружились на всю жизнь.

Вернемся к работе. Я очень обрадовалась, когда узнала, что у фотосинтетиков есть заграничный манометрический прибор Варбурга. Правда, я быстро поняла, что Мухина слабо разбирается в манометрии, и сразу сказала Варваре Александровне, что с удовольствием в этом помогу. Может быть, поэтому мне выделили стол с тумбами именно в «манометрической» комнате. Но приходила я сюда, как правило, только во второй половине дня, чтобы помочь Мухиной освоиться с прибором Варбурга. Моя главная работа днем была связана с диссертацией, и я занималась, сидя в Гербарии, или была у О.В.

Защита диссертации

Сабинин, когда звал меня в Геленджик, говорил, что работу над диссертацией надо бросить, так как защитить ее безнадежно. Но за длинные зимние месяцы я все же написала ее. Встал вопрос, где ее защищать. В Москве нечего было и думать. Решила показать ее С.Д. Львову, чтобы, может быть, защитить в ЛГУ. Как только приехала в Ленинград, отвезла ее на биофак ЛГУ и отдала Львову.

Опережая события, сразу расскажу, что из этого вышло. Стала звонить Львову, чтобы договориться, когда мне прийти за его ответом на мой вопрос о защите в ЛГУ. Он долго «вопынил», не хотел встречаться со мной, но когда я его все же «засекла», посоветовал с защитой подождать, раз такая явная сабинянка, мол, со временем все будет не так остро. От Львова я пришла к О.В. расстроенная, не зная, что сделать. На что О.В. отреагировал решительно: пошел в БИН и поговорил там, рассказал о положении с защитой – теперь их сотрудницы, и о содержании диссертации. Ее приняли к защите и, как возможному оппоненту, послали Михлину. А тот в заключение своего положительного отзыва написал, что надо голосовать «за» даже только потому, что работа посвящена дыханию, которым мало кто занимался, хотя это основной процесс жизнедеятельности. Защиту назначили на 7 июля.

На предзащитном докладе в конце мая от физиологов я получила много полезных вопросов и замечаний.

Защиты диссертаций в БИНе проводились в зале ученого совета в главном здании, где гербарий и дирекция (тогда). Огромное окно этого зала – над колоннадой входа, а все стены заставлены шкапами с гербарием, отчего акустика плохая. Меня попросили говорить громко. Чтобы представить мою оценку защиты, приведу цитату из дневника: «Я кандидат наук – во! Защитила таки – и не как-нибудь формально и скучно, а можно сказать здорово. Весь зал внимательно слушал, потом все меня поздравляли». После защиты – торжественный обед с шампанским у Заленских (готовила З.П.)

К теме своей диссертации я никогда не возвращалась, а дыхание растений стало объектом моих исследований на всю жизнь – это от Сабинина.

Интересно отметить, что нигде в дневнике не упоминается, как я была на защите одета. Очевидно, в те годы это ничего не значило. А через 20 лет при защите моей докторской диссертации в ИФРе я специально заказала портнихе строгое темно-зеленое платье из креп-дешина, а перед защитой, когда я шла в зал, директор ИФРа, он же председатель совета А.Л. Курсанов специально меня остановил, сказав: «Покажитесь», внимательно оглядел, заметил брошку и все одобрил.

Покончив со всеми формальностями – их тогда было в тысячу раз меньше, чем теперь – я поехала в Москву, а потом на Памир. В день отъезда из Ленинграда утром ко мне зашел О.В., сказал, что ему жалко, что я уезжаю и просил поскорее приехать в Чечекты, куда он сам на днях улетал самолетом.

У меня в дневнике написано, что эти четыре с половиной месяца в Ленинграде были самой счастливой весной в моей жизни. Я жила в замечательном городе, была в интересном обществе, членам которого я тоже была интересна, защитила диссертацию, встретила Георгия, и, конечно, О.В., с его вниманием, помощью и перспективой интересной работы с дыханием и с методом С¹⁴ на Памире.

Закрепление пройденного пути

Возникшее у меня чувство, что «я биновка», вскоре получило вполне официальное подтверждение в 52-м году, когда сменился президент Академии Наук. Новый поинтересовался, что такое две какие-то целевые памирские единицы, и решил просто отдать их БИНу – пусть сами разбираются, что с ними делать. Директором БИНа тогда был физиолог В.Ф. Купревич. Меня и «мою» еди-

ницу он просто взял в штат, сняв с нее все пышные прилагательные. Так я стала обычным сотрудником БИНа.

О. А. Семихатова со своим мужем Г. В. Аркадьевым

О. А. Семихатова у здания Гербария Петербургского Ботанического сада

А дальше – более того: я вышла замуж за «биновца» – Георгия Владимировича Аркадьева, и жили мы в «доме ботаников» (улица Попова, 2), построенном специально для сотрудников в 1913 году. В этом доме все старые многокомнатные квартиры были разделены на много плохих маленьких коммуналок. В одной такой мы жили 20 лет с другой семьей ботаников без ванны и с темной кухней, отделенной от нашей большой комнаты дощатой стеной – жили дружно, гостеприимно и весело. А когда Г.В. закончил оформление удивительного зала Ботанического музея, в котором он сумел представить однообразный и даже скучный ботанический материал не только разнообразным, но и красивым, а я защитила докторскую диссертацию, нам дали в том же доме просторную и удобную квартиру со всеми удобствами (правда холодную), где я живу до сих пор.

Вместо заключения

Директор БИНа, физиолог по специальности, хорошо понимал, как важно для института применение новейших методик исследований, и знал, что Заленский на Памире уже использует меченые атомы для определений фотосинтеза, который изучают и биновцы. Поэтому на вторую «президентскую» единицу он пригласил О.В., конечно, мечтавшего работать в БИНе.

Обязанностью Заленского было организовать в БИНе лабораторию с использованием радиоактивных методов, и я – первая ее сотрудница. В 2012 году я написала историю возникновения этой лаборатории (Бот. Журнал, Т. 97, № 8). Здесь приведу описание первых шагов ее организации из этой статьи.

«В те годы, когда последствия войны и блокады были еще не полностью ликвидированы, найти в БИНе подходящее для радиоактивной лаборатории отдельное помещение было очень непросто. Возможным было занять полупустую комнату на цокольном этаже здания спортивного отдела (корпус №13). Чтобы проникнуть в нее, В.Ф. Купревичу, О.В. Заленскому и О.А. Семихатовой пришлось пролезть через разлом в стене, разделяющей здание и примыкающую к нему разрушенную войной оранжерею. Это оказалась комната с отгороженной узкой длинной частью и двумя закутками, один из которых можно было превратить во вход с крошечной прихожей. Положительно было только то, что имелась перспектива увеличения площади лаборатории за счет других комнат цокольного этажа, занятых кладовками и жильем. Осмотр привел к заключению, что после серьезного ремонта это помещение подойдет для лаборатории.

Можно отметить, что осуществление этой перспективы через несколько лет привело к тому, что Лаборатория получила Nickname «Проспект Заленского», что вход в нее был сделан через вестибюль всего здания спортивного отдела, а от заказанной в 1952 году мебели остались две высокие, рассчитанные О.А. Семихатовой на ее рост, табуретки, которые служат антиквариатом, но все же несут и свои прямые обязанности».

Действительно, не прошло и десятка лет, как из этого «зернышка» выросла лаборатория не только нормального размера и вида, но и уже известная как центр изучения экологической физиологии новейшими экспериментальными методами.

Поскольку в этой руководимой О.В. Заленским лаборатории я проработала большую часть своей жиз-

ни и поддерживаю отношения с ее бывшими и нынешними сотрудниками, позволю себе привести оценку лаборатории и ее «духа» из той же статьи (причем все в ней сказанное – это факты, подтвержденные документами и публикациями).

«Олегу Вячеславовичу и руководимой им лаборатории посвящен ряд очерков и подробных статей. В них показаны большие научные достижения проведенных в этой лаборатории работ, ее известность и авторитет среди физиологов мира. Отмечено даже, что ее посещали ученые с мировыми именами, что ее сотрудники и сам О.В. Заленский воспитали не только кандидатов наук, но и докторов и ведущих ученых. Всегда отмечают, что эту лабораторию характеризовал дух товарищества, коллективизма и в творчестве, и в повседневных заботах жизни и труда».

Этой цитатой я хочу утвердить все описанные здесь мои поступки и решения, сделавшие меня ленинградкой. Со временем все меняется, изменились отношения между людьми, изменился и БИН, так что теперь я чувствую себя скорее не биновкой, а именно ленинградкой. И за старую ленинградку меня и принимают, когда встречаются на улице, бредущую с палкой, и мне это приятно, хотя треть моей жизни была в Москве, а в душе есть уголок, считающий, что я – памирка.

Вот теперь все. Остальное про меня можно найти как про всех – в Интернете.

О. А. Семихатова

Как я стала ленинградкой
ВОСПОМИНАНИЯ

Редактор – О. Кирпичникова
Вёрстка – А. Конанчук

Автор книги – Ольга Александровна Семихатова, выдающийся ученый и замечательный человек, свидетель и участник многих событий прошлого столетия в нашей стране. Она родилась в Москве и окончила биологический факультет МГУ в 1945 году. В начале войны она вместе с семьей уехала в эвакуацию в Ташкент и как студентка Среднеазиатского университета поехала работать на Биостанцию в высокогорном Памире. Этой «первой любви», сохранившейся навсю жизнь – к Памиру, с которым потом были связаны годы работы, посвящена изрядная часть воспоминаний. И именно Памир, волею судьбы, сделал ее ленинградской: в ленинградском Ботаническом институте Академии наук оказалась свободной «памирская единица»! А в 50-м году, во время разгара лысенковщины, О.А., уже сотрудник БИНа, защитила там кандидатскую диссертацию. Там она и проработала до 1996 года, стала доктором

в 1973 году, а в 1997 году ей было присвоено звание заслуженного деятеля науки. После формального выхода на пенсию О.А. многие годы почти ежедневно приходила в институт и продолжала активно и плодотворно работать и, написав свою последнюю научную статью в 2013 году, по просьбе друзей и родных взялась за воспоминания. И это ей прекрасно удалось! Книга очень интересна и написана просто, не вычурно, без лишнего пафоса, уютно и как-то «по-домашнему», легким и немного старомодным языком, так что кажется, что текст сам просится в глаза и уши и хочется читать еще. В воспоминаниях явственно проступают цельность и незаурядность натуры, стойкая жизненная позиция, прямота жизненного пути, необычайная преданность выбранному делу.

Как пишет сама О.А., «теперь, много лет спустя, все чаще сталкиваешься с тем, что молодежь, и не очень молодежь, не имеет никакого понятия о том важнейшем периоде жизни нашей страны – военном времени. А у меня сохранились дневники тех лет, позволявшие его описать на основе тех фактов и того представления о них, которое не только сохранилось в памяти, но и имеет документальную основу. Дневники давали возможность воспроизводить тогдашнее мировоззрение и оценки своих и чужих поступков».

Такие воспоминания очень дорого стоят, поскольку путь такого человека, его реакции, поступки, общение с людьми, оценки, обычные действия в самых разных ситуациях несут огромную пользу нам – младшим поколениям.